

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды

О.В. Радчук

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
«ОТСУТСТВИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Харьков 2019

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Р 15

*Рекомендовано к печати ученым советом Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды
(протокол №6 от 29.08.2019г.)*

Научный редактор:

Е.А. Скоробогатова – доктор филологических наук (Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды)

Рецензенты:

Попов С.Л. – доктор филологических наук, профессор
(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Кравцова Ю.В. – доктор филологических наук, профессор
(Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова)

Дьячок Н.В. – доктор филологических наук, доцент
(Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара)

Радчук О.В.

Р 15 Лингвокогнитивная репрезентация понятия «отсутствие» в русском языке: монография / Радчук О.В. Харьков: Юрайт, 2019. - 288с.

ISBN 978-617-7450-07-7

Монография посвящена рассмотрению в когнитивном аспекте вербальных и невербальных репрезентантов понятия «отсутствие» на материале русского языка. Обращение к понятию «отсутствие» при исследовании языковых единиц разных стратумов языковой системы позволило выявить и объяснить с когнитивных позиций некоторые характерные черты русского языка.

Объединение психологического и исторического векторов исследования языковых единиц с социокультурным дало возможность применить методологию межкультурного трансфера, непосредственно демонстрирующую связь русского языка с ментальностью его носителей.

Книга может заинтересовать лингвистов, а также других гуманитариев, поскольку понятие «отсутствие» не только обладает большим экспланаторным потенциалом и обнаруживает ассоциативные связи и метафорические интерпретации в лингвальном аспекте, но и активно используется лингвистами, психологами, социологами, философами.

ISBN 978-617-7450-07-7

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
© **Радчук О.В.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА И ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
1.1. Теоретическая значимость понятия «отсутствие» в системе языка и ее проекция на когнитивные исследования	11
1.2. Аргументация в пользу выбора термина <i>понятие</i> в рассмотрении лингвокогнитивных средств	21
1.3. Понятие «отсутствие» как объект лингвистики и степень его изученности в гуманитарных науках	32
1.3.1. Исследование понятия «отсутствие» в междис- циплинарном аспекте	32
1.3.2. Современное состояние изученности проблемы в языкознании	40
Выводы	55
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	59
2.1. Преемственность лингвистических взглядов П.А. Лавровского и современных языковедов-когнитологов	62
2.2. Апперцепция как психологический вектор когнитивных процессов в описании лексического многообразия экспликации понятия «отсутствие»	70
2.3. Когнитивный подход к изучению взаимовлияния языков в онтогенезе и филогенезе	74
2.4. Применение методологии культурного трансфера для выявления лингвоспецифического и идионационального своеобразия репрезентации понятия «отсутствие»	80
Выводы	84
ГЛАВА 3. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	89
3.1. Актуальность генетической связи оппозиции отсутствие – присутствие для когнитивного изучения понятия «отсутствие» ..	89
3.2. Понятие «отсутствие» в довербальной и невербальной коммуникации	101
3.3. Особенности репрезентации понятия «отсутствие» в паремиях	113
Выводы	123
ГЛАВА 4. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ДЕРИВАЦИОННАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ»	125

4.1 Внутренняя структура понятия «отсутствие» в языковой ментальной репрезентации	125
4.1.1 Корреляция понятия «отсутствие» с понятиями «пустота» и «отрицание»	125
4.1.2 Языковые референты понятия «отсутствие»	137
4.2. Префиксальная экспликация понятия «отсутствие» и механизмы ее нарушения	148
4.2.1 Утрата семы 'отсутствие' при двойной префиксации	148
4.2.2 Нарушение механизма репрезентации сем 'наличие' и 'отсутствие' в формировании значения слов	158
4.3. Экспланаторный потенциал понятия «отсутствие»	164
Выводы	175
ГЛАВА 5. «ОТСУТСТВИЕ» В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: СУЩНОСТЬ VS ЯВЛЕНИЕ	179
5.1. Грамматическая лакуарность как проявление понятия «отсутствие»	179
5.2. Семантические типы понятия «отсутствие» в грамматике русского языка	188
5.3. Супплетивизм как результат развития языка и отражение ментальности его носителей	205
5.3.1. Супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака	205
5.3.2. Словоизменительный супплетивизм	210
5.3.3. Квазисупплетивизм как особый вид деривации	217
Выводы	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	237
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	265
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	271
АННОТАЦИЯ	277
ABSTRACT	282

ВВЕДЕНИЕ

Известный американский лингвист, положивший начало когнитивному направлению в языкознании, Дж. Лакофф в послесловии к книге «Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении» написал о том, что для него «важной целью было разработать альтернативу объективистским взглядам, которая бы сохраняла все ценное, что есть в объективизме, и в то же время позволяла бы продвинуться в исследовании разума далеко за те пределы, которые были поставлены перед такими исследованиями объективизмом» [Лакофф 2011: 485]. Последующие теории, представляющие интерес для когнитивной лингвистики, развивали концепцию американского ученого и предлагали свои пути рассмотрения языка в тесной связи с когнитивными способностями и потребностями человека.

Научные разработки, появившиеся во второй половине XX века, основывались на принципе антропоцентризма и изучали язык как феномен психики человека. основополагающими работами, в которых нашли развитие идеи Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Э. Рош, Ч. Филлмора, У. Чейфа, стали труды зарубежных лингвистов (А. Вежбицкой, В. Карасика, Е. Кубряковой, З. Поповой, И. Стернина, А. Шмелева) и позже отечественных языковедов (С. Жаботинской, Т. Радзиевской, Е. Селивановой и других). Лингвистический интерес к данной проблематике в конце XX – начале XXI веков активно поддерживался в исследовании концептов. Однако изучение концептов, хотя и было уверенным шагом вперед в науке о языке, в то же время отличалось фрагментарностью и утратой системного подхода в изучении языка. Описание вербализации концептов, как правило, проводилось в основном в аспекте исследования лексико-семантического поля и фразеологического фонда языковой системы, хотя были отдельные работы о синтаксических концептах.

Намеченный приоритет дедуктивного подхода к языку требует, с одной стороны, особого внимания современных когнитивных студий к новому этапу языковых обобщений в виде абстрактной лексики, имеющей

конкретную реализацию в дискурсе, а, с другой стороны, – охвата всей системы языка.

Актуальность темы монографического исследования обусловлена значимостью понятия «отсутствие» в изучении системы языка целостно, описания значимого отсутствия, без которого многие факты языка не могут быть объяснены. В связи с этим остается не изученной проблема «пустых» звеньев языковой системы в когнитивном аспекте, значимое отсутствие того, что системно должно или может быть, но его нет по каким-либо лингвальным или экстралингвальным причинам. Необходимость системного подхода в рассмотрении понятия «отсутствие» продиктована стремлением междисциплинарного объединения ученых в обобщении знаний о человеческом языке как феномене. Понятие «отсутствие» является также ценностно значимым для всех носителей русского языка, поскольку раскрывает безграничные возможности для объяснения и понимания смыслов, которыми обладают знаки, передающие информацию об окружающем человека мире.

Цель работы состоит в представлении лингвокогнитивных средств репрезентации понятия «отсутствие» в системе русского языка, в выявлении особенностей реализации понятия «отсутствие» в русском языке, в объяснении с когнитивных позиций механизмов формирования данного понятия в языковой системе.

Поставленная в монографии цель предусматривает решение следующих *задач*.

1. Обоснование значимости понятия «отсутствие» для изучения всей системы языка и важности использования его в междисциплинарном аспекте.
2. Определение степени изученности понятия «отсутствие» в гуманитарных науках, в частности в лингвистике, с целью выявления явлений, оставшихся без внимания языковедов.
3. Установление методологических рамок для выбора методов исследования лингвокогнитивных средств реализации понятия «отсутствие» в русском языке.
4. Рассмотрение когнитивной эволюции представления понятия

«отсутствие» в русском языке, начиная с довербального развития коммуникации.

5. Выявление особенностей реализации понятия «отсутствие» в системе русского языка на основе объединения теории прототипов, этимологического анализа и современной интерпретации, а также проведения сопоставления с другими языками.

6. Описание лексико-семантической и деривационной экспликации особенностей репрезентации понятия «отсутствие» в русском языке.

7. Представление понятия «отсутствие» как грамматической лакунарности в русском языке.

8. Разграничение семантических типов понятия «отсутствие» в грамматике русского языка на основе исторических фактов.

9. Систематизация представлений о супплетивизме как материальном проявлении отсутствия повторяемости знака в системе русского языка.

Объектом исследования является система языка, представленная в дискурсе.

Предметом исследования являются вербальные и невербальные единицы языка, репрезентирующие понятие «отсутствие».

Фактическим материалом для исследования послужили разнородные языковые единицы, основные семантические компоненты которых эксплицируют понятие «отсутствие». Выборка осуществлялась из произведений художественной литературы, повседневной речи русскоговорящего населения Украины, различных лексикографических источников, а также в процессе анкетирования студентов филологических специальностей. Сбор материала для анализа проводился на протяжении всей работы над монографией и добавлялся в уже описанные фрагменты работы.

Методологической основой исследования являются общие законы диалектического развития языка, под которыми мы понимаем тесную связь языка и мышления, единство формы и содержания, переход количества в качество, закон отрицания отрицания.

В качестве теоретической основы в методологическом плане стала

преемственность научных взглядов украинских лингвистов, психологическое учение А.А. Потебни об апперцепции, взаимовлияние языков в онтогенезе и филогенезе.

Понятие «отсутствие» рассмотрено в синхронно-диахроническом измерении с учетом достижений когнитивной лингвистики. Была применена методология культурного трансфера, предполагающая связь явлений языка с культурой этноса.

Методы исследования вытекают из общей методологической базы и поставленных в работе задач. *Описательный* метод использован в процессе систематизации и обобщения теоретического и иллюстративного материала, *сопоставительный* метод был применен при анализе примеров из разных языков с целью выявления особенностей репрезентации понятия «отсутствие» в русском языке, метод *компонентного* и *семного* анализа позволил определить особенности понятия «отсутствие» в структуре лексем и граммем, метод *интерпретации* способствовал толкованию понятия «отсутствие» в лингвокультурологическом, психологическом и социальном контекстах, с помощью *типологического* метода были разграничены семантические типы понятия «отсутствие» в грамматике русского языка, *экспериментальный* метод и метод *анкетирования* применялись с целью сбора языкового материала и выявления грамматической лакунарности, объединение *прототипического* метода и *этимологического* анализа было направлено на выяснение особенностей лексико-семантической и деривационной экспликации понятия «отсутствие» в русском языке.

Научная новизна монографического исследования состоит в том, что впервые в основу работы положены труды не только известных зарубежных лингвистов, упор сделан на труды украинских ученых разных поколений, показана преемственность взглядов отечественных лингвистов XIX, XX и XXI веков; в плане методологии было использовано совмещение психологического и исторического вектора исследования с социокультурным, применена методология культурного трансфера, разработанная французскими лингвистами; выделены и представлены лингвокогнитивные вербальные и невербальные средства, репрезентующие понятие

«отсутствие» в русском языке; показано, что понятие «отсутствие» обладает большим экспланаторным потенциалом, то есть с помощью данного понятия возможно объяснение многих других понятий, такую функцию не могут выполнить понятия «отрицание» и «пустота», с которыми оно коррелирует.

Теоретическое значение монографии состоит в определении теоретических основ изучения абстрактных понятий, имеющих фундаментальное значение для междисциплинарного направления когнитологии. Теоретический вклад в языкознание состоит в углублении учения о внутренней форме слова, об апперцепции, о совмещении методологических подходов при анализе языкового материала. Теоретически важным считаем изучение понятия «отсутствие» как стержневого в системе языка. Научно обоснованное лингвокогнитивное осмысление понятия «отсутствие» открывает новые возможности для описания лексических и грамматических языковых единиц.

Практическое значение работы определяется возможностью использования ее результатов в преподавании языковедческих дисциплин лингвистического цикла, в спецкурсах и спецсеминарах по вопросам когнитивной лингвистики, в процессе создания словарей.

Концептуально исследование построено в соответствии с логикой, которая отражает наше видение данной лингвистической проблемы. В монографии мы попытались дать ответ на вопрос: почему понятие «отсутствие» так значимо для славянской культуры, поскольку проблема соотношения языка и культуры находится в эпицентре интересов современной лингвистики. Мы поддерживаем точку зрения В.И. Карасика на то, что «новые исследования подтверждают гумбольдтианский тезис о том, что культура определяет мировосприятие, отраженное в содержании языковых единиц, а языковые единицы, в свою очередь, существенным образом детерминируют склад мышления, присущий тому или другому народу» [Карасик 2013: 278]. Мы считаем, что смысловая концентрация отсутствия реализована на всех уровнях языковой системы и отражает аномалию, связанную с ментальностью и культурой славянского этноса.

Появление этой монографии стало возможным благодаря поддерж-

ке моих уважаемых коллег по кафедре славянских языков ХНПУ им. Г.С. Сковороды. Ученики профессора Галины Федоровны Калашниковой, к которым и я отношусь, продолжают развивать традиции научной школы своего Учителя. Наши достижения в науке – это всегда и ее успех, сердечное ей спасибо.

Особую благодарность я хочу выразить моему научному консультанту – доктору филологических наук, заведующей кафедрой славянских языков Елене Александровне Скоробогатовой, чей научный интерес, профессионализм были и остаются для меня примером.

Большое спасибо моим коллегам по кафедре: доктору филологических наук, профессору Ивану Ивановичу Степанченко, доктору филологических наук, профессору Анатолию Тихоновичу Гулаку, кандидату филологических наук Валерии Юрьевне Шишкиной за ценные советы по совершенствованию работы. Я благодарна уважаемым рецензентам монографии: доктору филологических наук, профессору Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина Сергею Леонидовичу Попову, доктору филологических наук, профессору Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова Юлии Валентиновне Кравцовой, доктору филологических наук, доценту Днепровского национального университета им. Олеса Гончара Наталье Васильевне Дьячок за внимательное прочтение моей работы, авторитетные замечания и рекомендации.

Слова искренней признательности я хочу сказать своей семье – мужу Александру Павловичу, сыновьям Павлу и Дмитрию, которые всегда верили в меня и во все мои начинания. Особое место в моей жизни и моем сердце занимает моя сестра – профессор кафедры английской филологии нашего университета Наталья Васильевна Тучина. Благодаря ее примеру трудоспособности, преданности профессии и умению противостоять трудностям я смогла написать монографию.

В повседневной жизни редко приходится говорить слова благодарности своим друзьям, но сегодня есть возможность сделать это. Слова признательности я адресую всем и каждому, с кем меня соединила жизнь.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА И ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теоретическая значимость понятия «отсутствие» в системе языка и ее проекция на когнитивные исследования

Понятие «отсутствие» относится к таким базовым абстрактным понятиям, которые играют значительную роль в концептуальной системе языка и имеют важное социально-культурное значение.

Осознание присутствия близких людей и наличия предметов первой необходимости формируется у каждого человека с момента его рождения. Ощущение отсутствия объектов первостепенной значимости является существенным для индивидуума в любой сфере его деятельности, как бытовой, так и профессиональной. Жизнь и все процессы функционирования личности складывается в конкретных реалиях мира, которые представлены в оппозиции наличие vs отсутствие. Человек постоянно находится погруженным в это противопоставление и ощущает либо наличие необходимого или опасного объекта, либо его отсутствие. В то же время люди обычно не обращают внимание на наличие / отсутствие тех объектов, которые им не нужны или не представляют опасности. И наличие, и отсутствие всегда детерминируют объект, который потенциально существует. Понимание и восприятие отсутствия объекта нарушает целостность и гармоничность жизни человека в одних случаях и успокаивают в других.

Хорошо известным в лингвистике является выделение учеными-логиками двух видов кванторов: кванторы общности (значения от “все, всё” до значений “никто, ничто”) и кванторы существования (значения от “есть, существует” до значений “нет, не существует”). На кванторной шкале существования понятие «отсутствие» является крайней точкой значения [Кондаков 1975]. Вычлененные и зафиксированные логикой кванторы не случайны, поскольку кванторами являются понятия наиболее важные для мыслительной деятельности человека, которой и занимается со времен Аристотеля логика. К таким понятиям относится и «отсутствие», входящее в состав важнейшего для человеческого мышления квантора существования.

Содержимое оппозиции наличие vs отсутствие может быть постоян-

ным, если относится к устройству мира природы и общества (например, моральным ценностям: *добро vs зло*), но может быть и переменным, если объекты принадлежат к другим сферам. Познавая окружающий мир, человек сам наделяет его смыслами, которые отражают его жизнь в оппозиции наличие *vs* отсутствие самыми разнообразными способами и средствами (вербальными и невербальными).

Осознавая себя частицей мироздания, индивид познает формы материи в первую очередь с помощью сенсорно-моторных ощущений: зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых и обонятельных. Сформированное на основе индивидуального восприятия мироощущение содержит понимание оппозиции наличие *vs* отсутствие и приводит к философским обобщениям. По замечанию Т.В. Цивьян, «человек живет в окружении звука, и оппозиция *звук / беззвучие*, в пространственном коде соответствующая оппозиции *движение / неподвижность* является одним из выражений оппозиции *жизнь / смерть*» [Цивьян 2008: 24]. Этот тезис соотносится с пониманием того, что у каждой личности формируются понятия «наличие» и «отсутствие», связанные с общечеловеческими ценностными ориентирами. При этом оба понятия складываются с учетом социокультурного представления их в конкретном этносе.

Как и любое иное понятие, «отсутствие» является результатом мыслительных процессов, которые отражают что-либо конкретное в ментальности человека. Поскольку языковые способности человека относятся к его когнитивным способностям, то понятия вербализируются. В дискурсе находят воплощение репрезентанты понятий. Мы используем термин *репрезентации*, поскольку языковые или речевые экспликации являются вторичным проявлением абстрактных понятий, то есть репрезентантами лексических номинаций или грамматических форм. Появление новых номинаций, новых грамматических форм, в которых находит воплощение понятие «отсутствие», происходит под влиянием психологического процесса апперцепции.

Вслед за А.А. Потебней мы рассматриваем апперцепцию как вторичное, осознанное восприятие, подкрепленное опытом [Потебня 1993]. Укажем, что апперцепция не ограничивает диапазон языковых референ-

тов, передающих понятие «отсутствие», поскольку этот процесс тесно связан с развитием языка и эволюцией человека. Уточняя представленность понятия «отсутствие» в языке, мы констатируем тот факт, что арсенал средств репрезентации данного абстрактного понятия постоянно изменяется. Во-первых, это осуществляется за счет расширения значений слов, метафоризации, появления новых номинаций; во-вторых, происходит возникновение и исчезновение некоторых грамматических форм, которые репрезентируют понятие «отсутствие», а также изменение или трансформация их лексического выражения.

Лингвокогнитивное осмысление и описание вербальных средств представления понятия «отсутствие» считаем возможным при опоре на теорию прототипов американского психолога Э. Рош, которая построила свою концепцию на основе ассоциативных экспериментов [Rosch 1975]. По замечанию Дж. Лакоффа, «исследование прототипических эффектов Рош имело целью показать асимметрию между членами категории и асимметричные структуры внутри категории. Поскольку классическая теория не предусматривает такую асимметрию, необходимо было либо дополнить ее, либо предложить другую» [Лакофф 2011: 63]. Разработанный подход продуктивен и в рамках нашего исследования.

Изучение понятия «отсутствие» как стержневого в языковой системе также связано с асимметрией. Вся система языка сформировалась на противопоставлении во взаимообусловленных лексических классах и грамматических категориях по наличию или отсутствию каких-либо признаков. Пустые звенья в системе, отсутствие чего-либо, так называемые значимые нули, имеют определенное место в парадигме и играют системообразующую роль.

Необходимо уточнить, что открытие числа *ноль* в математике, которое на числовой прямой разделило числа на отрицательные и положительные, явилось важным когнитивным шагом человечества и обретением для всех наук, не только точных. Именно системообразующий параметр данного числа становится исходной точкой отсчета от того, чего не было, не существовало. Появление цифры *ноль* соотносят с понятиями «пустота» и «отсутствие» и связывают с древнеиндийской культурой, в которой со-

стояние нирваны ассоциировалось с небытием, когда ничто не вызывало никаких потребностей, то есть наблюдалось полное отсутствие желаний. Если графическое обозначение многих чисел изменялось, то изображение нуля в общем виде сохранилось с доисторической эпохи. И даже в тех древних цивилизациях (например, Китае), где число ноль долгое время не было введено в употребление, для символического обозначения *ничего* использовался кружок.

Интересным является тот факт, что древние племена, применявшие узелковую систему письма кипу, цифру *ноль* помечали пропуском узелка в нужной позиции [Купрієнко 2012]. В сознании древних людей понятие «отсутствие» уже не только было, но и находило презентацию в предметном типе письма.

В своем исследовании мы исходим из того, что значимые понятия существуют абстрактно, независимо от их конкретной реализации, вербальной или невербальной. Прототипы как первая ассоциация, возникшая у человека с определенным понятием, также могут существовать идеально, не воплощаясь в конкретную материальную форму. Подтверждение сказанному находим в высказывании Дж. Лакоффа о том, что «исследование процессов человеческих умозаключений является частью исследования человеческого мышления и структуры понятий; отсюда следует, что прототипы, используемые в умозаключениях, должны быть частью структуры человеческих понятий» [Лакофф 2011: 70]. Данное утверждение соотносится с нашим пониманием первичности прототипа и вторичности вербальной или невербальной репрезентации понятия «отсутствие». Прототип имплицитно содержит фрагмент экстралингвистического знания в сознании субъекта и предопределяет экспликацию понятия. Мы понимаем прототип как наиболее типичный и чаще всего встречающийся в конкретном языке (в данном случае в русском) языковой элемент, обладающий релевантными свойствами и выступающий «аттрактором» в языке и речи.

Определяя «отсутствие» в системе языка как понятие, мы исходим из того, что категория всегда предполагает родо-видовые отношения, а в понятии заключается синтезирование признаков, объединение их в единое целое, то есть гештальтный образ.

Чем сложнее объект исследования, тем важнее определение основного термина, приложимого к разрешению проблемы работы. Поскольку данный термин будет нести особую смысловую нагрузку в постижении значимости теоретической установки исследования понятия «отсутствии» в системе русского языка и изыскании верного вектора в прикладном рассмотрении вопроса, мы обратились к аргументации в пользу выбора непосредственно термина *понятие*. Мы привлекаем данные этимологии указанного слова, вскрывающей его внутреннюю форму, поскольку содержание термина *понятие* считаем существенным для рационального описания языковой и ментальной сферы отсутствия в осмыслении системы языка носителями русского языка. Понимание внутренней формы слова как основы номинации неоднократно подчеркивалась в теоретических разработках не только А.А. Потебни, но и последующих поколений лингвистов [Кияк 1988; Снитко 1990, Уфимцева 1977].

Как нам представляется, формат применения термина *понятие* *отсутствие* в теоретическом плане относится к междисциплинарным знаниям. К общенаучным принципам принадлежит описание систем на основе бинарных оппозиций: аналогия vs аномалия, определенность vs неопределенность и тому подобное, что по-новому освещается когнитивными, представляющими различные отрасли гуманитарного знания.

В отечественном языкознании весомый вклад в развитие когнитивной лингвистики внесла С.А. Жаботинская [Zhabotynska 2001, Жаботинская 1999, Жаботинська 2005, Жаботинська 2011]. В ее исследованиях нашла развитие теория фреймов и доменов, основы которой также были заложены американскими учеными, среди которых выделяется своими работами Ч. Филлмор [Fillmore 1985]. Согласно его теории, в памяти человека сохраняется большой набор разнообразных фреймов, которые актуализируются во время восприятия новой информации.

Фреймовые структуры основаны на синтагматике языковых единиц, в то время как прототипы отражают парадигматические отношения внутри языковой системы. Именно поэтому мы считаем, что теория прототипов является оптимальной для наших теоретических обобщений и разработки нового теоретического подхода к анализу репрезентаций понятия

«отсутствие» в системе русского языка.

В современном языкознании теория прототипов нашла развитие в трудах Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Д.Н. Новикова, А.Д. Кошелева и других представителей когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004, 2008; Рахилина 2010; Новиков 2010, Кошелев 2015]. Описывая значения лексических единиц с когнитивных позиций, они углубили научное представление о семантике естественного языка. Однако грамматические исследования в этой области еще недостаточно разработаны, требуют дальнейшего лингвистического рассмотрения. Хотя связь грамматики с лексикой является онтологической, ограничения, накладываемые лексикой на грамматику и наоборот, остаются мало изученными и освещенными в научной литературе.

Мы считаем, что понятие «отсутствие» и на лексико-семантическом, и на грамматическом срезе языка представляется языком изоморфными способами, а именно вторичным проявлением, и поэтому для распознавания, рассмотрения и описания языковых фактов проявления понятия «отсутствие» мы применяем и однородные методы: семного и компонентного анализа.

Еще Ю.Д. Апресян писал об общих методах исследований значений в лексике и грамматике [Апресян 1995]. Анализ на основе дифференциальных признаков (компонентный анализ) в грамматике был перенесен в область лексической семантики, и при изучении лексики семный анализ и компонентный анализ стали восприниматься как синонимы. Применение компонентного разложения в грамматике при рассмотрении языковых явлений шире понимания компонентного изучения лексической семантики слова.

Мы полагаем, что лингвокогнитивное описание фрагментов системы русского языка, которые формируются за счет понятия «отсутствие», является необходимыми для современного осмысления системного характера языка. Исследование понятия «отсутствие» в системе языка в когнитивном аспекте, на наш взгляд, является крупной научной проблемой, имеющей важное значение для углубления понимания структурных отношений в отдельных стратумах и взаимообусловленности единиц разных

стратумов. Собственно, в этом состоит актуальность.

Проблема изучения абстрактных понятий в русском языке, рассмотрения отсутствия как семантической функции уже ставилась и решалась известными лингвистами [Апресян 1995, Мельчук 1999, Правдин 1991]. Новизна нашего понимания проблемы и путей ее разрешения состоит в новом подходе, основанном на применении теории прототипов. Привлекая данные психологии, мы пытаемся объяснить запечатлённое в нашем сознании психическое представление, имеющее лексическую и грамматическую объективацию, которая является вторичной по отношению к прототипу. Свои интерпретации мы подкрепляем данными ассоциативных экспериментов, информацией широкого спектра лексикографических источников и, прежде всего, этимологических справочников, поскольку их сведения помогают вскрыть внутреннюю форму слов, необходимую для установления связи с прототипом. Укажем, что Э. Рош метод интерпретации считала основным методом в исследовании прототипов.

Интерпретацию мы понимаем в широком смысле: как толкование, оценку языковых фактов с точки зрения значимости их для человека. К интерпретации мы относим всесторонний анализ использования репрезентаций понятия «отсутствие» в коммуникации и в разных видах дискурсов. В данном исследовании с помощью интерпретации проводится уточнение ядерных и периферийных областей в значении номинаций, отражающих понятие «отсутствие»; выявление семантической динамики анализируемых репрезентантов понятия «отсутствие»; описание грамматической лакуарности как проявления понятия «отсутствие» в грамматической системе русского языка; предлагается характеристика морфологических и деривационных репрезентантов данного понятия. Интерпретационный метод используется нами при исследовании парадигматических связей и сферы употребления лексем, отражающих понятие «отсутствие». Считаем важным применением интерпретации для установления национальной специфики проявления понятия «отсутствие», что заложено в онтологическом представлении концептуальных систем языков, в нашем исследовании – русского.

Вся система языка построена на онтологических принципах, кото-

рые в современной когнитивистике обозначаются как маркированность vs немаркированность. Маркированность мы соотносим с наличием признаков, а немаркированность – с отсутствием признаков. Например, основанием для разграничения знаменательных и служебных частей речи служат признаки, связанные с наличием vs отсутствием морфологических категорий, наличием vs отсутствием способности выполнения синтаксической функции члена предложения. В академической грамматике об этом говорится следующее: «Служебные слова противостоят знаменательным словам как такие слова, которые, во-первых, не имеют морфологических категорий и, во-вторых, выполняют только служебные функции в синтаксической конструкции» [Русская грамматика 1980: 458]. Существует достаточно большой перечень сходных определений, поскольку понятия «отсутствие» или «наличие» предполагают инвариант или варианты в качестве прямого объекта описания.

Первоначально утвержденная пражскими структуралистами оппозиция вариант vs инвариант в фонологии позже была перенесена и на другие ярусы языковой системы. Инварианты и варианты выделяются как в лексико-семантической, так и грамматической области языка. В большинстве случаев варианты предсказуемы, а в тех случаях, когда прослеживается непредсказуемость, наблюдается отсутствие.

Отчасти это было представлено в лингвистической концепции И.А. Мельчука. Согласно его теории, ограниченная лексическая сочетаемость, включая лексические функции, моделировалась парадигматическими и синтагматическими коррелятами. В созданной во второй половине XX века лингвистической теории И.А. Мельчука представлена многоуровневая модель языка, предполагающая преобразования смысла в текст и текста в смысл [Мельчук 1961; Мельчук 1999]. Указанная концепция основана на предсказуемости, поскольку изначально была ориентирована на решение прикладных задач машинного перевода текстов с одного языка на другой. Сконструированная модель языка отражала формальные структурные особенности языковой системы, но не обеспечивала генерирование модели языка, соотнесенной с действительностью, реальностью. Данная стратификационная теория языка не применима к исследованию

аномальных языковых явлений, включая семантические. Это связано с тем, что правила подбора семантических коррелятов не всегда могут опираться на переводные эквиваленты, а строгий порядок алгоритма не всегда соответствует лексической семантике слова в русском языке.

В современной теории «канонического» подхода к грамматической типологии, предложенной Г. Корбетом в начале двухтысячных годов, рассматриваются так называемые отклонения от «канона» в морфологии [Corbett 2013]. Исследуя соотношения между конкретными морфосинтаксическими признаками и частями речи, британский языковед фиксирует отклонения таких грамматических категорий, как род, число, падеж и лицо. Ученый обнаруживает нарушения в синтаксических и морфологических процессах при взаимодействии морфосинтаксических признаков с частями речи. Согласно теории Г. Корбета, в типологическом пространстве возможностей языка необходим формальный языковой элемент в качестве точки отсчета для реальных явлений, различным образом отклоняющихся от «канона». С данной темой связана и проблема типологически адекватного определения отрицания, исследуемая лингвистом О. Бондом [Bond 2013].

Как нам представляется, обе проблемы непосредственно связаны с понятием «отсутствие» в языковой системе. Понятия «отклонение», «отрицание» относятся к описанию асимметрии языковой системы с помощью оппозиций, которые не всегда бинарны, но могут быть представлены более разветвленным способом выражения. Аномальные языковые явления все чаще привлекают внимание современных лингвистов. Теоретическое осмысление понятия «отсутствие» в этом аспекте имеет большую перспективу. Недостаточно изученными в когнитивном плане остаются переходные морфосинтаксические явления, анализ взаимодействия которых позволит выявить когнитивное значение переходных процессов в языковой системе. Например, в определенных контекстах адъективы способны переходить в разряд субстантивов (*столовая, ванная* и другие), при этом они утрачивают признаки определений и приобретают признаки, характерные для номинаций объектов, и начинают выполнять соответствующую синтаксическую роль в предложении. Синтез лексико-семантиче-

ских и грамматических признаков единиц языка, описание переходных языковых явлений, корреляцию между семантическим наполнением и грамматикализованным вариантом также возможно рассмотреть с опорой на оппозицию наличие vs отсутствие.

В языковой системе, как и в ментальном сознании носителей русского языка, понятие «отсутствие» чаще имеет отрицательную коннотацию. Аналогичное представление понятия «отсутствие» в системе языка связано с тем, что отсутствие какого-либо признака не допускает отнесенности языковой единицы к определенному классу, категории, что передает негативную семантику, то есть не позволяет языковой единице представлять более значимый по статусу класс единиц. Например, отсутствие признака предикативности не дает возможности рассматривать словосочетание как единицу одного порядка с предложением, поскольку предикативность является основным и первостепенным признаком последнего. Именно наличие указанного признака делает языковую единицу предикативной, то есть относит к предложениям.

На наш взгляд, необходимо учитывать то, что выражение понятия «отсутствие» в системе языка, в данном случае русского, отражает в одних случаях абстракцию (инвариант), а в других – конкретную реалию (вариант), являясь точкой пересечения языка и мысли. В определенных контекстных реализациях понятие «отсутствие» порождает новый концептуальный смысл и передает новые концептуальные знания.

Тенденции, которые определяют развитие современного языкознания, направлены на стремление целостного понимания системы языка, единицы которой когнитивно обусловлены. Выявление когнитивно значимых оппозиций в координатах наличие vs отсутствие в системе русского языка позволит по-новому, с когнитивной точки зрения, представить систематизацию и упорядочение структурных элементов системы. Мы считаем, что с помощью понятий «наличие» – «отсутствие» возможно когнитивное описание смысла языковых единиц, конструкций, моделей и их речевых репрезентаций, которые передают ментальные и культурные особенности носителей русского языка.

1.2. Аргументация в пользу выбора термина *понятие* в рассмотрении лингвокогнитивных средств

Выбор терминологической базы исследования является важнейшим этапом рассмотрения любого научного вопроса. В современных работах по когнитивной лингвистике используется широкий спектр терминологического инструментария для обозначения гносеологических обобщений, что связано, прежде всего, с постоянно поддерживаемым интересом как гуманитарных, так естественных и математических наук к описанию процессов познавательной деятельности индивидов.

Термин *понятие* получает новое осмысление в когнитивной лингвистике, что связано с развитием терминологии как интеллектуального языка современной лингвистической науки. «Первооткрывателями» этой отрасли языкознания считают Г.О. Винокура, О.С. Ахманову, В.В. Виноградова. Значительное внимание вопросам становления, функционирования и описания терминов уделила и плеяда современных лексикографов – Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Е.А. Селиванова, А.Д. Шмелев, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, Ф.С. Бацевич. Тем не менее, как пишут Ж. Багана и Е.Н. Таранова в книге «Терминообразование в языке науки», «проблема статуса термина вследствие своей многогранности является центральной на протяжении всей истории развития терминоведения» [Багана Ж., Таранова Е.Н. 2012: 8].

Когнитивисты ввели в научный обиход новые термины, применение которых предусматривает объединение данных разных наук. Когнитология как интегральная наука о когнитивных процессах в сознании человека опирается, прежде всего, на языковые данные при объективации мыслительной деятельности человека, поэтому когнитивная лингвистика является ведущей научной дисциплиной в когнитологии. Основной семантической единицей в когнитивной лингвистике является *концепт*. Несмотря на различные трактовки термина, большинство ученых определяют его как ментальную и психическую единицу сознания человека, которая на основе знаний и опыта человека формирует целостное представление о каком-либо феномене действительности и предполагает определенное

материальное выражение. Концепт имеет нуклеарную структуру, ядром которой является понятие. Сохраняя основное значение, в дискурсивной практике концепт расширяет свои образные и ценностные компоненты за счет новых ассоциаций. Популярность данного термина у лингвистов-когнитологов подтверждается большим количеством монографических исследований, посвященных лингвокультурным концептам (например, работы Ю.С. Степанова, В.И. Карасика и других). При описании концептов языковеды прибегают к методу экспансионизма, и именно выход за пределы лингвистики, сближение лингвистики с другими науками является актуальной тенденцией в развитии современной когнитивной науки.

Хотя *концепт* и *понятие* происходят из разных дисциплинарных полей, они изначально имеют близкое содержание, поэтому для лингвистов оказывается важным корректное разграничение данных терминов. Поскольку лингвистика входит как составная часть в общую когнитологию, то необходимо предусматривать тот факт, что специалисты из других областей знаний не всегда используют термин *концепт*, а отталкиваются в своих изысканиях при рассмотрении гносеологических проблем от понятия, поэтому термин *понятие* становится более универсальным. Бинарная оппозиция по наличию / отсутствию каких-либо признаков, характеристик у изучаемого объекта выдвигает на передний план понятие «отсутствие», хотя оппозиция может быть и многочленной.

Понятие «отсутствие», имея этнокультурные особенности репрезентации в разных языках, может расширяться за счет разнообразных ассоциаций, которые могут образовывать периферию различных концептов. Потенциальная способность понятия «отсутствие» участвовать в формировании множества концептуальных сфер дает основания говорить о несовпадении в ментальном представлении концепта ОТСУТСТВИЕ и понятия «отсутствие». Концепт ОТСУТСТВИЕ является предметом изучения когнитивной лингвистики, а его вербализация служит объектом для анализа у языковедов. Мы полностью разделяем мнение С.Л. Попова о том, что «иногда, возможно неосознанно, происходит отождествление когнитивного и концептуального при игнорировании того факта, что понятие когнитивного шире понятия концептуального» [Попов 2014: 57].

Соотнесение языковых данных с сенсорными данными на культурологической, социологической, биологической и особенно психологической основе позволяет ученым найти смысл в их корреляции и пояснить когнитивные механизмы человеческого сознания посредством языка, используя при этом понятие «отсутствие». Данное понятие, в отличие от концепта ОТСУТСТВИЕ, является важным для всей когнитологии, которая объединяет целый ряд наук: лингвистику, логику, психологию, литературоведение, кибернетику, социологию, этнографию и философию, тем самым повышая свой статус в когнитологии. При этом понятие «отсутствие» в каждой конкретной речевой ситуации будет реализовано неодинаково, наполнено разным семантическим содержанием.

А.К. Киклевич указывает на необходимость применения социолингвистических данных при описании семантики языка: «Внешняя лингвистика» и «внутренняя лингвистика, которые были разделены Ф. де Соссюром, все больше сближаются. Оказывается, что, с одной стороны, у речевой деятельности есть свои программы – за пределами системы языка (ср. понятие прагматикона у Ю.Н. Караулова); с другой стороны, лингвисты накапливают все больше и больше информации о семантике на базе прагматики, т.е. касающейся «внешней», антропологической обусловленности семантической системы. [...] Таким образом, лингвисты постепенно приближаются к познанию единства трех сил, обеспечивающих эффективную речевую деятельность: системы языка, объективной действительности и системы социального поведения (т.е. широко понимаемой культуры)» [Киклевич 2015: 178]. Мы полностью разделяем эту точку зрения.

Выбор термина *понятие* требует обоснования, и, хотя традиция не является аргументом, считаем уместным остановиться на истории вопроса.

Общеизвестно, что и лингвистика, и многие другие науки берут свои истоки в древнейшей науке – философии, обогатившей научными терминами как гуманитарные, так и негуманитарные дисциплины, изучающие мыслительную деятельность. Особенностью мышления человека является способность познавать окружающую действительность и полученное знание о каком-либо предмете, явлении представлять в виде понятия, ко-

торое на определенном этапе развития человеческого разума вербализируется.

Наряду с термином *понятие* употребляется термин *категория*. Такой вариативный подход прослеживается с древнейших времен, что отражено в замечании известного философа современности В. Татаркевича: «Чтобы охватить мыслью разнородность явлений, человек объединяет их в группы, а для внесения в те явления наибольшего ладу и ясности разделяет их на большие группы по самым общим категориям. В истории европейской культуры такие разделения совершались от классических времен, и чем бы это ни объяснялось – их соответствием структуре явлений или действием человеческого конформизма, те большие разделения явлений, наиболее общие их категории удерживались на протяжении столетий с поразительной устойчивостью» (Перевод наш – О.Р.) [Татаркевич 2001: 37].

В связи с этим считаем целесообразным обратиться к работе Аристотеля «Категории», в которой древнегреческий философ раскрывает природу самых общих философских категорий. Все вещи, которые могут выступать в суждении в качестве предмета или предиката, ученый объединяет в десять категорий, соотнося их с «наивысшими» родами. Термин *категория* этимологически восходит к древнегреческому слову, состоящему из префикса *ката-* “цель” и корня со значением “публичная речь”. Филолог Г. Гусейнов определяет аристотелевскую категорию как «слово, обозначающее любую реальность, которой является предмет речи и мысли» [<http://postnauka.ru/video/7751>]. Ученый считает, что выделенные Аристотелем десять категорий универсальны и с их помощью человек может воспринимать, познавать и описывать окружающий мир. Мы предлагаем соотнести аристотельские категории с понятием «отсутствие». Первая аристотелевская категория – это *категория сущности* (существует ли предмет на самом деле, он есть или его нет) – непосредственно связана с понятием «отсутствие». Если предмет существует, то его можно изучить с помощью следующих восьми категорий. Десятая же аристотелевская категория – это *категория обладания* – связана с понятием «отсутствие» опосредованно: предметом, вещью можно обладать, они могут быть чь-

ей-то собственностью, но именно в данный момент у человека их нет, они отсутствуют.

«Как попытка решить дилемму лингвистического и логического в лингвистике, – отмечает В.П. Мусиенко, – возникает идея понятийных категорий, представляющих, в современной терминологии, разные уровни обобщения онтологически значимого содержания языковых единиц (О. Есперсен, И.И. Мещанинов). Это не столько способствовало решению проблемы, сколько смягчало ее остроту: произошло движение от глобальных, общечеловеческих, эпистемологических категорий к категориальности слова. Философское и логическое знание также двигалось в этом направлении, устраняя резкий разрыв между понятием и категорией» [Мусиенко 1997: 7]. Признавая термин *понятийные категории* недостаточно корректным, автор, тем не менее, избирает его в качестве рабочего при описании функционально-семантической категории (ФСК) меры в русском языке. При этом наблюдается обращение лингвиста к понятию «отсутствие», без которого, по нашему мнению, невозможно рассмотрение и грамматических, и функционально-семантических категорий: «Отсутствие категории меры в системе собственно грамматических категорий, обусловлено асимметричностью между языком и мышлением, не может служить препятствием для ее структурирования в русле функционализма» [Мусиенко 1997: 20]. Традиционное определение грамматических категорий как обобщенных понятий распространяется ученым и на функционально-семантические категории: «Понятийным стержнем, вокруг которого формируется ФСК меры, является логическая категория меры. Естественно, что ФСК меры, будучи лингвистическим объектом, с одной стороны, снимает в себе признаки категории меры как объекта логического: она структурируется на базе качественно-количественных отношений, обладает свойствами универсальности, всеобщности, с другой – наполняет содержание меры языковой спецификой: она предстает в многообразии вариантов и окружена идиоэтническим ореолом» [Мусиенко 1997: 20-21]. Мы отдаем предпочтение термину *понятие*, поскольку считаем, что понятие «отсутствие» так же обладает чертами универсальности, но при этом шире термина *категория* в плане абстрагирования и частотности употре-

бления исследователями в описаниях различных парадигм. В.П. Мусиенко представляет ФСК меры в когнитивно-функциональной парадигме и трактует категорию как «активное, деятельное начало в механизме развития мыслительного концепта в речевой деятельности» [Мусиенко 1997: 20]. Понятие «отсутствие» нами видится как составляющая когнитивно-ментального и когнитивно-дискурсивного процессов.

В научном обиходе наряду с термином *понятие* активно используется термин *дефиниция*, часто заменяющий слово *определение*. Термин *дефиниция* представляет собой буквальный перевод с латинского языка слова *definition*, производного от слова *finis* “конец, граница”. Однако, как пишет И.И. Степанченко, «в филологии значительная часть дефиниций противоречит данным психологии и философии. Этот разрыв приводит к приблизительности, метафоричности ряда лингвистических дефиниций и, в конечном счете, не идет на пользу развитию филологии. Преодолеть этот разрыв позволит лишь согласование методологических установок разных наук в рамках единой интегрированной научной парадигмы» [Степанченко 2014: 86-87]. По мнению ученого, в этом и заключается одна из задач антропоцентризма в лингвистике.

Термин *понятие* активно используется исследователями при антропоцентрическом подходе в изучении языковых явлений и единиц, что предполагает отсылку к этимологии слова, соединяющую термин-derivat с мотивирующей основой. Глагол *понять* значит “уяснить, усвоить смысл, сущность, содержание чего-либо”. Корень в слове праславянский, а современная форма развилась из древнерусского *понати* – первоначально “схватить, поймать” (мысль). Этот глагол образован с приставкой *по-* от глагола *ѣти, иму* “взять, схватить, овладеть”. Звук [н] в нем вставной. Он отделился от предлога-приставки *сън, вън* в образованиях *снять, взять* (*сънѣти, вънѣти*) и присоединился к корню. В древнерусском языке словосочетания *поѣти, понѣти жену* передавали значение “взять в жены”. Современный глагол *поймать* сохраняет свое первоначальное значение “схватить”. В Словаре Академии Российской (1806 г.) отмечается форма *няти* “плен”. Древнерусский звук [’а] (графически ѡ), давший современный [’а] (графически я), развился из праславянского носового *ę*,

который, как известно, в определенных позициях чередуется с сочетаниями гласный + носовой согласный, отсюда алломорфы корневой морфемы: -ем-, -емл-, -им-, -йм-, -ьм- (*заем, занимаю, займу, возьму, приемлю, имею*) [Цыганенко 1989: 318].

Этимологический экскурс демонстрирует емкость и содержательность термина *понятие*. Внутренняя форма и прототипы слова позволяют уточнить современное значение и пояснить его антропонимическую отнесенность. Осмысленное, осознанное восприятие и понимание возможно только человеком, на основе чего возникают вербальная и невербальная рефлексии.

Польский философ В. Татаркевич, размышляя над развитием и становлением понятий эстетики, поясняет отказ от термина *дефиниция* тем, что существуют трудно- или вообще неопределимые феномены: «... мы нередко пользуемся названиями, которые не поддаются определению; потому что употребляются свободно, примерно, а обозначаемые ими предметы не имеют общих черт. Они имеют только «родовое сходство», по выражению Л. Витгенштейна, который первым выдвинул такую мысль и поддержал ее своим авторитетом. Понятия такого рода названы «открытыми» (Перевод наш – О.Р.) [Татаркевич 2001: 37]. Действительно, и логики выделяют понятия открытые (общие) и закрытые (частные) [Конверский 2010].

Понятие «отсутствие» мы относим к открытым понятиям, поскольку к нему прибегают исследователи различных областей знаний для описания процессов концептуализации и категоризации знаний об окружающем мире. Понятие «отсутствие» – одно из фундаментальных понятий познания, которое связано с другими понятиями и является элементом терминологических систем разных отраслей научного знания, оно стилистически не маркировано и свободно вступает в синтагматические связи с другими терминами.

Идею Л. Витгенштейна об «открытых понятиях» поддержал и в дальнейшем развил американский эстет М. Вайц, который указывал на то, что «закрытые понятия» существуют только в логике и математике. Действительно, термин *понятие* лингвисты заимствовали у логиков, а связь

логики с языковедческими традициями сохранялась до XIX века. Под *понятием* логики понимают форму мышления, с помощью которой отражаются общие и существенные признаки предметов, явлений, процессов, т.е. любой объект мысли [Формальная логика 1977: 73]. Этим подчеркивается универсальность понятия как формы мышления, его способность отразить все многообразие мира.

Посредством понятий осуществляется познавательная и коммуникативная деятельность человека. Абстрагирование является наивысшей ступенью познания, которое позволяет концентрировать в понятии результат мыслительной работы. Закрепляя свои знания об окружающем мире в форме понятий, люди обмениваются ими в процессе совместной деятельности, при этом обеспечивается социальное наследование знаний.

Непременным условием адекватного мышления служит точное языковое оформление понятий, выражение их соответствующими словами и сочетаниями слов. И наоборот, непременным условием правильной речи выступает определение слов в соответствии с теми понятиями, которые они выражают.

Возникновение новых понятий связано с процессом углубления и развития самого познания, открытием в предметах новых сторон, свойств, связей, отношений. В любом понятии выделяется сам предмет мысли, поэтому в этой форме мышления ничего не утверждается и не отрицается.

Будучи относительно наиболее простой формой мышления, понятие само имеет сложную структуру, т.е. состоит из элементов, определенным образом связанных между собой. Эта структура обусловлена функциями понятия и служит средством их осуществления.

Логика в зависимости от содержания разделяет понятия на положительные (характеризуются наличием у предметов мысли каких-либо качеств, свойств) и отрицательные (характеризуются отсутствием у предметов мысли каких-либо качеств, свойств) [Конверский 2010]. Последние в русском языке выражаются с помощью отрицательных частиц (*не*, *ни*), префикса (*без-* / *бес-*), а также иноязычных префиксов (*а-*, *анти-*, *дез-*, *контр-*). Мы считаем, что такое разграничение понятий является достаточно условным и носит сугубо логическое значение, оно не имеет ничего

общего с соответствующей фактической оценкой самих предметов мысли, отражаемых ею.

В практике мышления нередко происходит движение от понятия с меньшим объемом к понятию с большим объемом – от вида к роду. Такая логическая операция называется обобщением понятия. Логическая операция, противоположная обобщению, называется ограничением понятия (от рода к виду). Значение логических операций обобщения и ограничения состоит в том, что они служат средством закрепления полученных знаний, как общих, так и частных, и одним из способов определенности нашего мышления [Конверский 2010].

В фундаментальном труде А.А. Потебни «Мысль и язык», в котором четко прослеживается негативное отношение к логике и манифестируется психологизм как основа языкознания, понятия логики переосмысливаются. Ученый-языковед выстраивает цепочку познавательной деятельности несколько иначе, чем логики: представление, суждение, понятие.

На основе сенсорных восприятий окружающего мира у человека, по мнению А.А. Потебни, формируется образ, который складывается из многих признаков. Преобладающий признак является внутренней формой и центром образа. Актуализация ядерного признака проявляется в образовании звукового знака. «Признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными, потому что воспроизводится при всяком новом восприятии, даже не заключаясь в этом последнем, тогда как из остальных признаков образа многие могут лишь изредка возвращаться в сознание» [Потебня 1993: 100]. С появлением слова человек может апперципировать свои восприятия и достичь понимания среди говорящих, которые с определенным словом связывают конкретный образ. «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т.е. *представление*», – пишет А.А. Потебня [Потебня 1993: 100]. Разграничив образ и представление, ученый усматривает их диалектическое единство в слове как двучленной величине, т.е. *суждении*. «Апперципируемое и подлежащее объяснению есть субъект суждения, апперципирующее и определяющее – его предикат», – указывает А.А. Потебня [Потебня 1993: 101].

В развитии мысли с помощью слова, по образному сравнению А.А. Потебни, «разматывается ее клубок», представление переходит в понятие: «Всякое суждение есть акт апперцепции, толкования, познания, так что совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ, можем назвать аналитическим познанием образа. Такая совокупность есть *понятие*» [Потебня 1993: 112]. А.А. Потебня определяет логическое понятие как одновременную совокупность признаков. Понятие, рассматриваемое с точки зрения психологии, представляет собой последовательные акты мысли, представленные словом. Языковед приходит к выводу о том, что «слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие, само не составляет его содержания. Если помнится центральный признак образа, выражаемый словом, то он, как мы уже сказали, имеет значение не сам по себе, а как знак, символ известного содержания; если вместе с образованием понятия теряется внутренняя форма, как в большей части наших слов, принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на мысль, между его звуком и содержанием не остается для сознания говорящего ничего среднего» [Потебня 1993: 117].

Представитель модернизма в литературе А. Белый, обращаясь к философско-филологической концепции А.А. Потебни, развивает важную идею ученого о том, что образ переходит в понятие посредством слова. Опираясь на воззрения ученого-лингвиста о слове, представитель нового времени и новой литературы трансформирует теорию вербализации процесса познания в соответствии с установками символистов. «Когда, – пишет А. Белый, – я говорю «я», я создаю звуковой символ; я утверждаю этот символ, как существующий; только в эту минуту я сознаю себя» [Белый 1994: 137].

Необходимо отметить, что символичность слова для носителей русского языка – это относительное понятие, так как экзистенциональное целостное, а не абстрактно-логическое восприятие мира является типичной чертой славянской ментальности. Если в поговорке-кальке из английского языка *Отсутствие новостей – уже хорошая новость* наблюдается использование абстрактного понятие как конкретного, то в исконно русских фразеологических единицах наглядно прослеживается обратная тенден-

ция – от конкретного (прототипа) к отвлеченному (символу). Например, в устойчивом сочетании *яблоку негде упасть* метафорически передается смысл “отсутствие места”, при этом используется прототипичный репрезентант категории фрукт (*яблоко*) в русской языковой картине мира.

Понятие «отсутствие», как и любое иное абстрактное понятие, являясь формой мышления, в естественном языке воплощается в слова и словосочетания. В нашем исследовании выдвигается гипотеза о том, что «отсутствие» является одним из базовых понятий человеческого мышления. На наш взгляд, «отсутствие» относится к основополагающим когнитивным понятиям по той причине, что оно в качестве базового влияет на формирование человеческого языка как феномена. Понятие «отсутствие», репрезентированное знаком (вербальным и невербальным), передает национальную ментальность носителей языка, которая полностью реализуется только в их дискурсивной практике.

Аргументируя свои доводы, мы опираемся на высказывание А.А. Потебни о формировании понятия с точки зрения психологии: «Как в слове впервые человек сознает свою мысль, так в нем же прежде всего он видит ту законность, которую потом переносит на мир. Мысль, вскормленная словом, начинает относиться непосредственно к самим понятиям, в них находит искомое знание, на слово же начинает смотреть как на посторонний и произвольный знак, и представляет специальной науке искать необходимости в целом здании языка и в каждом отдельном его камне» [Потебня 1993: 114-115].

Унификация терминологии приводит к тому, что *понятие* было и остается классическим и универсальным термином теоретических исследований, а на современном этапе развития когнитологии является и альтернативным термином для обозначения гносеологических абстракций.

В американской и европейской (в частности, немецкой) когнитивной лингвистике прослеживается тенденция слияния с другими науками в теоретическом плане, что непосредственно находит проявление в терминологии. Современный немецкий когнитолог М. Шварц-Фризель видит когнитивную лингвистику как интегральную и междисциплинарную языковую теорию, стремящуюся к анализу механизмов человеческого со-

знания [Шварц-Фризель 2009: 107]. Смещение интересов исследователей в сторону семантики и зон сопряжения языковых компонентов с другими когнитивными системами, на наш взгляд, усиливает значимость *понятия* как междисциплинарного и интегрального термина. Основной характеристикой термина *понятие* в когнитивной лингвистике становятся интеграция и междисциплинарная конвергенция, а «отсутствие» приобретает статус базового понятия в когнитологии.

1.3. Понятие «отсутствие» как объект лингвистики и степень его изученности в гуманитарных науках

1.3.1. Исследование понятия «отсутствие» в междисциплинарном аспекте

Понятие «отсутствие» принадлежит к таким феноменам, которые носят соотносительный характер и имеют реализацию во всех гуманитарных и негуманитарных науках. Способы оперирования понятием «отсутствие» не совпадают, поскольку в каждом частном случае наблюдается трансформация абстрактного в конкретное. Также различны и инструментальные возможности терминологии разных научных дисциплин, поскольку унификации терминов пока нет ни в одной отрасли знаний.

Достаточно часто с помощью данного понятия поясняется семантическое наполнение понятий «пустота» и «отрицание», что представлено в работах лингвистов. Например, Т.Н. Снитко определяет *пустоту* как отсутствие денотата и референта [Снитко], Н.Р. Суродина, исследуя концепт ПУСТОТА, к числу парадигматических единиц лингвокультурологического поля *пустота* в первую очередь относит *отсутствие* [Суродина].

Абстрактное понятие «отсутствие» обнаруживает ассоциативные связи и метафорические интерпретации не только в лингвальном аспекте, но, как уже указывалось ранее, и активно используется во всех гуманитарных науках. За счет этого происходит расширение синонимического ряда, в котором лексема *отсутствие* выступает доминантой. Все это свидетельствует об актуальности исследования данного понятия в междисциплинарном аспекте.

Объединение языкознания и литературоведения в одну комплекс-

ную науку филологию дает все основания обратить наше внимание в первую очередь на понимание данного термина литературоведами.

Проблема существования и отсутствия в литературоведении является, на наш взгляд, одной из ключевых и исследованной в разных аспектах. Использование в литературоведении приемов «незамеченности», литературной маски и стратегии умолчания при создании художественного образа непосредственно связано с понятием «отсутствие».

В книге «Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы» автор, обращаясь к истории эмигрантской литературы 1920-1930-х годов, отмечает, что «это поколение легко исчезает из поля зрения, его история вполне может выстраиваться как последовательное удостоверение отсутствия: отсутствия живой и талантливой молодежи в эмиграции, отсутствия внятной идеологии новой литературы, – вплоть до удостоверения пустоты, скрывающейся за фальшивым образом «молодого поколения». Но ситуация столь же легко переворачивается, становясь историей незамечания, недостаточно внимательного взгляда» [Каспе 2005: 83]. Характерно, что модель «незамеченного поколения», возникшая в условиях институционального кризиса, но высокого статуса национальной литературы, активно используется в 90-е и 2000-е годы для описания современных сюжетов. Например, размышлениям человека о сущности бытия посвящен роман А.В. Иличевского «Матисс», в котором социальные проблемы философски осмысливаются и находят воплощение в феномене *пустота*. Вербализация этого понятия имеет непосредственное отношение к понятию «отсутствие». Понятие «пустота», используемое в романе для описания физического и ментального пространства, имеет ярко выраженную негативную коннотацию. Авторы монографии «Пространство и время в романе А.В. Иличевского «Матисс»: лингвокогнитивный и стилистический аспекты» указывают, что «мотив пустоты особенно актуализировался в литературе XX столетия, которое определяют, как век научно-технической революции и одновременно, как век жесточайшего кризиса гуманизма. Следствие этого кризиса – исчезновение чувства уверенности и надежности, возникновение чувства потерянности и внутренней опустошенности» [Юйин Лю; Соколова 2012: 49].

Данный мотив созвучен с описанием эмигрантской молодежи начала XX века, поскольку молодых литераторов в изгнании охватывают, по словам И. Каспе, те же чувства: «заброшенность», «опустошенность», «потерянность». Как следствие этого, указывает литературовед, «приходится с горечью констатировать ужасающее отсутствие талантливой и, главное, живой, ищущей молодежи» [Каспе 2005: 52]. И. Каспе, подводя итог своим размышлениям, пишет: «таким образом, атрибутика литературной неудачи, сохраняя легкую ауру элитарности, в то же время распространяется на «целое поколение», а сама литература превращается в институт, который социализирует, мобилизует и производит «незамеченных» [Каспе 2005: 119]. Обращением к феномену *пустота* характеризуется прежде всего интеллигенция, люди искусства, высокообразованные личности, у которых происходит отсутствие реализации их амбиций и идеалов в реальной жизни.

В начале XX века в русской литературе наблюдается разделение двух поколений поэтов, в основе которого было различное отношение к не-бытию и бытию. На страницах произведений поэтов-символистов А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого раскрывается диалектика *пустоты*. Для них *не-существование* было превыше всего, реальностью для них являлось «отсутствие всего, за исключением отсутствия пустоты» [Дерина 2014]. Поворот к бытию прослеживается на страницах произведений поэтов-акмеистов Н. Гумилева и О. Мандельштама. Их художественно-философские искания связаны с мотивом заполнения пустого пространства.

Свою версию неугасаемого интереса к феномену *пустота* с философских и психологических позиций излагает литературовед М.Ю. Гаврилкина: «Чувство потерянности в мироздании, неполноты существования, катастрофичности и бессмысленного тупика поселилось в человеке с утратой Абсолюта, в отторжении от которого дитя цивилизации приняло непосредственное участие. Это поместило человека по другую сторону зеркала: он перестал иметь отношение к совершенным творениям Бога, перестал отражать Его благодать, понимать и оценивать себя через Его ценностные ориентиры. Исчезновение абсолютной Истины, согласовывающей весь миропорядок, активизирует в культуре понятие «Пустота».

Мир остался без Бога, человек остался один на один с неоформленной вселенной, которой необходимо всякий раз заново задавать координаты смысла, а сама жизнь превратилась в испытание пустотой» [Гаврилкина 2013]. Для славянской ментальности испытание пустотой, преодоление и заполнение пустоты является не только важным проявлением самореализации личности, но и ответом на вечный шекспировский вопрос «Быть или не быть?».

Роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота» построен на символическом понимании пустоты, которая является сквозным мотивом всего произведения. Этот роман является настолько обсуждаемым в литературной критике, что объяснение этому мы видим в том, что в нем сосредоточено понимание пустоты от простого обыденного сознания до глубоко философского, заложенного в древней культуре и религии.

В теологии и теософии понимание пустоты неодинаково и не идентично в разных культурах и традициях. Например, в буддизме понятие пустоты связано с состоянием нирваны, которое является синонимичным понятиям «ничто», «никто» и «нигде», т.е. полное отсутствие всего. Человек, находящийся в таком психофизическом состоянии, предстает как бессущное существо.

Проводимые параллели и художественная интерпретация *пустоты* В. Пелевиным позволяют сделать вывод о том, что данное понятие является значимым как для славянской, так и для восточной ментальности, рассмотрение его как отсутствующей основы существования человека сближает отдаленные культуры и этносы.

Украинский литературовед Ф.М. Штейнбук в исследовании произведений современной мировой литературы выделяет микротопосы *боли, страдания, чувственности, наслаждения, желания, мышления, свободы, отсутствия* и другие. В резюме к разделу, посвященному топосу *отсутствие*, ученый пишет о том, что «анализ разворачивания, бытования и конвергенции топоса отсутствие в произведениях современной литературы позволяет прийти к выводам о том, что этот топос характеризуется, с одной стороны, многоуровневой и поливалентной структурой и содержанием, а, с другой, – существенным продуктивным диалектическим и

творческим потенциалом» (Пер. – О.Р.) [Штейнбук 2014: 80]. Обращает внимание тот факт, что топос *отсутствие* представлен в большинстве анализируемых романов, среди которых «Любовница» Я. Вишневого, «Т» В. Пелевина, «1Q84» Х. Мураками, «Музей невинности» О. Памука, «Возможность острова» М. Уэльбека, «Такое» Ю. Издрика, «Коллекция пристрастий...» Н. Сняданко, «Другое тело» М. Павича. Авторы романов, по мнению Ф.М. Штейнбука, используют различные способы и возможности репрезентации топоса *отсутствие*, «однако парадокс заключается, собственно, в том, что коррелят отсутствия актуализируется исключительно при условии присутствия, которое возможно как присутствие телесное» (Пер. – О.Р.) [Штейнбук 2014: 65-66]. Топос *отсутствие* может быть уже заложен в названии романа, создании вымышленных персонажей, существовании параллельных миров, различных метаморфозах исчезновения и перевоплощения, иногда данный топос представлен как локус сна или смерти, в каждом отдельном случае он имманентный и соотносится с мировосприятием самого автора, его эстетическими идеалами.

Эстетические понятия, сформулированные философами и положенные в основу человеческого бытия, активно влияющие на человеческое сознание, изначально являются противоречивыми по своей сути. Современный польский философ В. Татаркевич, анализируя историю шести фундаментальных понятий эстетики, пишет: «различались и различаются (как в философии, так и в обыденном мышлении) два вида бытия: то, что является частью природы, и то, что создал человек. Такое различие еще в древности ввели греки, разграничив то, что происходит из природы (*fysei*), и то, что происходит от искусства, или из человеческих произведений (*nomo, thesei*)» [Татаркевич 2001: 8]. Одна из основных категорий эстетики – категория прекрасного. Прекрасными могут быть как естественные пейзажи природы, так пейзажи как произведения художников-живописцев. Отсутствие прекрасного в жизни человека, неумение видеть и создавать прекрасное приводит к внутренней опустошенности.

Общеизвестно, что познание мира происходит одновременно и с помощью разума, и с помощью чувств, что разделило философов на рационалистов и сенсуалистов. У каждого человека постоянно происходит

стремление к «золотой середине», «уравновешиванию» разумного и эмоционального. Неуверенность в правильности выбора нередко приводит к пустоте (по Сартру) или экзистенциальному вакууму (по Франклу).

Современный психолог А.Ю. Большанин в статье «Пустота и экзистенциальный вакуум: перспективы экзистенциальной терапии» сравнивает эти два понятия и приходит к заключению о том, что «согласно Сартру, мы свободны лишь в выборе средств и способов заполнения имеющейся пустоты, но избавиться от нее мы не в силах, равно как и не виновны в ее появлении, поскольку пустота есть основа нашего бытия, а сами мы оказываемся заброшенными некими силами в эту пустоту» [Большанин 2009]. Такое понимание пустоты, которое не зависит от человеческой деятельности, а воспринимается человеком как данность, и, в конечном счете, безысходность, безвыходность, замкнутость, отличается от понятия экзистенциального вакуума по Франклу, акцентирующему внимание на том, что все зависит от человека, его воли, его желания что-то изменить и вырваться из этой пустоты.

Философ Ж. Липовецки в работе «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» пытается дать объяснение модели существования человека в современном социуме. Мир, в котором живет индивид, постоянно и быстро меняется, приспособиться к внешним условиям жизни, выживать человеку очень непросто. Отсутствие стабильности приводит к переоценке духовных ценностей, материальное все чаще выдвигается на первый план, и, как следствие этого, происходит массовое опустошение, безразличие и апатия, нередко приводящие человека к суициду.

Хотя, как утверждают психологи, собственно пустоты нет, ее не существует, она только ощущается. Ощущение пустоты возникает из-за отсутствия мотивации в достижении целей, связанных с проблемами на работе, либо с личной жизнью человека, отсутствием увлечений. Многим украинцам известны слова *Погано, що порожні храми, ще гірше – пустота в серцях*, приписываемые разным авторам. У человека, способного любить, пустота в сердце отсутствует, и такой человек придет в храм, чтобы поставить свечку за здоровье ближнего и попросить в молитве мира, добра и благополучия не только для своих близких, но всех людей, живу-

щих на этой планете.

Немецкий философ и психоаналитик Э. Фромм рассматривает любовь как разрешение проблемы человеческого существования. Исследуя вопросы психической сферы жизни человека в книге «Искусство любить», Э. Фромм приходит к заключению о том, что «глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества» [Фромм 2009: 41]. Чувство любви помогает человеку преодолеть изоляцию и наполнить пустоту положительными эмоциями, которые являются стимулом жить во имя кого-то или чего-то. В любви заложена созидательная сила, стремление дать, а не взять. Поэтому проблема пустоты, опустошенности, отсутствие мотиваций может быть разрешена только самостоятельно, каждым человеком внутри самого себя.

Данной проблеме посвящены известные работы по философии экзистенциализма и психологии «Психика, структура и функционирование» З. Фрейда, «Бытие и ничто» Ж. Сартра, «Ницше и пустота» М. Хайдегера, а также размышления в книге «Между вещью и пустотой» М.Ю. Лотмана и Ю.М. Лотмана. Психологическое переживание пустоты, ее миромоделирующее значение в жизни человека отражено в разных аспектах в философии и психологии, однако так и не приведено к единому знаменателю. В словах Г. Иванова *Прожиты тысячелетья в черной пустоте. И не прочь бы умереть я, Если бы не «те»* из стихотворения «Смилостивилась погода» подчеркивается, что проблемы бесцельности и бессмысленности существования, отсутствия смысла человеческого бытия возникли в уме человека с тех пор, как он превратился в *homo sapiens*. Однако этот вопрос является актуальным, поскольку человек как феномен настолько уникален, что его развитие во многом опережает время, а не расставляет точки над И.

Понятие «отсутствие» вызывает интерес и в такой сфере гуманитарных знаний, как юриспруденция – наука о государственно-правовой организации общества. Например, одним из основополагающих принципов в уголовном судопроизводстве является *презумпция невиновности*, суть которой состоит в том, что субъект считается невиновным до доказательства в суде его причастности к преступлению, т.е.

отсутствие вины до момента ее установления в предусмотренном законом порядке. Уточним, что в данном случае имеется в виду отсутствие чего-то конкретного, в отличие от пустоты (абстрактного отсутствия). Указанный юридический термин берет свои истоки в латинском языке: *praesumptio innocentiae*. Второй компонент приведенного словосочетания буквально переводится как *невинность*. Использование слова *невиновность*, на наш взгляд, связано не только с нормированным употреблением в официально-деловом стиле речи, но и с тем, что оно не имеет омонимичных параллелей, а слово *невинность* употребляется в двух различных значениях и фиксируется в словарях в разных словарных статьях, и только в одном значении выступает синонимом слову *невиновность*. Поскольку абстрактные субстантивы образованы от адъективов, рассмотрим семантику последних. «1. **НЕВИННЫЙ** (не имеющий за собой вины, провинности, не совершивший проступка или преступления). *Пострадали невинные люди. НЕВИНОВНЫЙ* преимущ. офиц.-дел., **НЕПОВИННЫЙ** разг. *Невиновен, нисколько неповинен, в плутовстве и грабеже неповинен* (Достоевский), **НЕВИНОВАТЫЙ**, **ПРАВЫЙ** *Бабы стрекотали, как сороки, и кивали укоризненно головами, глазами правых глядя на виноватую Христю* (Сергеев-Ценский), **БЕЗВИННЫЙ** устар. Антонимы: **ВИНОВАТЫЙ**, **ВИНОВНЫЙ**, **ПОВИННЫЙ**, **ГРЕШНЫЙ**. 2. **НЕВИННЫЙ** (не заслуживающий порицания, не причиняющий неприятностей, огорчения). *Невинная шалость. БЕЗОБИДНЫЙ* Безобидная шутка. **ДЕВСТВЕННЫЙ**» [Словарь синонимов 1975: 270]. Данный пример демонстрирует то, что усиление семантических различий приводит к усилению морфологических различий, что еще раз подтверждает глубокую связь грамматических форм и семантической структуры слова. Для правоведов большое значение имеет однозначность дефиниции, недопустимость двоякого толкования, строгий подход к использованию каждого слова. Такие понятия, как «невиновность», «безопасность», «хранение молчания», «алиби» и многие другие непосредственно связаны с понятием «отсутствие», определяемые с помощью данного понятия.

Таким образом, в гуманитарных науках наблюдается общность и дифференцирование в отношении понятия «отсутствие», четко просле-

живается корреляция понятий «отсутствие» и «пустота». Кристаллизация научных взглядов сосредоточена на человеке как социальном, психическом, биологическом феномене, познающем окружающий мир и восполняющем все ниши отсутствия, которые возникают у него на пути к самореализации.

1.3.2. Современное состояние изученности проблемы в языкознании

Понятие «отсутствие» как объект лингвистики отдельно не рассматривалось в научных работах. И несмотря на то, что стратумное представление языковой системы неоднократно подвергалось критике [Карaulов 1981, Рудяков 2015], именно последовательность изучения данной проблемы была связана с ярусной характеристикой языковых единиц. Структуральный метод позволил выделить из ряда однородных элементов единицу языка на основе оппозиций, и благодаря такому противопоставлению описать ее и выявить ее особенности. Отсутствие или наличие каких-либо признаков относило языковую единицу к определенному классу явлений.

Понятие обратимой маркированности, которое получило признание и современных когнитологов, было сформулировано представителем пражской структуральной школы Р.О. Якобсоном. Поддерживая эту точку зрения, лингвист-когнитолог А.Е. Кибрик писал: «Стало очевидным, что понятие маркированности применимо не только к двоичным параметрам, но и многочленным ... и бинарное противопоставление «маркированность vs. немаркированность» является лишь частным случаем более общего противопоставления «(наи)более маркированный vs. (наи)более немаркированный», и с точки зрения маркированности значения параметра образуют иерархию возрастания (убывания) маркированности» [Кибрик 2015: 35]. Понятие системы языка, основанное на взаимозависимости ее элементов, насквозь пронизано понятием маркированности, поскольку оно является характерным проявлением отличия одного языкового элемента от другого. Выделение и описание языковых единиц на основании признаков маркированность vs немаркированность, включая признаки

отсутствие vs наличие, реализовано на всех уровнях языковой системы.

Во всех структуральных студиях первой половины XX века активно развивалась теоретическая фонетика и фонология, которые, по мнению, языковедов связаны с изучением низшего уровня языковой системы, при этом самого упорядоченного. Именно фонологические оппозиции, в которых признак отсутствия или наличия играл важную роль в описании свойств языковой единицы, имели большую значимость в их исследованиях. В концепциях лингвистов-структуралистов указанные признаки являются структурообразующими звеньями языковой системы.

Общеизвестно, что введение понятия системы в языковедении связывают с именем Ф. де Соссюра, что его научная концепция положила начало изучению структуры языка, взаимозависимости языковых элементов разных ярусов. Структуральный метод позволил выделить из ряда однородных элементов единицу языка на основе оппозиций, и благодаря такому противопоставлению описать ее и выявить ее особенности. Отсутствие или наличие каких-либо признаков относило языковую единицу к определенному классу явлений.

Теория фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ послужила стимулом для дальнейших исследований фонологической системы языка с помощью оппозиций. Структуралисты доказали, что фонологические системы как в отдельно взятом языке, так и в разных языках отличаются общим количеством фонем, организацией фонемных оппозиций, характеристикой свойств фонем, их вариантов и вариаций.

Известный итальянский философ и филолог XX века У. Эко в книге «Отсутствующая структура», комментируя научные наработки структуралистов, указывал на то, что в основе их методологии лежат идеи рассмотрения естественного языка при помощи метода бинарных оппозиций. Поскольку слово как основной знак языковой системы состоит из набора фонем, обладающих дифференциальными признаками, звуковая реализация фонем может изменять значение слова. У. Эко пишет, что «например, по-итальянски я могу по-разному произносить «е» в словах «bene» и «сена», но разница в произношении не изменит значения слов. Напротив, если, говоря по-английски, я произношу «i» в словах «ship»

и «sheep» (транскрибированных в словаре соответственно [ʃɪp] и [ʃi:p]) по-разному, налицо оппозиция двух фонем, и действительно, первое слово означает “корабль”, второе – “овца”. Стало быть, и в этом случае можно говорить об информации, возникающей за счет бинарных оппозиций» [Эко 2004: 52-53].

Размышления У. Эко сосредоточены на системе различий фонем как в разных языках, так и в одном, поскольку, по мнению философа, «у фонологической оппозиции могут быть факультативные варианты, связанные с индивидуальными особенностями каждого говорящего, но не меняющие, однако, характера данной оппозиции» [Эко 2004: 76-77]. Отталкиваясь от понятия фонемы как минимального элемента, который сам по себе не имеет значения, но способен изменять семантику слова в зависимости от звуковых качеств звука, ученый считает, что использование метода бинарных оппозиций является важным при изучении вопроса возникновения и передачи информации как в отдельно взятом конкретном языке, так и в самых разных языках.

Значимость фонемы предопределена качественными звуковыми отличиями от других фонем. В разных языках система фонем представляет собой систему различий, которая может совпадать в разных языках, даже если акустические свойства звуков меняются. В лингвистических исследованиях структуралистов система различий фонем рассматривается как система абстрактных отношений, которые подчинены фонологическим законам. Так, изучая структуру фонологических систем разных языков, Н.С. Трубецкой «делает вывод о том, что некоторые комбинации отношений встречаются в самых разных языках, в то время как другие нигде не встречаются. И это и есть структурные законы фонологических систем» [Эко 2004: 341-342].

Преследуя цель синхронного описания языковой системы, структуралисты стремились к формализации лингвистического анализа и описания языковых единиц с помощью математических методов. Весомым вкладом в развитие науки о языке явилась функциональная интерпретация системы языка, определение места и роли каждого элемента. Был переосмыслен термин *структура*, поскольку в языковой системе самым

важным, по мнению представителей Пражской школы, считалась взаимосвязь внутри самой системы. Несмотря на то, что структуралисты выделили, описали языковые элементы с помощью оппозиций отсутствия или наличия признака, они не объяснили причину отсутствий в том или ином языке.

Изучение отсутствия различия фонем в слабых позициях представляет интерес не только в структурном и функциональном, но и в когнитивном аспекте. Общеизвестен факт, что в русском языке фонетическое звучание не всегда передается на письме, поскольку основным принципом орфографии является морфематический, хотя в его применении существуют разногласия между фонологическими школами. Как следствие этого, например, фонетико-морфологические особенности русского языка повлияли на то, что фонологическое оформление слова *пиленгас* растянулось на несколько десятилетий и закрепилось в лексикографических источниках только после 2000 года [Богущая, Насека 2004: 172-173]. В безударных позициях звуковой облик гласных *и* и *е* практически совпал. Сигнификативно слабая позиция, позиция неразличения, нейтрализации фонем не влияла на смысл слова, поэтому встречались и различные написания: *пеленгас* ([Линберг 1980: 138]) *пелингас* ([Решетников, Котляр, Расс, Шатуновский 1989]). И только к концу XX века, когда успешно завершилась акклиматизация пиленгаса в Азовском море, был окончательно выведен *пиленгас* как “вид морской рыбы из семейства кефалевых” и произошло органическое соединение звучания и значения слова, закрепленное написанием. Мы считаем, что современные исследования семантики, с когнитивной точки зрения, оказываются тесно связанными с изучением фонетико-фонологических вопросов, источником которых являются структуральные фонологические школы.

Фонологические исследования пражских лингвистов подтолкнули ученых к изучению проблемы использования языком фонем для образования морфем как единиц следующего стратума языковой системы. Морфонология явилась промежуточным звеном между фонетико-фонологическим и морфемно-морфологическим ярусами языковой системы.

Общеизвестно, что основной морфемой в слове является корневая

морфема, хотя и здесь в русском языке встречается исключение: например, в слове *вынуть*, как считают некоторые лингвисты, наблюдается отсутствие корневой морфемы. Все морфемы, кроме корня относятся к аффиксальным, и их особенность состоит в том, что они не только играют важную роль в словообразовании и словоизменении, но и являются показателями принадлежности слова к определенной части речи, а также являются формантами грамматических категорий. Именно отсутствие параллельных аффиксов создает формирование так называемых «дефектных» парадигм, среди которых наиболее изученными являются субстантивная и глагольная неполные парадигмы [Гурин 2000; Дешеулина 2009].

В падежной парадигме имени существительного в русском языке, например, нет формы родительного падежа во множественном числе у слова *мечта*. Наблюдается асимметрия и в противопоставлении по родам. Если в случаях *летчик – летчица*, *учитель – учительница* создается грамматическая оппозиция, то параллельные, стилистически нейтральные, формы у слов *дворник*, *министр*, *врач* отсутствуют. Хотя ненормативные, стилистически сниженные *дворничиха*, *министерша*, *врачиха* употребляются в просторечии. Продуктивные словообразовательные модели имеют потенциальные возможности образования соответствующих пар, однако эти возможности остаются нереализованными в русском языке. Достаточно часто такие пустоты в языковой системе заполняются ненормированными (возможно диалектными, просторечными образованиями) или детскими инновациями, которые четко следуют языковым моделям.

Нормативное отсутствие родового противопоставления субстантивов зафиксировано в лингвистических лексикографических источниках, однако не дано объяснение таким асистемным фактам. Исследование редко употребляемых лексем представляет особый интерес для когнитивной лингвистики, которая, опираясь на исторические и культурологические факты, способна раскрыть «секреты» некоторых «дефектных» парадигм.

Например, слово *олимпионик* – победитель в Олимпийских играх, что буквально означает “победитель на олимпиаде” – употребляется только в мужском роде, форма женского рода отсутствует. Это является специфической чертой русского языка, поскольку в других славянских

языках представлены бинарные родовые оппозиции указанного субстантива, например: чешск. *olympionik* vs *olympionička*. В польском языке пара *olimpijczyk* vs *olimpijka* используются в значении “участник Олимпийских игр”. В древнегреческом языке субстантив *Ολυμπιονίκης* употреблялся только в форме мужского рода, отсутствовало и адъективное образование женского рода. Изначально принимать участие в Олимпийских играх и присутствовать на состязаниях могли только мужчины. Женщинам под страхом смерти запрещалось появляться на празднике. Всякую женщину, обнаруженную во время проведения игр в границах священного округа, т.е. за рекой Алфеем, сбрасывали со скалы. Поэтому использование указанного слова только в форме мужского рода является понятным и обоснованным. Несмотря на то, что намного позже участниками Олимпийских игр стали и женщины, в текстах до 2000 года продолжает употребляться только форма мужского рода: «В последний день празднеств устраивалась торжественная процессия в честь победителей. Впереди всех шли элленодики. За ними шествовали новые олимпионики в сопровождении гражданских и религиозных властей, одетые в яркие, разноцветные одежды, с венками на головах и пальмовыми ветвями в руках» [Колобова К.М., Озерецкая Е.Л. 1958: 61]. Начиная с 2000 годов в словарях наряду с *олимпиоником* стало употребляться слово *олимпиец*, которое в значении “спортсмен, участник Олимпийских игр” фиксировалось с пометой разговорное [Ожегов 1987: 363]. Изначально *олимпийцами* (*олимпиец* / *олимпийка*) называли обитателей Олимпа, богов или в переносном значении верхушку какого-нибудь общества, людей избранного круга. Адъективы с корневой морфемой *олимп-*, но разными суффиксами, *олимпиадный* и *олимпийский* имеют и различное лексикографическое рассмотрение. Слово *олимпиадный* указывается не во всех словарях. В «Современном русском орфографическом словаре» 2006 года данное слово приводится только в мужском роде [Палатовская 2006: 461], хотя в дискурсе встречается, например, в выражениях *олимпиадное задание* (средний род), *олимпиадная работа* (женский род). Парадигма лексики *олимпийский* представлена тремя родами, включая согласования с существительными трех родов: *олимпийский девиз*, *олимпийское*

спокойствие, олимпийская эмблема. Слово *олимпийский* является более распространенным и включенным в большое количество современных лексикографических источников. Это связано с тем, что слово *олимпиада* расширило лексическое значение и относится не только к Олимпийским играм.

В неполных парадигмах глаголов обращает на себя внимание отсутствие формы первого лица единственного числа будущего времени у глаголов *победить, убедить, завьюжить, запуржить, задождить, пылесосить, дудеть, очутиться.* Хотя некоторые аналоги глаголов украинского языка имеют параллельные формы: укр. *перемогти* – *переможу*. Сравнения с украинским языком способны дать объяснения на морфонологическом подуровне языковой системы, связанные с фонологическими особенностями русского языка и накладываемыми фонетическими ограничениями на грамматику.

Отсутствие определенных форм глагола в словоизменительной парадигме является отражением структуры только литературного языка, в ненормированной речи «пустые» ячейки довольно часто заполняются. Также использование «несуществующих» форм можно наблюдать в художественном дискурсе с целью создания комического эффекта.

Приведем некоторые примеры глаголов, не имеющих корреляционных пар по определенному грамматическому признаку: *несдобровать* (только форма инфинитива); *неймется* (нет форм инфинитива и личных форм настоящего, прошедшего и будущего времени); *объять* (отсутствуют личные формы настоящего и будущего времени).

В глагольной парадигме достаточно широко распространена антонимия, хотя не все глаголы имеют бинарные противопоставления. Например, у глаголов *жарить, варить, печь, учить* отсутствует вариант, обозначающий противодействие.

Пустые клетки или ниши демонстрируют своеобразие системности того или иного языка (в данном случае – русского), показывают соотношение нормированных и некодифицированных образований. Однако исследования таких неоднозначных явлений в языке носят функциональ-

но-дескриптивный характер, не затрагивающий этимологические, культурологические основы и социальные предпосылки их существования, что принадлежит к сфере когнитивной лингвистики и является актуальным сегодня. Интерес к исследованию дефектных парадигм поддерживается и западными лингвистами, о чем свидетельствует научная литература по данной проблематике. Например, в книге «Defective paradigms. Missing forms and what they tell us» (2010), авторами которой являются Мэтью Барерман, Гревилл Дж. Корбетт, Дунстан Браун и другие ученые, представлен анализ «дефектных» парадигм субстантивов, адъективов и глаголов, включая причастие.

Появление морфонологии как отрасли языкознания, предметом которой явилось морфологическое использование фонологических особенностей, дало толчок и к развитию дериватологии. Необходимо обратить внимание на то, что с понятием «отсутствие» неразрывно связанным становится изучение понятия нулевой морфемы, определение ее статуса, ее роли в словообразовании.

В лингвистической литературе научно обосновано наличие нулевого суффикса как словообразовательной морфемы имени существительного и прилагательного, рассмотрен вопрос генезиса нулевого суффикса, определены критерии выделения указанного словообразовательного аффикса. Вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ учение о нулевой морфеме вошло в сферу научных интересов как зарубежных, так и украинских языковедов в разные периоды развития языкознания: П.И. Белоусенко, Е.А. Земская и другие. Следует отметить, что не все филологи разделяют эту точку зрения, и лингвистическая литература содержит изложение разных подходов к определению данной морфемы [Теркулов 2011].

Проблем нулевой аффиксации неоднократно касался В.В. Лопатин, обстоятельно описав основные вопросы морфемики, морфонологии, словообразования и морфологии. Многие положения, изложенные и обоснованные им в статьях «Нулевая аффиксация в системе русского словообразования», «Проблемы нулевого словообразовательного аффикса» и других, легли в основу соответствующих разделов академических грамматик («Грамматика современного русского языка», 1970; «Русская

грамматика», 1980; «Краткая русская грамматика», 1989).

Анализируя в функциональном аспекте словообразовательные парадигмы субстантивов и адъективов, лингвист противопоставляет словообразовательные типы с наличием и отсутствием аффиксального элемента. Отсутствующий формант при этом реально значим: в нем заключено словообразовательное значение, а также он является показателем грамматического значения. Например, слово *синь* представляет тип субстантива, мотивированного адъективом, со значением отвлеченного признака, выраженного отсутствием суффикса. Именно поэтому, по мнению В.В. Лопатина, «наиболее точным и последовательным решением вопроса нам представляется признание того, что в «безаффиксных» типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, т.е. значимое отсутствие аффикса в основе» [Лопатин 2007: 79]. Рассматриваемый способ деривации был отнесен к нулевой аффиксации именного словообразования. Помимо материально не выраженных постпозитивных словообразовательных средств были рассмотрены продуктивные словообразовательные типы имен прилагательных с префиксом *без-* и нулевым суффиксом (*бескрылый*), имен существительных III скл. с префиксом *про-* и нулевым суффиксом (*просесть*), имен существительных I скл., мотивированных глаголами без префикса, хотя основа субстантива включает префикс и нулевой суффикс (*побег*); имен существительных, мотивированных существительными, производная основа которых содержит префикс и нулевой суффикс (*бессонь*). Последний тип широко представлен в диалектной речи.

В статье «Словоизменяемые типы и их лексическое наполнение (продуктивность в морфологии)» В.В. Лопатин касается проблемы взаимодействия грамматики с лексикой, которую связывает с лексическими ограничениями, присущими грамматическим моделям. На основе анализа парадигмы субстантивов языковед высказывает мысль о том, что «словоизменяемый тип одушевленных существительных III скл. жен. рода пополняется лишь семантическим путем – в результате развития у редких существительных с суфф. *-ость* и нулевым значением лица: *знаменитость, индивидуальность, бездарность, бездарь* и т.п.» [Лопатин

2007: 534].

По мнению В.В. Лопатина, грамматика тесно связана и с фонетикой: «Формальным запретом на образование форм компаратива у прилагательных с нулевым суффиксом является конечная заднеязычная согласная основы (*длинноногий, короткорукый, криворогий*)» [Лопатин 2007: 534-535].

На основе уточненного лингвистом термина *словообразовательный тип* были рассмотрены бинарные оппозиции в парадигме субстантивов и адъективов. К особым словообразовательным типам отнесены имена существительные: одушевленные и неодушевленные, *pluralia tantum*, склоняемые и несклоняемые (нулевое склонение). Как отдельные словообразовательные типы представлены имена прилагательные адъективного склонения, имеющие только полные формы или только краткие формы. Переходные и непереходные глаголы с различным составом причастных и деепричастных форм, личные и безличные глаголы также представляют разные словообразовательные типы. Данные словообразовательные типы выделены на основании отсутствия тех или иных форм и потенциальной возможности их образования.

Выдвинутые в указанных работах важные для современной лингвистики идеи требуют дальнейшего развития в связи антропоцентрической ориентацией современного языкознания. Рассматривая лексическую вариативность и словообразовательную синонимию, языковед приводит интересные примеры: субстантив *безголосица* может быть как суффиксальным образованием от адъектива *безголосый* так и префиксально-суффиксальным от субстантива *голос* [Лопатин 2007: 63]. Указанные варианты могут быть выявлены в различных дискурсах в зависимости от прагматической установки и иметь неоднозначные интерпретации. Несмотря на то, что глубинные структуры естественных языков являются изоморфными по форме и логической сущности, процессы трансформации и деконструкции способны обновлять концептуальное ядро.

Продуктивный способ образования прилагательных с префиксом *без-* и нулевым суффиксом достаточно широко освещен в работах украинских языковедов [Білоусенко 1993, Невідомська 2012]. И это не случайно, поскольку в обоих языках номинации, мотивированные субстантивами со

значением части тела живого существа или какого-либо его неотъемлемого свойства, реже – какой-либо составной части другого предмета, имеют соотносительные пары. Например: русск. *безбородый* – укр. *безбородий*, русск. *бесхвостый* – укр. *безхвостий*. Мы можем наблюдать как формальный параллелизм, так и функциональную тождественность приведенных примеров. Бесспорно, что таких примеров можно привести большое количество, поскольку их наличие обусловлено контактированием носителей генетически близких языков, и, как следствие, взаимовлиянием одного языка на другой. Однако существуют и лексемы несовпадающие, имеющие различия в семантике, несмотря на формальное сходство. Например, русск. *безлесный* является абсолютным синонимом *безлесый* и соответствует укр. *безлісий*, украинское же слово *безлісний* имеет второе значение: “предмет, для изготовления которого не требуется дерево, лес” [Словник української мови 2015-2019: 134]. Отсутствие совпадений как раз и остается малоизученным в когнитивном аспекте.

Предметом словообразования является не только образование слов на основе морфем, словообразовательных моделей, но и производящих основ и производных от них слов. Сопоставление производных у омонимов также связано с понятием «отсутствие». Например, отсутствие производных у одного из слов: от субстантива *струна* (“в музыкальных инструментах”) образуется адъектив *струнный*, у субстантива *струна* (“нить, бечева, ремень, упруго натянутые на что-либо”) отсутствует корреляционный адъектив. Аналогичный пример с омонимами *свет* (“земля, земной шар”) и *свет* (“ограниченный круг людей, высший слой буржуазно-дворянского общества”). Первый субстантив не образует адъектива, а второй имеет деривационный адъектив *светский*.

Возможность описания семантики слова на лексико-семантическом уровне языковой системы во многом опирается на словообразовательный потенциал языковой системы.

Языковед В.П. Мусиенко, исследуя функционально-семантическую категорию меры в русском языке, обращает внимание на отсутствие положительных дериватов при наличии отрицательных среди адъективов с суффиксом *-оват-*: в русском языке не существуют пары *слабоватый* –

«сильноватый», *глуповатый* – «умноватый», *скучноватый* – «веселоватый», *трусоватый* – «смеловатый», *дороговатый* – «дешеватый» [Мусиенко 1997: 37]. В упомянутом автографическом источнике содержится параграф «Негация как способ выражения меры признака», в котором аффиксальные способы отрицания в русском языке связываются с функционированием префиксов *не-, без-, обез-, ни-, а-, анти-, им-, ир-, дис-*. Особая роль отводится префиксу *не-*, имеющему несколько значений, в том числе и выражение отсутствия признака. Приводятся ссылки на словари, в которых слова *необоснованность, необитаемость, неприязнь, неискренний, немзыкальный, ненаучный, нечестный* даны с толкованием через отсутствие признака. К аналогичным примерам отнесены и слова с префиксом *без-*: *безногий, безработный, безветрие, безлесье*. [Мусиенко 1997: 128]. Данные примеры рассмотрены в монографии в функционально-прагматическом аспекте в отношении к языковой норме. Было бы интересным расширить наше представление данных лексем в когнитивном плане, чтобы понять, почему категория меры признака имела именно такой механизм развития в языковой системе.

Несмотря на то, что лексико-семантический ярус языковой системы отличается многомерностью структуры, разнообразием и непостоянным количеством языковых единиц, непосредственно связанных с объективной действительностью, изучение данной подсистемы языка также построено на существовании оппозиций. Противопоставление проявляется не только в антонимии, но и в синонимии, омонимии, гипонимии, полисемии и в других лексико-семантических парадигмах. Описание лексико-семантических элементов, хотя и основано на взаимодополнении или взаимоисключении по признаку наличие или отсутствие общих сем в значении слова, ни одна парадигма не рассматривалась с помощью понятия «отсутствие». Как в русском, так и в украинском языках есть слова, семантика которых непосредственно связана с понятием «отсутствие», но их толкование не опирается на данное понятие. Например, к описанной группе лексики относятся отрицательные (русск. *никто, ничто, некого, нечего, никакой, ничей*; укр. *ніхто, нічий, ніскільки*) и неопределенные местоимения (русск. *некто, нечто, некоторый, некий, несколько,*

кое-кто, кое-что, кто-то, что-то, какой-нибудь, кто-либо; укр. *хтось, дехто, хто-небудь, що-небудь, будь-хто, абихто, казна-що, хтозна-що, бозна-що, бозна-хто, бозна-де, дещо, щось, хтозна-який*). Приведенный иллюстративный материал наглядно демонстрирует, что, во-первых, неопределенные местоимения образованы не только с помощью семантизированного префикса *не-*, но и другими способами, в отличие от отрицательных местоимений, а во-вторых, в украинском языке местоимений со значением неопределенности больше, чем в русском языке, и они стилистически неоднородны. Однако в некоторых контекстах неопределенные местоимения могут передавать в определенной мере семантику “присутствие”, то есть представляют собой промежуточное значение на кванторной шкале существования. Интерпретация таких языковых фактов с опорой на понятие «отсутствие» была бы направлена на расширение общегуманитарных знаний и определение этноспецифических особенностей каждого языка. Использование понятия «отсутствие» при рассмотрении единиц лексико-семантического уровня языковой системы, на наш взгляд, является перспективным и актуальным, о чем свидетельствуют и некоторые публикации современных лингвистов.

Так, М.А. Кронгауз неоднократно возвращался к вопросу несуществующих слов, к которым относил потенциальные слова и окказионализмы, не вошедшие в словари, а существующие только в дискурсе [Кронгауз 1998: 2016]. Обращаясь к языковому материалу современной прозы, М.А. Кронгауз находит множество примеров приставочных глаголов с несуществующими корнями, не зафиксированными в словарях морфем. Анализируя глаголы *отволохает, упупил, вториться, стибрить, прочкнуть, сбондила, запузырить*, ученый приходит к выводу, что, хотя у глаголов отсутствует семантическая связь с существующим в языке корнем, они реально мотивированы префиксом и образованы по соответствующей словообразовательной модели.

Лингвист называет основы таких слов «языковыми джокерами». Этот термин был введен в науку немецким языковедом Й. Реке для подобных глаголов. М.А. Кронгауз пишет: «Действительно, функционально карточный джокер близок к основам этих типов: изначально и по опре-

делению пустой, он получает конкретное наполнение в конкретном употреблении. Так же и эти основы, семантически пустые, «наполняются» определенным значением, втягиваясь в приставочную модель» [Кронгауз 2016: 119]. В заключение лингвист пишет, что префикс может формировать семантику и приставочного глагола, и смысл целого высказывания. Данная проблема, связанная с существованием «несуществующих» слов, выявляющая онтологический статус таких слов, не имеет четкого научного обоснования.

Слова, ставшие предметом анализа М.А. Кронгауза, не зафиксированы в словарях русского языка. Обращение к созданным национальным корпусам русского и украинского языков (НКРЯ, НКУМ) с помощью компьютерных программ позволяет быстро найти не только разностороннюю лингвистическую информацию о слове, но и увидеть примеры его использования в дискурсе. Такой подход позволяет в короткое время собрать максимум информации о слове, поскольку не требует обращения к нескольким лексикографическим источникам, которые в книжном варианте всегда отстают от речевой практики говорящих. Использование инновационных методов языкового анализа открывает новые горизонты для изучения языковых элементов в когнитивном плане (например, составление когнитивных карт). И в этом плане достаточно широко представлено описание фразеологических единиц.

Интенсивное изучение фразеологизмов связано с активным исследованием концептов, поскольку фразеологизмы отражают национально-языковое своеобразие, национальный колорит языка, антропоцентричны по своей сущности. Привлечение методов фразеологического и семного анализа в исследовании парадигматики фразеологизмов способствовало изучению концептов на основе наличия или отсутствия определенных понятийных признаков. Исследованию вербализации концептов ОТРИЦАНИЕ, ПУСТОТА, МОЛЧАНИЕ были посвящены некоторые работы по когнитивной лингвистике [Болдырев 2003; Бобрышева 2011; Коловоротна 2014]. Концепт ОТСУТСТВИЕ отдельно не выделялся и не описывался лингвистами, хотя понятие «отсутствие» активно привлекалось при описании многих концептов и

анализе фразеологического фонда русского и других языков. Мы считаем, что концепты ОТРИЦАНИЕ, ПУСТОТА, МОЛЧАНИЕ непосредственно связаны с понятием «отсутствие», хотя об этом в указанных работах не говорится. Фразеологический ярус языковой системы, являясь связующим звеном между лексико-семантическим и синтаксическим стратумами языка, также недостаточно исследован в аспекте маркированности и оппозиции с помощью понятия «отсутствие».

Не вызывает сомнений то, что парадигматические отношения как составляющая структурной организации синтаксиса построены на основе противопоставления по наличию или отсутствию одного из главных членов предложения, второстепенных членов предложения, однородных или обособленных членов предложения, а в сложном предложении еще и по наличию или отсутствию союзов. Хотя вопрос парадигматики предложения не находит однозначного понимания среди лингвистов, понятие парадигматики предложения широко используется как в конструктивном, так и в коммуникативном синтаксисе. Как правило, парадигматический подход применяется в изучении простого предложения.

В работе З.Д. Поповой, посвященной проблеме структуры славянского простого предложения, в свете когнитивной лингвистики представлено разграничение глубинных и поверхностных структур простого предложения по наличию или отсутствию одного компонента. Анализируя синтаксические концепты, языковед выделяет в ядре поля синтаксической структуры простого предложения парцеллу (сектор) «небытие объекта». З.Д. Попова пишет, что «небытие объекта» получило свой синтаксический концепт в общеславянский период. Объект, которого нет в данном месте или нет вообще «в мире», славяне маркируют родительным падежом: *кого / чего нет где, кто не делает чего*. В других индоевропейских языках такого синтаксического концепта нет, отсутствие объекта обозначается лексически с помощью отрицания» [Попова 2008: 334]. Речевые реализации данного концепта являются регулярными, поскольку структура простого предложения с отсутствием объекта является коммуникативно востребованной. При необходимости высказывание с уже имеющимся обозначением отсутствия с помощью

предиката *нет* и отрицательной частицы *не* может усиливаться отрицательным местоимением *ничего*.

Наметившиеся новые тенденции на современном этапе изучения синтаксиса от формы к содержанию (семантический синтаксис), выход в сферу дискурса (коммуникативное направление), изучение интерпретационных смыслов (прагматика) позволяют расширить представление о понятии «отсутствие» на синтаксическом ярусе языковой системы в когнитивном плане.

Таким образом, на всех уровнях языковой системы прослеживается обращение к понятию «отсутствие», однако такое обращение является фрагментарным и часто механически заменяется понятием «отрицание». Поскольку отрицание не выступает в роли оппозита наличию, а система оппозиций построена в соотносительных координатах по наличию или отсутствию хотя бы одного из признаков описываемого элемента языковой системы, мы склоняемся к мысли отдать приоритет именно термину *отсутствие* и при синхронном, и при диахроническом исследовании языковых фактов языка в когнитивном аспекте. Поскольку языковая система является гетерогенной, то и понятие «отсутствие» не может быть репрезентовано однородными элементами. Опора на понятие «отсутствие» предполагает комплексный подход к описанию структуры системы языка, которая, с одной стороны, может быть представлена в парадигматике и синтагматике, а с другой стороны, в иерархических и деривационных отношениях. Обращение к понятию «отсутствие» при исследовании языковых единиц разных стратумов языковой системы позволяет выявить и обозначить специфические черты русского языка.

Выводы

Теоретические проблемы изучения понятия «отсутствие» имеют, с одной стороны, онтологические, а, с другой – гносеологические корни. В основе принципов и закономерностей бытия, как и познания, находится бинарное соотношение наличие vs отсутствие. Человек, исходя из важности и необходимости наличия, выделяет значимое отсутствие. Поня-

тие «отсутствие» постигается человеком с момента его осознания себя частью мироздания. Когнитивные способности человека способствовали созданию различных знаковых систем на основе оппозиции наличие vs отсутствие, в первую очередь - языковой. «Отсутствие» как понятие формировалось постепенно: на основе конкретного отсутствия кого-либо или чего-либо появилось абстрактное представление. Языковой реализацией понятия «отсутствие» являются как прототипы (первичные, наиболее яркие и частотные экспликации), так и вторичные репрезентанты (невербальные и вербальные языковые средства).

С целью аргументации выбора термина *понятие* были рассмотрены альтернативные термины, такие, как *концепт*, *категория*, *понятийная категория*, *дефиниция*. При выяснении аспектных корреляций терминов привлекались компетентные источники, в результате анализа которых из вариативного ряда был выбран термин *понятие*, поскольку именно он позволяет пояснить механизмы абстрагирования понятия «отсутствие». Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что термин *понятие отсутствие* обладает следующими свойствами: универсальностью, открытостью, междисциплинарностью, стилистической нейтральностью. Его первое качество (универсальность) проявляется в том, что он используется при описании разнородных и многоплановых языковых явлений, а также и проявлений дискурсов. Открытость понятия «отсутствие» связана с тем, что оно имеет широчайший репрезентативный диапазон. Данное понятие используется исследователями-когнитивистами различных отраслей науки, подтверждая его междисциплинарную совместимость. Поскольку понятие «отсутствие» является стилистически не маркированным, то смогло «вписаться» в современный когнитивный стиль и приобрести приоритет в когнитивных исследованиях, как гуманитарных, так и негуманитарных наук.

Обращение к рассмотрению понятия «отсутствие» литературоведов, философов, психологов и других гуманитариев, использование ими данного термина подтверждает его значимость и статус междисциплинарного понятия. Ученые разных областей знания оперируют понятием «отсутствие» и такими синонимическими понятиями, как, например,

«несуществование», «пустота» для описания сущности человека как феномена, раскрытия проблем его бытия. Наиболее употребляемым синонимическим понятием у гуманитариев является «пустота», которое в большинстве случаев объясняется с помощью понятия «отсутствие».

Проводимые параллели и художественная интерпретация пустоты в литературе перекликаются с философскими и психологическими исследованиями феномена пустота, при этом существуют разные точки зрения. Понимание пустоты в теологии и теософии так же неодинаково и не идентично в разных культурах и традициях, и не всегда связано прямо с понятием «отсутствие». Однако для всех отраслей знания является актуальным использование термина понятие «отсутствие», что подтверждает большое количество работ, в которых ключевым словом является «отсутствие» или его контекстуальные синонимы.

Исследование понятия «отсутствие» в лингвистике связано со стратумной организацией языковой системы. Система языка, основанная на взаимозависимости элементов и описанных с помощью оппозиций по наличию или отсутствию признака, реализует понятие «отсутствие» на всех ярусах. Начиная с фонологических оппозиций, обоснованных пражскими структуралистами, лингвистами рассмотрены парадигмы языковых единиц основных и промежуточных уровней языковой системы. Своеобразие, национальная специфика каждого языка проявляется в неполных или так называемых «дефектных» парадигмах, в которых отсутствует коррелирующий языковой элемент структуры. Проблема отсутствия языкового компонента представлена в языкознании только в функциональном аспекте, в отношении к языковой норме. Анализ научной литературы показал, что понятие «отсутствие» на разных уровнях языковой системы не представлено в когнитивном плане и нуждается в объяснении причин «пустых» клеток в структуре языка.

Рассмотрение понятия «отсутствие» в языковой системе и степень его изученности в лингвистике с выявлением «ниш» требует дальнейшего исследования. Изучение языковых единиц, относящихся к разным ярусам языковой системы, особенности их структуральной организации в единой парадигме, должны быть объяснены с когнитивной точки зрения. Это

обусловлено тем, что данная проблема была представлена только в функциональном аспекте, что не позволило дать ответы на вопросы: почему данное понятие имеет место в системе языка, почему существуют аномалии в языке и языковая система асимметрична. Использование традиционных лингвистических методов анализа (описательного, структурно-семантического), а также объединение психологического и исторического векторов исследования языковых явлений с социокультурным расширяет возможности объективного изучения задекларированной проблемы.

Для исследования реализации понятия «отсутствие» в русском языке считаем необходимым коснуться вопросов методологии, поскольку для анализа необходимо использовать определенные методы, не противоречащие когнитивной методологии как основе познания.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Когнитивная лингвистика как часть когнитологии, которая относится к междисциплинарным наукам, опирается на данные психологии, философии, этнографии, кибернетики и других смежных с лингвистикой наук о человеке. Каждая из этих наук имеет собственные научные методы исследований, но общего основного метода для них не существует. В последнее время ученые признают, что кризисное состояние методологии во многом связано с тем, что в современном языкознании отсутствует единый базовый метод, подобный тому, каким в XIX веке стал сравнительно-исторический. Разработанный Ф. Боппом, Р. Раском, Я. Гриммом и А. Востоковым, этот метод имел такую основополагающую теоретическую базу, которая позволила изучать различные языки мира, устанавливая их взаимосвязи с помощью созданных генеалогической, типологической (морфологической) и ареальной классификаций.

В настоящий момент в когнитивной лингвистике существует большое количество методов исследования языковых явлений. Методы часто представлены как варианты и применяются параллельно. Однако такое их использование не всегда является целесообразным, а иногда они плохо совместимы. Поскольку не все методы применимы к анализу неоднородных языковых явлений, ибо рассматривают достаточно узкий аспект определенных понятий и категорий, описывающих фрагменты языковой действительности, в силу своей ограниченности они не позволяют представить языковую систему целостно. Например, исследования концептов с помощью концептуального анализа имеет множество разновидностей. Описания *доменов*, *фреймов*, *прототипов* не всегда являются корректными, а сам термин *концепт* не имеет единого определения.

Традиционная лингвистика, используя методики этимологического, компонентного или семного анализа, рассматривает историческое формирование значения и формы слова, а также парадигматические и синтагматические связи лексем в современной языковой системе. Когнитивная лингвистика не отказывается от традиционного толкования семантики и

грамматической формы слов, но, применяя методики концептуального анализа, интерпретации или другие дискурсивные процедуры, исследует формирование ментальных понятий и их языковых и речевых репрезентаций.

Появившиеся в последнее время статьи (например, статья Н.С. Кудрявцевой «Методология когнитивных исследований: перспективы эмпирического подхода» [Кудрявцева 2013] и монографии (например, монография «Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход» [Методы когнитивного анализа 2015] о новых когнитивных подходах в изучении языка как феномена, исследовании языка в его когнитивной функции и дискурсивном проявлении открывают новые аспекты задекларированной проблемы современного языкознания и свидетельствуют об ее актуальности.

Методологический консерватизм, характерный для лингвистики конца XX – начала XXI веков, был нарушен сменой парадигм лингвистических исследований. Одним из базовых оснований, повлиявшим на дальнейшее развитие когнитивной науки, является интенсивное развитие психологических школ и их концепций (в частности, гештальт-психологии, генетической психологии Ж. Пиаже и культурно-исторической психологии Л.С. Выготского).

Лингвист-когнитолог В.В. Глебкин, взяв за основу постулат психологического учения Л.С. Выготского о том, что «слово, его значение охватывает целый комплекс вещей, которые у нас никак не обозначаются одним словом», а «значение носит не предметный, а ситуативный характер», оно субъективно, а поэтому «неустойчиво, изменчиво, зависит от конкретной ситуации» [Глебкин 2014: 68], обосновал социокультурную теорию лексических комплексов (СТЛК). Данная теория не охватывает всю лексико-семантическую систему языка, а предлагает инструментарий и очерчивает каркас исследования слов и понятий. В рамках СТЛК им были описаны комплексы ОТКРЫТЬ, КАМЕНЬ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. Так называемые комплексы рассмотрены в разных аспектах: синхронном и диахроническом. На синхронном срезе представлена экспликация в традиционных словарях и повседневном языке, структура комплексов описана в виде

кластеров с базовыми схемами и основными языковыми конструкциями. Исторический подход, по мнению В.В. Глебкина, необходимо применять наряду с синхронным, поскольку «привлечение диахронной составляющей дает возможность более выпукло очертить роль социокультурных факторов в формировании комплекса и в эволюции его структуры» [Глебкин 2014: 250].

Несмотря на то, что В.В. Глебкин критически анализирует термины *концепт*, *концептосфера*, *языковая картина мира* и отказывается от их использования, модели описания лексических комплексов напоминают репрезентацию концептов хотя бы тем, что имеют ядерные и периферийные зоны. Однако анализ концептуального содержания комплексов на социокультурной основе, связанной с повседневной практикой носителей языка, и психологические основания системного, всеобъемлющего понимания абстрактных понятий, имеющих конкретные языковые реализации, на наш взгляд, является важным для когнитивных исследований.

Корректное совмещение нескольких методологических подходов, имеющих общую понятийную основу позволит, по нашему мнению, расширить не только спектр использования различных методов и методик анализа языкового материала, но и будет способствовать многоаспектному представлению абстрактных понятий.

Как пишет А.Д. Кошелев, кризис теоретической лингвистики второй половины XX века наблюдается в том, что научные концепции удаляются друг от друга и «не происходит накопления и углубления объективных научных знаний о языке как целостном объекте» [Кошелев 2015:12]. Для преодоления кризисной ситуации в теоретической семантике, которая изобилует расходящимися когнитивными исследованиями, ученый-языковед предлагает референциальный подход к описанию лексических значений, в основе которого находятся три фундаментальных принципа. А.Д. Кошелев пишет: «Семантическая теория должна:

- 1) объяснять механизм образования новых лексических значений слов носителями языка;
- 2) объяснять механизм формирования у ребенка первых представлений о лексических значениях слов;

3) опираться при определении лексических значений не на вербальные описания (толкования), а на специальную систему когнитивных понятий (подобно любой другой науке, использующей не естественный, а свой собственный язык для описания своих объектов)» [Кошелев 2015:13]. Ученый приходит к выводу, что «принятие лингвистическим сообществом этих принципов позволит вернуть исследование языковой семантики в привычное для любой науки русло, когда для объяснения того или иного явления используется одна доминирующая теория (подобная теории Дарвина в эволюционной биологии) или две-три конкурирующие (как в общей теории поля в современной физике)» [Кошелев 2015:13].

В нашей работе мы придерживаемся позиции о необходимости объединения психологического и исторического векторов исследования языковых явлений с социокультурным. Формирование ментальности конкретного этноса осуществляется на конкретной социокультурной платформе и связано с конкретной исторической эпохой. Когнитивный анализ предполагает обращение прежде всего к психологии индивида как представителя человеческого коллектива, носителем языка которого он является.

Современные психологические исследования языковых явлений имеют глубокие корни. Именно поэтому мы обращаемся к истокам психологического обоснования рассмотрения формирования абстрактных понятий и их дальнейшей вербализации. Одним из первых в языкознании XIX века описал когнитивные механизмы создания понятий А.А. Потебня. Особый интерес для нашего исследования представляет работа «Мысль и язык», в частности, введенное ученым научное понимание апперцепции. Но прежде, чем обратиться к представлению концепции А.А. Потебни, хотим остановиться на преемственности лингвистических исследований. Обращение к понятию «отсутствие» встречается в трудах по сравнительно-историческому языкознанию, и в этом плане интерес представляют работы украинского слависта П.А. Лавровского.

2.1. Преемственность лингвистических взглядов П.А. Лавровского и современных языковедов-когнитологов

Деятельность Петра Алексеевича Лавровского – одного из основателей научной школы славянской лингвистики в Украине, связана с внедрением сравнительно-исторического метода исследования родственных

славянских языков в практику изучения древних текстов. Большое внимание языковед уделит анализу языка летописей, светских текстов и деловых документов эпохи Киевской Руси и нескольких последующих столетий. Свою задачу филолога он видел в том, чтобы показать пути развития славянских языков от истоков до современного состояния, проследить изменения, происходящие в родственных языках, и, по возможности, объяснить, чем эти изменения вызваны. Эти проблемы остаются актуальными и сегодня. Внимание лингвистов-когнитологов XXI века также сконцентрировано на реконструкции древних форм, на диахроническом аспекте языка с учетом влияния этнокультурных и других факторов на его развитие с целью адекватного синхронного описания языковой картины мира.

Петр Алексеевич Лавровский был известным лингвистом XIX века, создал значимые для славяноведения труды по сравнительно-историческому языкознанию, имеющие и теоретическую и практическую направленность, подготовил новое поколение ученых, среди которых основоположник психологического направления в отечественной лингвистике А.А. Потебня. Несмотря на это, творческое наследие языковеда П.А. Лавровского остается малоизученным. Интерес для нашего исследования представляют две работы, в которых авторы обращаются к теоретическим воззрениям ученого. Первая работа – это статья Е.Ф. Широкоград в энциклопедии «Украинский язык», в которой акцентировано внимание на важности работ ученого о происхождении славянских языков и использовании им сравнительно-исторического метода [Широкоград 2000], вторая публикация, В.А. Глушенко «Сравнительно-исторический метод в украинском языкознании 20-х-60-х гг.», посвящена рассмотрению особенностей использования сравнительно-исторического метода как генетического отождествления языковых фактов в работах ученых указанного периода, среди которых весомая роль принадлежит исследованиям П.А. Лавровского [Глушенко 2016].

Остановимся более подробно на фундаментальном труде лингвиста П.А. Лавровского «О языке северных Русских летописей», в котором описаны отличительные черты древнего русского языка и древнего украинского языка. В данной работе представлены особенности

фонетики (которая в XIX веке входила в раздел грамматики), а также дана характеристика морфологических свойств слов и синтаксиса языка восточных славян эпохи Киевской Руси. Указанные отличительные черты непосредственно касаются древнего украинского языка, имеющего с русским общие корни, но в то же время идентифицируют эти славянские языки как самостоятельные. Это подтверждают замечания П.А. Лавровского в вышеупомянутой книге, выделенные им в предисловии отдельным параграфом: «Отсутствие в списках Русских летописей XIV-XV столетия очевидных признаков современного наречия Малорусского».

П.А. Лавровский видел связь всех славянских языков с древним индоевропейским как языком-основой: «... некогда Славянские наречия представляли одно целое, что все составные части обширной цепи сливались в одно величественное и роскошное звено, которое, в свою очередь, как одно целое и нераздельное, входило в состав другой, более обширной цепи, замыкавшей собою мир Индо-Европейский» [Лавровский 1852:1]. Дальнейшее диалектическое развитие языков по кругам («из каждой составной части отдельных кругов»), по мнению ученого, хотя и привело к дроблению языков, но не успело развиваться до резкого отделения одного языка от другого. Эта идея очень важна для современных когнитивных исследований, в которых языковые репрезентации одного языка объясняются путем использования данных другого языка. П.А. Лавровский пишет: «Как один из членов великой семьи Славянской, Русский язык и может быть понят во всех своих разнообразных изменениях только в связи с другими своими собратьями» [Лавровский 1852: 2].

Придерживаясь натуралистических взглядов и рассматривая язык как живой организм, что было характерным для европейского языкознания середины XIX века, лингвист рекомендует славянским «языко-исследователям» опираться на историзм познания и обращаться к материалам языков индоевропейских, что поможет восстановить и объяснить языковые факты, в противном же случае многое останется необъяснимым. Противоречивым сегодня воспринимается высказывание П.А. Лавровского о том, что язык живет и изменяется по своим определенным внутренним

законам, не допускает в своем строе и составе «слепой случайности и прихоти народа» [Лавровский 1852: 2]. Представители современных когнитивно-дискурсивных концепций считают, что функционирование единиц, относящихся к разным стратам языковой системы, во многом обусловлено ментальностью этноса, культурными традициями, что не исключает стихийных влияний, приводящим к развитию параллельных форм, утрате исконных, развитию омонимии и других непредсказуемых языковых явлений.

Вместе с тем глубокое уважение вызывают слова П.А. Лавровского о признательном отношении к трудам всех славянских ученых, изучающих только свой родной язык. Если их труд был составлен добросовестно, по словам ученого, он не останется бесполезным для науки, станет основой для дальнейших исследований. Очень важным, по мнению ученого, является тщательный отбор языкового материала для анализа: «Собрать, на основании памятников или живой речи, все данные языка, проследить его видоизменение по всем векам, на сколько позволяют это сделать источники, определить характер этих видоизменений, отделить то, что принадлежало и принадлежит языку искони от того, что явилось впоследствии...» [Лавровский 1852: 3]. В дальнейшем этот тезис будет развит последователем П.А. Лавровского А.А. Потембей, на учение которого опираются во многом современные когнитологи. Для языковедов XXI века, как и для ученых XIX века, важно исследование языка во всем его многообразии и во всех его реализациях, поэтому дискурсивный подход, охватывающий в широком понимании феномен дискурс, предусматривает изучение как текстов, так и живой речи.

Говоря о связи поколений и преемственности научных парадигм в лингвистике, П.А. Лавровский считает, что молодая плеяда ученых не имеет права отказаться от трудов предшественников на поле родной науки. Ученый уверен, что «придет время, когда живая любовь к своему слову превратит это сознание и в действительное знание» [Лавровский 1852: 3]. Поэтому ученый не сомневается в важности своего изыскания для дальнейших исследований славянских языков. Он четко определяет временные рамки (VIII-XV века) и территориальное распространение языка

и стремится как можно точнее описать древний язык: «Подметив падение древних форм, определить время, когда обнаружилось и совершилось это падение, я считал не излишним охарактеризовать и особенные черты образовавшегося чрез то языка старинного. В виде результатов и предшествовавших наблюдений над языком древним, представлены мною замечания а) относительно древности северных Русских летописей, сравнительно с дошедшими до нас летописями южной редакции, и б) относительно постепенного изменения языка летописного, становившегося тем более искусственным и натянутым, чем более забывались в народе черты языка Русского – древнего» [Лавровский 1852: 4]. П.А. Лавровский заботился о точном и верном отборе фактов языка, выполненном с вниманием ко всем подробностям, которые подтверждают языковые изменения. Выделив особенности летописного языка в отличие от древнего, народного, ученый установил, что устная речь, подверженная большим изменениям, чем книжная, не ускользала от пристального взгляда летописцев, которые фиксировали фонетические особенности на письме.

Ученый неоднократно подчеркивал, что всех славян объединяют единый праязык, одна вера, одинаковый уклад жизни. Языковед отмечал: «Одинаковость Славянского происхождения, однообразие родового быта, одни предания старины, которые были так живы и свежи у всех Славян в то отдаленное время, не давали и не могли подавать повода к раздельности языка на юге и севере» [Лавровский 1852: 5]. Хотя при этом приводил цитату из летописи Нестора, в которой летописец указывает на то, что расселение славян на более отдаленные территории повлекло за собой разрушение единого языка и их ментально-бытового единства.

Действительно, это подтверждают и современные исследования языковедов, историков, этнографов и археологов. Приводимый во всех учебниках по языкознанию пример о связи языкознания и истории для пояснения языковых явлений еще раз это подтверждает: общая этимология названий животных в большинстве не только славянских, но индоевропейских языков натолкнула ученых на мысль, что индоевропейцы изначально занимались скотоводством, приручением домашних животных, а позже, когда они расселились на отдаленные территории и утратили не-

посредственные контакты, у них начали дифференцироваться языки. Тогда же славяне стали обрабатывать землю и выращивать зерновые и другие культуры, этимология которых в разных языках различна. Отличается и мотивировка номинаций, обозначающих растения: в украинском языке *порічка*, потому что растет вдоль реки, а в русском – *смородина*, потому что листья растения имеют пряный запах “сморд”. Единства говора, по мнению П.А. Лавровского, не существовало уже в VIII-IX веках.

П.А. Лавровский отмечал, что различия у славян состояли в немногих семейных, домашних обрядах, взглядах на брак и погребение. Все это имело отражение и в языке. Ученый делает заключение о том, что «уклонений в языке можно ожидать только с уклонениями в самой жизни. Если эта жизнь идет неизменно одним и тем же порядком, если в ней свято и ненарушимо сохраняется все старое и устраняется всякая новизна: то нельзя предполагать изменений и в языке» [Лавровский 1852: 7]. Сходство у славян уклада жизни и языка сохранялось до 862 года (призвание варяга Рюрика на княжение). Появившиеся различия касались в основном только лексики, на что влияли экстралингвистические факторы, фонетика и грамматика оставались без изменений, едиными для всех восточных славян. И сегодня мы констатируем тот факт, что лексические изменения происходят быстрее, чем фонетические или грамматические. Несмотря на имеющиеся различия, древний язык оставался единым для всех восточных славян, поскольку, как считает П.А. Лавровский, «сильнее всего связует народ – единства языка...» [Лавровский 1852: 8].

Начиная с XIII-XIV веков, после отделения политического появляются особенные черты в украинском языке, начинается усиленное «вторжение» польско-литовских заимствований. При этом П.А. Лавровский указывает на «остатки» старины, характерные для всех славянских наречий: 1) переходная смягчаемость согласных звуков, 2) сохранение коренных гласных *ы* и *и*, перешедших в *о* и *е* (*крыть* – *крой*, *лить* – *лей*), 3) сохранение формы звательного падежа, 4) употребление сложного будущего времени с глаголом-связкой *имати* [Лавровский 1852: 12]. Эти фонетические и грамматические особенности своим происхождением обязаны южному варианту языка, хотя наблюдались во всех славянских,

в северном варианте они «мало-по-малу вышли здесь из сознания народного и заменились звуками и формами новыми» [Лавровский 1852: 12].

П.А. Лавровский выделяет и второй род особенностей, характерных только для украинского языка и являющиеся чуждыми древнему русскому языку: 1) потеря различия между *ы* и *и*, 2) частое употребление *у* вместо *ль*, 3) всеобщее произношение *ѣ* как *и*, изменение *о* в *и*, 4) потеря окончания *ть* в третьем лице единственного числа настоящего времени, 5) смешение *у* и *в* (*вже*= *уже*, *улизь* = *влѣзь*). Эти последние черты определяют аутентичность происхождения украинского языка, поскольку они не были характерны для древнего русского языка. Второй род особенностей ученый относит к местным. Наиболее четко эти особенности стали проявляться только с конца XIV столетия. Указав на отсутствие тождества в фонетике и грамматике украинского, русского и польского языков, языковед доказал самостоятельность украинского языка.

Высказанная гипотеза о том, что «мысль и слово так тесно связаны между собою, что последнее всегда может быть названо первоначально ее сущностью; а мысль с отторжением народа под чуждую власть должна была измениться во многом; не могло остаться без изменения и слово» [Лавровский 1852: 20], будет в дальнейшем развита А.А. Потебней и будет привлекать своей глубиной современных исследователей языка в когнитивном аспекте.

Скрупулезные наблюдения П.А. Лавровского над почерком летописцев представлены в «Заключении» работы «О языке северных Русских летописей». Лингвист был уверен, что они принадлежали разным людям, жившим в разное время. Изменения почерков датировались 1200, 1234 и 1333 годами. Автор относит Синодальный список первой Новгородской летописи к самым древним из всех известных летописей и считает этот памятник образцом народности, поскольку о подражательности книжному церковному языку не могло быть здесь и речи [Лавровский 1852: 151]. Он делает вывод: «...все три почерка Синодального списка писаны в разное время и притом различными писцами; а последовательность в изменении языка их, изменении постепенном, лишь мало-по-малу принимавшем в себя новизны, как следствие упадка форм и оборотов древних,

решительно убеждает в незначительных промежутках между появлением того, другого и третьего» [Лавровский 1852: 154]. В первой половине XIII века в языке только обнаружили изменения, «превращения», как писал языковед. По мнению ученого, русский язык начинает сближаться с церковно-славянским в списках XIV-XV столетий, становится далеким от языка жизни и имеет много неправильностей [Лавровский 1852: 159].

Подводя итог своему исследованию, П.А. Лавровский относит древние летописные тексты к великому народному достоянию, в которых описаны не только важные исторические события, обряды и традиции народа, но и зафиксирован древний язык. Ученый завершает свое сочинение словами: «Понятно, что при таком настроении языка летописного, далекого от языка жизни, не могло уже быть той простоты в изложении, какая представляется неотъемлемым достоинством летописей древних» [Лавровский 1852: 160].

Современные исследования, проводимые в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, фокусируются на объяснении языковых фактов, привлекая диахронические данные. Американский лингвист Т. Гивон, как основоположник дискурсивно-ориентированного подхода к изучению языковых явлений, в работе «Сложность и развитие» пытается объяснить, как и почему происходят изменения в человеческом языке. Он пишет: «Контролирующие принципы развития, общие для языковой диахронии и биологической эволюции, заключаются в следующем:

- Постепенный характер изменений.
- Мотивация, связанная с адаптационным отбором.
- Функциональные изменения (и функциональная неоднозначность) предшествуют структурным изменениям и повторному установлению изоморфизма между формой и функцией.
- Добавление новых структур к старым в конечной точке их развития.
- Локальная адаптивная обусловленность приводит к глобальным адаптивным последствиям.
- Однонаправленность изменений» [Гивон 2015: 101].

Общий интерес лингвистов-когнитологов к историческим данным,

опирающийся на экспланаторный принцип при изучении языка, созвучен с идеями П.А. Лавровского, который рассмотрел языковые факты в хронологии и локализации, проследил происходящие в них изменения, указал на постепенный характер этих изменений, выявил и объяснил особенности родственных языков и на основе генетической близости установил самостоятельность русского и украинского языков.

Современные методики моделирования истории языка развились из сравнительно-исторических исследований XIX века, источником которых во многом послужили лингвистические идеи П.А. Лавровского. Выводы, к которым пришел ученый, сохраняют свою значимость и имеют ценность для когнитивно-дискурсивного анализа такого гетерогенного явления, как язык.

Дальнейшие наши исследования языковых фактов проводились уже с опорой на историзм и психологизм познания, и в этом первостепенная роль принадлежит А.А. Потебне.

2.2. Апперцепция как психологический вектор когнитивных процессов в описании лексического многообразия экспликации понятия «отсутствие»

Ориентация на понятие апперцепции дает нам основания рассмотреть лексическую и грамматическую неоднородность экспликации абстрактного понятия «отсутствие» в русском языке, поскольку вторичное восприятие фиксирует в мышлении и языке признак, устоявшийся в сознании индивидуума и закрепленный речевой практикой.

Действительно, лингвальную экспликацию многих современных понятий и явлений когнитивисты-языковеды объясняют, обращаясь к теоретическим положениям таких наук, как психология, философия, логика, и в своих исследованиях используют методику анализа и терминологический инструментарий этих дисциплин. Термин *апперцепция* относится к междотраслевым: он создан с помощью латинского *ad* “до” и *perception* “перцепция, восприятие”. В психологии его активно употреблял Герbart, который понимал его как зависимость восприятия от опыта, знаний и психического состояния человека в момент восприятия [Психологія 2001]; в философии Лейбниц и Кант акцентировали внимание на сознательном

восприятии субъектом действительности на основании опыта [Философский энциклопедический словарь 1998]. В языкознание этот термин ввел А.А. Потебня, который утверждал, что основой для новой номинации является вторичное восприятие имеющегося впечатления [Потебня 1976]. Эта мысль будет постоянно у нас в поле зрения при анализе номинаций, вербально передающих понятие «отсутствие».

К явлению апперцепции проявляется научный интерес во всех когнитивных исследованиях, в частности языковедческих, поскольку оно имеет проявление как в дискурсе (художественном тексте), так и непосредственно в языке. В современном «Словаре иностранных слов» С.П. Бибик и Г.М. Сюты эта дефиниция определяется как «зависимость восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний: общего содержания духовной жизни человека, а также от психического состояния человека в момент восприятия» (Перевод наш – О.Р.) [Бибик 2006: 50]. Методологически значимой в нашем исследовании является формулировка термина *апперцепция*, предложенная А.А. Потебней.

В его фундаментальном труде «Мысль и язык» не только раскрывается взаимосвязь языка и мышления, но и даются определения языковедческих, лингвофилософских и психолингвистических понятий, которые остаются актуальными на протяжении уже почти двух веков. Используя идеи немецких философов и психологов как основополагающую базу, отечественный языковед предлагает свое понимание апперцепции. В параграфе «Слово как средство апперцепции» указанного труда ученый отмечает: «При создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть, одним словом, *апперципируется*» [Потебня 1976: 122]. А.А. Потебня приводит примеры из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, когда персонажи воспринимают по-разному одного и того же героя и создают его образ на основе различных ассоциативных характеристик. Ученый объясняет это двумя стихиями апперцепции: «можно различать две стихии апперцепции: с одной стороны, воспринимаемое и объясняемое, с другой – ту совокупность мыслей и чувств, которой подчиняется первое

и посредством коей оно объясняется» [Потебня 1976: 122]. Очерченное выше понятие А.А. Потебня дальше рассматривает в психологическом векторе.

Специфика когнитивного процесса, по мнению ученого, возникает в организации мышления человека: действие мысли заключается в сравнении двух мыслительных комплексов – того, что познается, и ранее познанного. Общее между ними является тем третьим, что будет служить основой для новой номинации. Отмечая это, А.А. Потебня пишет: «Последнее имеет существенное значение, потому что всегда результатом взаимодействия двух стихий апперцепции является нечто новое, несходное ни с одной из них» [Потебня 1976: 126]. Мы учтем данный аспект при рассмотрении конкретного вербального воплощения понятия «отсутствие». Замена первичных сочетаний *нет кого-либо / чего-либо* или *без кого-либо / чего-либо* не будет содержать в своем составе предиката *нет*, частиц *не / ни*, предлога *без*, префиксов *без-* / *бес-*, а будет преобразовано в номинацию, имеющую новую материальную форму.

Остановимся еще на одном важном моменте. А.А. Потебня, переосмыслив философскую концепцию немецкого ученого Германа Лотце, указывает: «Довольно, что сила влияния представлений на другие соразмерна их ясности в том смысле, как принимает Лотце. Здесь к определению апперцепции как участия сильнейших масс в образовании новых мыслей можем уже прибавить, что сила апперципирующих масс, тождественна с их организованностью. От степени этой последней зависит и большая широта сознания, ограниченность коего мы приняли за исходное положение при определении силы объясняющих мыслей» [Потебня 1976: 132]. На этот тезис мы будем опираться, говоря об экспланаторном потенциале понятия «отсутствие», поскольку именно с помощью понятия могут объясняться многие другие понятия, номинации и грамматические формы слов.

Новое впечатление сопоставляется с уже существующими ментальными репрезентациями и становится новой ступенькой для образования слов. Ученый считает, что «сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия (это возможно и без слов),

а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошлого» [Потебня 1976: 143]. На разных этапах когнитивного процесса происходит выделение признаков предметов и явлений, которые воспринимаются, и образование слов, которые их обозначают. По мнению А.А. Потебни, «признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными, потому что воспроизводится при всяком новом восприятии, даже не заключаясь в этом последнем, тогда как из остальных признаков образа многие могут лишь изредка возвращаться в сознание. Но этого мало. Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперцепировать свои восприятия» [Потебня 1976: 147]. Это рассуждение соотносится с нашей точкой зрения на то, что в каждом конкретном случае понятие «отсутствие» будет выражаться разными средствами языка, необходимыми человеку в определенный момент для точного выражения этого понятия.

Отечественный ученый А.А. Потебня, понимая роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире, пояснил психологические процессы апперцепции на основе различных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке, а также мотивировал образование новых номинаций.

Лингвист Е.А. Земская отмечает, что, хотя за последние годы исследования словообразовательных процессов активизировались, все они имеют описательный характер и не дают ответы на вопрос: «Как именно в языке выражается тот или иной смысл?» [Земская 2004: 222]. Например, исследование когнитивного содержания в существующих ментальных репрезентациях понятий «наличие» или «отсутствие» не может быть полностью раскрыто без структурного анализа слов, которые представлены в языке и речи, а также средств образования этих номинаций. И именно поэтому мы обращаемся к идеям А.А. Потебни об апперцепции, которые приобретают актуальность в объяснении словообразовательных процессов.

Неоспоримой заслугой А.А. Потебни является то, что ученый переосмыслил уже существующее понимание психологического процесса апперцепции и привлек его для толкования процессов в создании новых

номинаций. Языковед, понимая роль языка в познании нового, включении новых объектов в уже имеющуюся у человека систему представлений, объяснил психологические основы образования новых номинаций с помощью апперцепции. Мы считаем, что идеи А.А. Потебни об апперцепции, опирающиеся на принцип экспланаторности, являются основополагающими для современной когнитивной лингвистики.

Учение А.А. Потебни о взаимозависимых процессах развития языка и мышления, о внутренней форме слова, о постепенном формировании абстрактных понятий из номинаций первоначально единого языка-основы у народов общей ментальности приводит к осознанию расхождений даже в генетически связанных языках.

Идея изучения языковых взаимодействий, выдвинутая А.А. Потебней, получила творческое развитие в работах языковедов следующих поколений. «И, как подчеркивал А.А. Потебня, – писал И.К. Белодед в работе «Плодотворные пути языкового взаимодействия (на материале русского и украинского языков)», – действенность и смысл языковых контактов заключаются не в количестве заимствований из языка в язык, а в тех процессах творческого возбуждения, творческой активности и силы, которые возникают в собственных средствах языков в результате этих контактов» [Белодед 1986: 121]. Это утверждение является подтверждением того, что репрезентатами понятия «отсутствие» могут становиться не только языковые новообразования, но и заимствования. Если в другом языке существует номинация, которая передает конкретное отсутствие кого-либо или чего-либо, то она может быть перенесена в другой язык под влиянием экстралингвальных факторов. Таким образом, не только лексическое, но и культурное взаимодействие и взаимообогащение является импульсом для дальнейшего развития отдельного языка.

2.3. Когнитивный подход к изучению заимствования языков в онтогенезе и филогенезе

Мы отдаем приоритет методологическому подходу, сочетающему методы исследования любого аспекта языка с познавательными процессами человека. Архитектуру языка в когнитивной перспективе и ретроспективе можно представить с помощью парадигмы межязыковых отно-

шений, содержащих ключ к пониманию языковых структур.

Поскольку на современном этапе развития лингвистики не существует строгих методологических рамок, оформляющих аналитические процедуры, мы рассматриваем взаимодействие и взаимовлияние языков как один из инструментов объяснения когнитивных процессов.

Также мы разделяем точку зрения тех языковедов-когнитологов, которые не игнорируют, а, наоборот, привлекают все возможные методики анализа языка человека, что находит разные проявления в дискурсивной практике. Считаем, что современная методология – это конвергенция традиционных и новейших методов познания человеческого языка как феномена.

Современный отечественный лингвист Ф.С. Бацевич, разработав философско-методологические основы современного языкознания, предлагает исследователям обратиться к такому методологическому ориентиру как феноменология, которая является общенаучным философским методом познания сущности всех объектов мира и может прояснить содержание вещей, событий, предметов, законов природы. По утверждению ученого, «такое познание и пояснение возможно только при условии редукции всего, что «наложилось» на мировоззрение человека, живущего в обществе: суждений, штампов и стереотипов восприятия, оценок, предубеждений и тому подобного. Процедуры феноменологической редукции невозможны без обращения к языку. Это объясняется тем, что первичной реальностью для феноменолога является «жизненный мир», представленный в психических интенциональных актах и в языке. Декларируемое феноменологией движение к идеальной объективности невозможно без языка, поскольку именно в нем опыт человека теряет субъективные черты, становится доступным для всех» (Перевод наш – О.Р.) [Бацевич 2006: 36]. Так, на самом деле, способ мышления, образ мыслей, совокупность когнитивных навыков и духовных ценностей, которые принадлежат славянским народам, отражается в их языках, но славян объединяет не только язык, но и общая ментальность, мировосприятие.

Новые подходы в исследовании языковых единиц мотивированы влиянием когнитивных процессов человека на язык, созданный человеком,

который существует и функционирует только потому, что нужен социуму. Современная методология предполагает обращение к социокультурным основаниям когнитивных процессов. Предлагая теоретическую модель семантического описания, выполненного в рамках культурно-исторического подхода, В.В. Глебкин замечает, что восприятие языка как социокультурного явления невозможно без корреляции лингвистики с такими науками, как культурология и социология [Глебкин 2014: 316]. Изучение взаимодействия языков как в социокультурном, так и бытовом смысле сегодня является методологическим основанием в исследованиях языковых явлений.

Подтверждение этому находим в современных исследованиях иностранных филологов. Английский исследователь В. Эванс подчеркивает, что концептуальная система не связана непосредственно с ее лингвальной репрезентацией, она имеет гораздо более давнюю историю, чем язык, который, со своей стороны, дополняет и развивает ее, но не дублирует. Аргументируя это отличие, он ссылается на данные психолингвистических экспериментов, которые показывают, что лингвистическая информация воспринимается быстрее, чем концептуальная [Эванс 2009: 175-176]. Этот тезис получил признание в работах многих лингвистов.

Установить настоящие связи между языковыми формами и когнитивной семантикой можно с помощью метода реконструкции (как внутриязыковой, так и межъязыковой), что выявляет родство с когнитивными парадигмами в генетически и ареально объединенных языках. Одна языковая сущность может быть выражена различными формами. Обратившись к методу реконструкции, можно убедиться, что лингвоспецифические явления в родственных языках мотивированы и имеют когнитивное пояснение.

Американский когнитолог Т. Гивон в работе «Сложность и развитие» объединяет три вида развития языка, происходящие параллельно: диахронию, онтогенез (усвоение) и филогенез (эволюция). Языковую диахронию он рассматривает как повседневную адаптивную коммуникативную инновацию. Ученый считает, что «в грамматической диахронии морфосинтаксические структуры возникают и исчезают, и потом возни-

кают вновь, заново кодируя – часто с помощью новых морфосинтаксических средств – те же коммуникативные функции. К тому же языковая диахрония, в отличие от онто- и филогенеза языка, начинает развиваться не на пустом месте, тогда как все лексические и грамматические подсистемы формируются с нуля. Вероятнее, что потеря старых грамматических структур и реграмматилизация происходят постепенно, при этом каждое структурное изменение соответствует собственной логике и временной динамике. Новые слова, новые значения слов, новые морфосинтаксические конструкции и новые значения существующих морфосинтаксических конструкций постепенно добавляются к уже существующей системе коммуникации» [Гивон 2015: 102]. Эта же мысль лежит и в основе развития такой точной науки, как математика, для которой появление нуля стало значимым для системного изучения чисел.

На определенном историческом этапе в праславянском языке ментальные понятия вербализировались и получили одинаковую форму, но дальнейшее развитие и выделение славянских языков на конкретном синхронном срезе показало, что отдельные языковые знаки имеют общий план содержания, который выражается в различных формах.

Уже упоминавшийся нами когнитолог В.В. Глебкин в языке внутрикультурной коммуникации выделяет три подструктуры: «повседневный язык, отражающий повседневную жизнь; философские тексты, за которыми стоят базовые для культуры мировоззренческие идеи; художественная литература, которая также формирует мировоззренческие и поведенческие нормы, но не с помощью теоретических конструкций, а с помощью художественных образов» [Глебкин 2014: 174]. Проводя когерентный анализ эволюции указанных подсистем, он доказывает, что доминирующим является движение от обыденного языка к философским и художественным текстам.

Мышление и восприятие человеком окружающего мира всегда обусловлены его повседневным бытием, и даже тогда, когда человек абстрагируется от повседневной жизни, это абстрагирование опирается на повседневный опыт. Поэтому повседневная жизнь, повседневные потребности человека являются важным аргументом для понимания

связи лексической семантики и грамматического выражения слова с концептуальной системой языка.

Так, в процессе социокультурного взаимодействия языков и их носителей происходит отражение повседневного бытия человека в повседневной речи. Характерной чертой славянской ментальности является осознание человеком наличия у него семьи, жилища, пищи. В подсознании древних славян уже было заложено стремление к созидательной деятельности и понимание того, что чтобы иметь эти важные вещи, надо было трудиться. И всегда существовало гендерное распределение обязанностей в семье: мужчины строили жилье, женщины готовили еду, вместе работали в поле.

Языковое взаимодействие как средство приспособления к среде и репрезентация знаний в своих ментальных системах отражается в конкретных примерах. Каждое слово имеет свою историю возникновения и использования, связанную с определенным человеческим опытом. Изучение в конкретном языке определенных случаев использования семантической деривации как номинативного средства наглядно свидетельствует о давних традициях и общих, присущих только славянам бытовых вещах и предметах.

Этнографические примеры демонстрируют особенности перманентного контакта языков в лингвокультурном и социокультурном аспектах, тем самым устанавливая отсутствующие связи в современном языке.

Украинские глаголы *прати*, *прасувати* и русский субстантив *прачка* происходят от названия приспособления для стирки и глажки в виде качалки, валика *праць* в древнем языке славян, что этимологически связано с праславянским словом *perti* с семантикой “бить”. Если современные словари русского языка толкуют слово *прачка* как работница, которая только стирает, то исторические и этнографические данные передают значение несколько иначе, шире: “работница, которая стирает, качает, гладит белье”. Билингам это достаточно понятно, но носителям русского языка, не имеющих контактов с носителями украинского языка, корреляция слов *стирать* и *прачка* является непрозрачной и требует пояснений.

У носителей родственных русского и украинского языков различа-

ются и другие орудия труда. Если и те, и другие используют слово *лопата* для работы на земле, то для рубки дров у украинцев есть слово *сокира*, и, соответственно у носителей русского языка – *топор*. Слово *топор* относится к общеславянским, его этимология не вполне ясна. Первоначально данное слово употреблялось в значении “оружие”, а не “орудие для рубки и тесания”. В диалектной лексике русского языка сохраняется слово *тепать* “тяпать, бить, рубить топором”. Вероятно, что корень *топ-* / *теп-* звукоподражательного происхождения [Цыганенко 1989: 430].

Русское слово *топор* вытеснило старое название *секира*, которое происходит от старославянского *сокера*. Этот субстантив, как в украинском, так и в русском языке имеет общее происхождение от глагола *сек-ти* “вырубать” лес под поле. В некоторых современных говорах русского языка слово *секира* сохраняется и обозначает “опасность”. Но в бытовой речи носители русского языка используют и украинское слово *сокира* с фонетическими отличиями от русского произношения. «Естественно, что диалектная стихия еще не исчерпала себя. Во многих случаях существует своеобразный билингвизм: люди пользуются литературным и диалектным (в быту) языками», – писал И.К. Белодед. [Белодед 1968: 27].

Структура мира, которая воспринимается человеком, в значительной мере обусловлена внутренними ментальными конструктами высокой степени абстрактности, но эти сложные ментальные процессы происходят в мозге бессознательно. Человек от рождения имеет специфические модульные способности к речевой деятельности, которая не зависит от других когнитивных процессов, происходящих с помощью сенсорного восприятия предметов и явлений окружающего мира. Люди рождаются с мощными способностями к абстрагированию. Но использование слова для обозначения понятия регулируется не только работой мозга человека, но и речевой практикой, традициями и экстралингвистическими факторами существования конкретного этноса. Народы не могут жить изолированно, локальность всегда относительна, поэтому постоянно происходит языковая ассимиляция. По словам И.К. Белодеда, «основным принципом этих контактов является их двусторонний характер – активное взаимодействие, взаимообогащение, когда на первый план выдвигаются не не-

посредственные заимствования, а параллельные процессы в области словообразования, синтаксических, стилистических возможностей каждого национального языка, которые развивают их по внутренним законам своей национальной специфики» [Белодед1986: 125]. Однако язык является важным элементом самоидентификации нации, и сколь бы ни были тесны контакты между носителями и их языками, в каждом языке сохраняются специфические отличия.

Методология когнитивной лингвистики охватывает языковедческие и ментальные интерпретации языковых явлений, которые показывают, с одной стороны, взаимообусловленность и взаимозависимость родственных языков, а с другой – самобытность каждого языка, которая предполагает социокультурные источники. Эта идея сегодня является методологическим основанием в изучении когнитивных процессов.

2.4. Применение методологии культурного трансфера для выявления лингвоспецифического и идионационального своеобразия презентации понятия «отсутствие»

Современное обновление мировоззренческого сознания гуманитариев повлияло не только на смену парадигм в лингвистике, но и на расширение методологических границ когнитивных исследований. Обоснование философами и феноменологами того, что «любой элемент жизненного мира человека может быть исследованным только в соответствии с законами знаковых образований» (Перевод наш – О.Р.) [Лук'янец 2004: 292], к которым в первую очередь относится язык, позволяет использовать новые методологические стратегии в целях создания парадигматической целостности и системного анализа когнитивных понятий. Новый виток в спирали развития науки о языке не опровергает тезис о том, что «источником таких исследований является философское осмысление роли языка в человеческой культуре, которое было начато еще философами Древней Греции, в частности, Платоном и Аристотелем. В значительной степени необработанным творением в области философии языка также являются работы средневековых философов, в частности, Фомы Аквинского» (Перевод наш – О.Р.) [Лук'янец 2004: 293]. Положенная в основу гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа взаимосвязь язы-

ка и культуры может быть использована сегодня как значительный ресурс в пояснении проблем первичности лингвальных или ментальных репрезентаций. При этом первичность нельзя выявить, не затрагивая межкультурное и межкультурное взаимодействие, то есть происходящий при этом культурный трансфер.

Лингвисты В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер, рассматривая различные трактовки термина *культурный трансфер* и определяя его значимость в современной теоретической лингвистике, формулируют ряд положений, которые, на наш взгляд, являются фундаментальными и основополагающими в исследовании когнитивных понятий:

- «Трансфер мыслится как соположение глубинных структур различающихся языков и инструмент выявления меры отличия языков друг от друга» [Фещенко 2016:12].
- «Именно ориентация на практику, на бытовые и заурядные ситуации делает для исследователей межкультурной коммуникации явно недостаточным знание кода в его сугубо лингвистическом понимании» [Фещенко 2016:13].
- «Семиотика вышла из ситуации, где было необходимо изучать объекты попарно, показав более наглядно, чем другие направления, континуальность знакового пространства» [Фещенко 2016:16].

Рассмотрим, как можно применить методологию культурного трансфера для описания лингвоспецифических и идионациональных особенностей абстрактного понятия на примере понятия «отсутствие».

Действительно, для выявления лингвального и ментального своеобразия проявления понятия «отсутствие» необходимо сравнение на синхронном срезе и в диахронии различных форм, отдельных лексем как в одном языке, так и в родственных языках. Имея общую этимологию, восходящую к праславянскому или индоевропейскому праязыку, на определенном историческом этапе начинают проявляться расхождения, возникающие под влиянием как собственно лингвальных, так и экстралингвистических факторов. Сохраняя ядерную сему в понятии «отсутствие», языковые единицы настолько сильно подвергаются изменениям, что только вскрытие глубинных структур позволяет понять современную

языковую репрезентацию исследуемого понятия.

Ситуативная материализация абстрактного понятия «отсутствие» может быть представлена как вербальными, так и невербальными знаками. Изначально люди использовали жесты для обозначения и передачи данного понятия, что подтверждают современные исследования детской речи, следующей ступенью стала вербализация и закрепление данного понятия за конкретными лексемами и образными выражениями устного народного творчества, о чем свидетельствует богатый паремиологический фонд славянского этноса. Дальнейшее развитие данное понятие получает в дискурсе и приобретает пространственно-временные характеристики, обозначая отдельные фрагменты континуума. Ментальное представление понятия «отсутствие» связано с социокультурными особенностями восприятия носителей русского языка, в основе которого лежит конкретно-образное представление об окружающем мире. Лингвальная экспликация особенностей репрезентации понятия «отсутствие» обнаруживается как на лексико-семантическом, так и грамматическом срезе языка.

В работах по языкознанию профессора отделения лингвистики университета Калифорнии Д. Дивьяк, посвященных вопросам исследования русских глаголов восприятия, уделено внимание тому, что что «философов, лингвистов, психологов и когнитивистов давно занимает способность человека понимать и представлять значения. Теории, объясняющие характер и содержание понятий, охватывают спектр от врожденных до эмпирических, от менталистских до телесных. Хотя в рамках эмпирических подходов к содержанию понятий признается, что понятия состоят из информации, поступающей как через тело и органы чувств, так и через язык, на передний план в исследованиях выходят модальные, сенсомоторные переживания, а языковой опыт, который в когнитивистике часто рассматривают как амодальный, оказывается на заднем плане» [Дивьяк 2015: 448-449]. Это рассуждение соотносится с понятием апперцепции, появлением языковых репрезентантов абстрактных понятий.

В определении понятия и его составных частей мы поддерживаем и разделяем точку зрения лингвиста Метьюз: «Понятия – составные части

мышления – могут быть на самом общем уровне определены как ментальные структуры, соответствующие отдельной сущности или классу сущностей, как конкретных, так и абстрактных [Matthews 2007].” (цит. по: [Дивьяк 2015: 449]). Д. Дивьяк, комментируя определение Метьюз, развивает эту идею: «Иначе говоря, понятия – это обобщение опыта, переживаний. Общепризнаны три источника информации при формировании понятий: непосредственный сенсомоторный опыт (то, что переживаете вы сами), опосредованный сенсомоторный опыт (вы видите, как его переживают другие), языковой опыт. Недавно Виггиокко и др. предложили свое описание семантического представления, в котором, помимо сенсомоторной информации, выделяется также аффективный и языковой опыт [Vigkiocco et al. 2009]» [Дивьяк 2015: 449].

Методология культурного трансфера предусматривает изучение передачи опыта, накопленных знаний от поколения к поколению, закрепления в языке значимых абстрактных понятий с их конкретной реализацией в дискурсивной практике.

Идея разграничения внутрикультурного и межкультурного трансфера принадлежит французским лингвистам, в частности Мозе [Moser 2014: 62-64]. Внутрикультурный трансфер предполагает рассмотрение какой-либо культуры в ее внутренней динамике и гетерогенности, имеющих проявление в различных дискурсах. В работах зарубежных исследователей концепция культурного трансфера опирается на следующие положения: «продуктивность изменений в рамках континуального культурного пространства; равенство взаимодействующих сфер; принятие новых форм и не всегда заранее предсказуемых результатов взаимодействия. Эти идеи оказались настолько соответствующими духу времени и потребностям современного общества, что фрагменты теории трансфера или некоторые ее термины были продуктивно заимствованы самыми разными сферами человеческой деятельности» [Фещенко 2016: 22].

Лингвокультурный трансфер представляется как синхронная и диахроническая передача информации в континууме, осуществляемая различными способами коммуникации. Одним из таких средств является язык, с помощью которого достигается понимание как в конкретный

исторический момент, так и передача информации последующим поколениям. «Функция передачи, будучи функцией языка и когнитивной системы, увековечивает «некую базовую идентичность», общую для всех тех людей, кто использует родной язык, и позволяющую потомкам почувствовать принадлежность к предкам, накапливая при этом коллективную память той или иной исторической группы» [Фещенко 2016: 28-29]. Язык и культура складываются в конкретном социуме, языковые знаки (вербальные и невербальные) становятся носителями этнической значимости.

Теория культурного трансфера предполагает использование различных методик для описания лингвосемиотических механизмов создания понятия «отсутствие», предпосылок конструирования и трансферизации содержания данного понятия. Такое конструирование может быть осуществлено на основе изучения смысловых модификаций и интерпретаций слов с ядерной семьей 'отсутствие', анализа использования человеком слов и жестов, выражающих понятие «отсутствие», в различных ситуациях и сферах социокультурной деятельности. Закрепленность в идиоматических выражениях и различных типах дискурса также позволяет познать сущность исследуемого понятия.

Методология культурного трансфера приоткрывает новые аспекты различных интерпретаций языковой репрезентации понятия «отсутствие». Язык, являясь эмпирической базой, имеющей вербальную и невербальную материализацию, позволяет на основе анализа вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций смыслов, применить методологию культурного трансфера. Рассмотрение различных векторов культурного трансфера понятия «отсутствие» даст возможность наиболее полно, адекватно и системно описать его языковую представленность в дискурсивной выраженности.

Выводы

Когнитивный подход к исследованию языковых и ментальных понятий как новая парадигма в лингвистике не представляет на сегодняшний день единой стройной концепции с четко определенным терминологическим аппаратом и методологическим инструментарием. Оригинальность

современных методологий состоит в их междисциплинарном характере, что, в первую очередь проявляется в отсылке к историческим фактам языка, а также психологии, которая изучает мышление и познавательные процессы человека в тесной связи с его речевой деятельностью.

Напрямую, на наш взгляд, связано с современными проблемами языкознания учение, разработанное в XIX веке П.А. Лавровским. Представленные положения концепции лингвиста наглядно демонстрируют преемственность лингвистических взглядов «языко-исследователей» (термин П.А. Лавровского), разделенных почти двумя столетиями. Представители современных когнитивно-дискурсивных концепций считают, что функционирование единиц, относящихся к разным стратам языковой системы, во многом обусловлено ментальностью этноса, культурными традициями, что не исключает стихийных влияний, приводящим к развитию параллельных форм, утрате исконных, развитию омонимии и других непредсказуемых языковых явлений.

Лингвист-компаративист XIX века П.А. Лавровский в фундаментальном труде «О языке северных Русских летописей» описал различия древнего русского языка и древнего украинского языка. В данной работе представлены особенности фонетики, а также дана характеристика морфологических свойств слов и синтаксиса языка восточных славян эпохи Киевской Руси. Указанные отличительные черты непосредственно касаются древнего украинского языка, имеющего с русским общие корни, но в то же время идентифицируют эти славянские языки как самостоятельные. Это подтверждают замечания П.А. Лавровского в вышеупомянутой книге, выделенные им в предисловии отдельным параграфом: «Отсутствие в списках Русских летописей XIV-XV столетия очевидных признаков современного наречия Малорусского».

Обращение к этимологическому анализу, сравнение данных родственных языков, анализ исторических памятников письменности позволяет расширить современное представление о развитии языка и объяснить, почему в современном языке имеет место или, напротив, отсутствует та или иная языковая форма, сема в значении, и за счет чего происходят такие изменения.

Большой вклад в соединение теоретических постулатов языкознания и психологии внес А.А. Потебня, который является основоположником психологического направления в отечественной лингвистике. Ученый в фундаментальном труде «Мысль и язык» ввел в терминологию языковедов термин *апперцепция*, который необходим для пояснения когнитивных процессов. Используя идеи немецких философов и психологов как теоретическую базу, отечественный языковед предлагает свою интерпретацию апперцепции. Специфика когнитивного процесса, по его мнению, заключается в организации человеческой психики: мысль воздействует на язык посредством сравнения двух когнитивных комплексов – того, что воспринимается сейчас, и того, что было уже подвергнуто перцепции и закрепились в человеческом сознании в виде слова.

Определив роль языка в когнитивных процессах, в процессах развития человеческих знаний об окружающем мире, А.А. Потебня объяснил психологические процессы апперцепции через представления разных людей о различных явлениях, которые имеют свои номинации в языке, а также выявил мотивацию появления новых номинаций.

Инициированный А.А. Потебней психолингвистический подход используется нами для анализа разнообразных лингвальных репрезентаций абстрактных понятий, в частности понятия «отсутствие», и позволяет установить определенные тенденции такого функционирования. Мы считаем, что идеи А.А. Потебни об апперцепции основываются на принципе экспланаторности и являются фундаментальными для современной когнитивной лингвистики. Несомненно, вклад А.А. Потебни заключается в том, что учёный переосмыслил психологический процесс апперцепции и применил его для объяснения процессов образования новых номинаций.

Методологическими предпосылками исследования понятия «отсутствие» в когнитивном аспекте также является углубление проблематики взаимовлияния языков в онтогенезе и филогенезе и использование ее как метода когнитивного подхода в изучении языковых значений. В современных исследованиях приобретают значимость вопросы взаимодействия контактирующих языков. Вопросы взаимодействия языков всегда были актуальными в научной деятельности украинского языковеда

И.К. Белододеда, который сделал весомый вклад в языкознание, обратившись к изучению взаимовлияния языков, имеющих контакты. Поэтому его исследования в области славянских языков имеют основополагающее методологическое значение. Взаимодействие родственных языков, особенно в диахроническом аспекте, способствует объяснению современного состояния как семантики, так и грамматических форм слов в родственных языках. Эта идея неоднократно выделялась известным славистом. Методология когнитивной лингвистики охватывает языковедческие и ментальные интерпретации языковых явлений и показывает, с одной стороны, взаимообусловленность и взаимозависимость родственных языков, а с другой – самобытность каждого языка. Эта идея сегодня является методологическим основанием в изучении когнитивных процессов.

Связь традиционной методологии с инновационными методами исследования языковых понятий в нашем исследовании основана на междисциплинарном подходе. Методология культурного трансфера для выявления языкового и ментального своеобразия понятия «отсутствие» в концептуальной системе русского языка опирается на данные культурологии и социологии. В языке и культуре происходит постоянный синтез знаков и смыслов, языковые знаки становятся носителями культурной значимости, и, наоборот, культура этноса материализуется в знаках языка. Вербальное и невербальное освоение и осознание человеком мира ведет к формированию ценностных ментальных единиц.

Различные исследовательские традиции подтверждают признание неисчерпаемости данной проблемы. Современные лингвисты-когнитологи свободны в выборе и использовании методологического инструментария. Понимание методологии как применения к процессам познания философских принципов мировосприятия подтверждает то, что вербальная идентификация носителей языка несет на себе отпечаток культуры, традиций и форм существования конкретного этноса. Применение методологии культурного трансфера способствует выявлению лингвоспецифических и идионациональных особенностей репрезентации понятия «отсутствие» в русском языке. Попытка найти новые аспекты в изучении языковых фактов и явлений, отражающих понятие «отсутствие», именно

с помощью методологии культурного трансфера позволит системно описать исследуемое понятие в рамках не только лексико-семантической и грамматической структуры языка, но и продемонстрировать его репрезентацию в дискурсе разных типов.

Таким образом, совокупность и последовательность тенденций в современной науке о языке отражают парадигматические связи историзма, психологизма и антропоцентризма познания. С помощью этих принципов познания можно установить связи между языком и мышлением, речью и поведением людей, особенности вербализации абстрактных понятий, в частности понятия «отсутствие», воплощение в языке культурных фактов и ментальных процессов.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

3.1. Актуальность генетической связи оппозитивов *отсутствие* – *присутствие* для когнитивного изучения понятия «отсутствие»

Замечание А.А. Потебни о том, что ничто в языке не может быть объяснено иначе, как своим происхождением, направляет исследования языкового материала в сторону изучения каждого слова и каждой грамматической формы в сравнении и в диахронии. Опираясь на принципы историзма и психологизма познания, ученый высказал мысль о том, что человек как индивид и член общества и современная культура, и язык являются результатом продолжительных наслоений. Поэтому необходимо проводить лингвистический анализ от настоящего к прошедшему неизвестному, «снимать слой за слоем с нынешнего языка», не перескакивая, по возможности, через ступени [Потебня 1993]. На наш взгляд, поэтапный характер исследования поможет связать воедино невидимое соединение мысли и слова, чтобы постигнуть внутреннюю форму понятий «отсутствие» – «присутствие».

Оппозиционная пара *отсутствие* – *присутствие* относится к структурному типу антонимов, а также представляет собой основополагающие понятия в философском, научном и бытовом знании, которые могут быть рассмотрены в парадигме когнитивной теории. Несмотря на то, что русская антонимия имеет обширное лексикографическое описание и оппозиты *отсутствие* – *присутствие* представлены в качестве антонимических пар во всех существующих словарях антонимов русского языка, они не подвергались отдельному глубокому изучению в контексте современных когнитивных исследований.

Обобщение концептуальных, методологических и терминологических разработок, представленное в трудах современных лингвистов [А.Е. Кибрик 2015, Е.С. Кубрякова 2004, Н.С. Кудрявцева 2013, Л.М. Лещева 2015, D. Geeraerts 2006, W. Moser 2014], позволяет развивать теоретические обоснования исследования когнитивных категорий, понятий, моделей и применять на практике различные методики анализа языкового

материала с широким спектральным распределением.

Описание лингвальной экспликации особенностей репрезентации абстрактных понятий «отсутствие» – «присутствие» невозможно без привлечения различных интерпретаций, имеющих социокультурную основу. Мы разделяем точку зрения лингвиста Л.М. Лещевой о том, что «когнитивная лингвистика стремится придать семантическому анализу слова холистический характер, т.е. апеллировать к некоему целостному ментальному конструкту, который вызывает целостное восприятие, восполняя отсутствующие детали при словарном описании значения, а также индивидуальную прагматическую интерпретацию» [Лещева 2015: 416]. Этот подход является важным для нашего исследования, поскольку понятие «отсутствие» связано с гештальтным восприятием, т.е. восприятием целостного облика языковой системы.

Наряду с интерпретационным методом исследования понятий «отсутствие» – «присутствие» мы применяем этимологический анализ, использование которого основано на учении А.А. Потебни о внутренней форме слова. «Ведь разработанное А.А. Потебнею учение о внутренней форме слова, которое, по сути, представляет собою учение о взаимоотношении мышления и языка, признает за внутренней формой объективный, то есть общезначимый, общеязыковой характер, в то время как неясная, темная мысль (или даже стремление к мысли) является целиком субъективной. Такая неосознанная мысль воплощает богатый разнообразными признаками образ предмета, восприятие которого состоит в том, что этот образ раскладывается на характерные для него признаки, один из которых и становится внутренней формой слова» (Перевод наш – О.Р.) [Кудрявцева 2013: 72]. Актуализация внутренней формы слова происходит регулярно, это происходит за счет металингвистических вставок или соположения этимологически родственных слов.

Эвристический подход в изучении языковых явлений приобретает все большую актуальность в аспекте развития методологии современной когнитивной науки. «Использование этимологического анализа и метода семантической реконструкции в контексте прототипного подхода делает возможным рассмотрение фундаментальных категорий человеческого со-

знания, принадлежащих разным системам знания, в когнитивном ракурсе, точно также, как и открывает перспективы для эмпирического изучения путей влияния естественных языков на формирование мировоззренческих категорий» (Перевод наш – О.Р.) [Кудрявцева 2013: 76]. Следует заметить, что прототипный анализ предполагает дескриптивный подход к изучению лексического значения и опирается на традиционные методики исследования языковых явлений.

Считаем, что этимологический анализ лексики с философско-категориальной семантикой может быть осуществлен в контексте теории прототипов. Для выявления прототипов, отражающих совокупность конкретного этнокультурного опыта, необходимо обратиться к установлению внутренней формы слова, того ядерного признака, который послужил мотивацией для образования новых номинаций.

Постулат А.А. Потебни о том, что языковая форма мотивирована и отражает стоящую за ней структуру, по мнению лингвистов конца XIX – начала XX веков и современных лингвистов-когнитологов, является фундаментом учения о языковом знаке. Дальнейшее развитие теории о языковом знаке было представлено не только в концепции основоположника психологического направления в языкознании, но и в концепциях лингвистов других теоретических направлений. Это было связано с эволюцией человека и социума, влиянием экстралингвистических факторов, усилением способности абстрагирования. А.Е. Кибрик, разрабатывая когнитивный подход к языку, указывал, что и создатель социологического направления в лингвистике Ф. де Соссюр в произвольности знака учитывал только первичные номинации. А.Е. Кибрик пишет: «Вообще говоря, для Соссюра произвольность знака сводилась из фонетических оболочек непроемных слов (т.е. корней), хотя производные слова уже имеют очевидную семантическую и, следовательно, когнитивную мотивацию (обнаружением ее занята традиционная этимология), не говоря о широчайшем диапазоне всевозможных конструкций, современных аналогов традиционного знака (грамматика конструкций по Филлмору [Fillmore, Kay 1993; Croft 2001]), среди которых непроемные слова представляют лишь один вырожденный тип конструкций» [Кибрик. 2015: 32]. На эти

положения мы будем ссылаться при семном анализе лексики, репрезентирующей понятие «отсутствие».

Следуя постулату мотивированности, мы можем объяснить конкретные репрезентации и трансформации абстрактных понятий в дискурсивной практике. Социокультурный трансфер, т.е. передача информации в конкретном этносе в континууме, связан с расширением или сужением семантического содержания понятия. По мнению А.Е. Кибрика, в идеях представителей структурализма уже на новой ступени развития лингвистики устанавливаются различные оппозиции и также прослеживается связь между языком и мышлением, о которой писал А.А. Потебня.

В статье «Когнитивный подход к языку», описывая понятие обратной маркированности и его значимость в типологических описаниях асимметрии, А.Е. Кибрик приводит фрагмент переписки Н.С. Трубецкого и Р.О. Jakobsona, в котором подтверждаются и высказанные нами предположения: «Отвечая на замечание Н.С. Трубецкого в письме от 31.8. 1930 г. о том, что «по-видимому всякая (а м.б., и не всякая?) фонологическая корреляция приобретает в языковом сознании форму противопоставления наличия какого-нибудь признака его отсутствию (или максимума какого-нибудь признака его минимуму)», Jakobson пишет: «Думаю, что она [высказанная Трубецким мысль] будет иметь значение не только для лингвистики, но и для этнологии и истории культуры, и что такие историко-культурные корреляции, как *жизнь – смерть, свобода – несвобода, грех – добродетель, праздники – будни* и т.п., всегда сводятся к отношениям а – не-а, и что важно установить для каждой эпохи, группы, народа и т.д. – что является рядом признаков» [Кибрик 2015: 34]. Мы считаем, что понятия «отсутствие» – «присутствие» являются базовыми для понимания многих других понятий, как чисто лингвистических (например, грамматическая лакуарность), так и социокультурных, связанных непосредственно с этносом и носителями языка (например, лексическая лакуарность).

Предлагаем рассмотреть генетическую связь понятий «отсутствие» – «присутствие» с целью актуализации исследования абстрактного понятия «отсутствие» в когнитивном аспекте.

Антонимическая пара *присутствие – отсутствие* представлена в «Словаре антонимов русского языка» М.Р. Львова и расположена под порядковым номером 806, глагольная пара *присутствовать – отсутствовать* под номером 807 [Львов 2012: 314]. Поскольку нас в большей степени интересует понятие «отсутствие», мы посчитали необходимым вынести его на первую позицию и сделали перестановку в указанных парах.

У однокоренных слов *отсутствие – присутствие* антонимичность является результатом присоединения к одному и тому же корню слова противоположных по смыслу префиксов *от-* и *при-*. Приставка *от-* происходит от общеславянского предлога *отъ*, выражающего многообразные отношения: пространственные, временные, объектные, определительные, причинные. Предлог-коррелят *от* употребляется с родительным падежом, что поясняет синтагматические связи понятия «отсутствие» – сочетание с существительными в родительном падеже. Например, *отсутствие* (кого? чего?) – места, времени, объекта, обозначения или причины и т.п. К общеславянскому предлогу восходит и префикс *при-*. Употребление предлога *при* только с предложным падежом несколько ограничивает использование слов с соотносительным префиксом. Поскольку основное значение приставки *при-* “присоединение”, то слово *присутствие* может использоваться в словосочетаниях, предопределяя форму существительного предложного и родительного падежей. Таким образом, в словосочетаниях со стержневыми словами *отсутствие* и *присутствие* появление зависимого слова в указанных падежных формах предсказуемо, а отношения, которые соединяют главное и зависимое слово, относятся к именному управлению. Семантика префиксов позволяет предположить, что указанные оппозиции имеют большой потенциал распространенности в социокультурном континууме славянского этноса и для многочисленных реализаций в дискурсе.

Антонимия отглагольных субстантивов *отсутствие – присутствие* обнаруживает деривационные связи со словами *отсутствовать – присутствовать*. Приставочные глаголы представляют более разветвленную систему однокоренной антонимии, чем имена существительные. Структурные типы антонимов *отсутствие – присутствие* и *отсутствовать*

– *присутствовать* объединены в пары на основе общего корня: *-сут-*, который и помогает вскрыть семантические связи противопоставления.

Глагол *присутствовать* обозначает “быть где-нибудь в какое-либо время” и фиксируется в словарях русского языка с начала XVIII века. Он образован с помощью глагольного суффикса *-ова-ти* от древнерусского существительного *присутьство*, что означает “пребывание”. «Существительное *присутьство* является производным с приставкой *при-* и суффиксом *-ств-о* от *суть* – формы 3-го лица мн. числа наст. времени глагола *быть*. От этой же основы образовано старославянское действительное причастие наст. времени *суущий*, значение которого – “существующий”» [Цыганенко 1989: 351]. От него, в свою очередь, префиксальным способом с помощью префикса *при-* создано причастие *присуущий* – “присутствующий”, которое впоследствии в русском языке стало восприниматься как прилагательное со значением “свойственный кому- или чему-либо”.

Семантика слова *суть* определяется в этимологических словарях как “самое главное, сущность, основа чего-либо”. Современное значение этого слова известно в русском языке уже с первой половины XVIII века. Как указывалось ранее, слово *суть* появилось в результате выделения формы 3-го лица мн. числа наст. времени глагола *быти*. Парадигма была представлена следующим образом: я *есмь*, ты *еси*, он *есть*, мы *есмь*, вы *есте*, они *суть*. Форма *суть* выражала “то, что есть”, как следствие – появилось дальнейшее значение “самое главное”. Данная форма сохранилась во фразеологической единице *не суть важно*. В современном русском языке форма *суть* приобрела субстантивный характер и может выступать в роли существительного: например, *в этом состоит суть дела* или *по сути дела*. Нетематический глагол *быти* сохранил только форму 3-го лица ед. числа *есть*, которая стала употребляться в значении “имеется” и в ед., и во мн. числе, а также в роли глагола-связки, иногда употребляемого в настоящем времени. В древнерусском языке употребление формы *есть* с предшествующим отрицанием, то есть присоединением частицы *не*, давало образование *несть*, которое редко, но встречается в идиомах: *несть пророка*, *несть числа*.

От слова *суть* в древнерусском языке было образовано существи-

тельное с суффиксом *-ьств-о* – *сутьство* (“природа, естество”). Слово же *существо* восходит к старославянскому *сущьство*, которое также передает значение “природа, существо”. От основы *суть* берет начало и старославянское действительное причастие настоящего времени *сущим* – ‘существующий’ (в нем *щ* из *тj*). В свою очередь причастие *сущий* проникло в русский язык в XI веке, о чем свидетельствуют памятники, и воспринимается оно как книжное со значением “имеющийся в наличии”. Таким образом, идет отсылка к слову *наличие*, которое также выступает оппозитом слову *отсутствие*.

Антонимическая пара *наличие* – *отсутствие* в 9-ом издании «Словаря антонимов русского языка» М.Р. Львова расположена под порядковым номером 502 и проиллюстрирована примерами из художественной литературы. В словарной статье приведен пример употребления главных слов в именительном падеже и зависимых слов в родительном падеже (*наличие дорог* – *отсутствие дорог*), так и пример употребления главных слов в предложном падеже (*в наличии* – *в отсутствии*) [Львов 2012: 214].

Лексическое значение слова *наличие* – “присутствие, существование” по своему корню относится к праславянской лексике. По образованию оно старославянское, так как является производным от *наликъ* + суффикс *-иѣ* (“налицо, лицом”). В русских диалектах встречается форма *налик* в значении “налицо, лицевой стороной”. Слово *наличие* встречается в русских памятниках XI века и возникло из предложного сочетания *на ликъ*, где *ликъ* – первоначально “то, что видно”, “то, что явно”. От *наликъ* с помощью суффикса *-ьн-* образовано прилагательное *наличьныи* “имеющийся налицо, в наличии”, что фиксируется в словарях с XVIII века.

Слово *лик* является общеславянским по своему происхождению. Необходимо отметить, что в праславянском языке существовало три родовые формы этого слова: м.р. – *ликъ*, ж.р. – *лика*, ср.р. – *лико*, а также форма *лице*, в которой перед *е* звук [к] изменился в [ц] по первой палатализации задненебных. Значение всех этих форм сводилось к следующим: “точное изображение лица”, “то, что видно”. В русских диалектах употребляется слово *лики* в значении “щеки”. Отсюда *ликоваться* – “здороваться, прикладываться щекой к щеке”. Лексическая единица *лик* в русском языке

использовалось в значениях: “лицо”, “лицевая (наружная) сторона материи”, “внешнее оформление чего-либо”, “икона”, а также как прилагательное “похожий”. В современном русском языке устойчивое словосочетание *вывернуть налицо* используется как в прямом значении, так и в качестве метафоры. С древних времен и до настоящего времени на иконах изображали святых, что сохранилось и отразилось в современном языке и встречается в выражении *лики святых*.

Параллельно с развитием форм и значений субстантива *лик* развиваются и глагольные дериваты. От глагольного корня праславянского *lik* “оставлять след, метку”, “делать видимым, явным, подобным” появляется глагол *личити*, первоначальное значение которого “обличить”, “открыть истинное лицо”, “установить соответствие”, а позже развивается значение “считать”. Слово *улика* как производное от существительного *лика* фиксируется в словарях с XVIII века в значении “то, что обнаруживает, делает явной виновность, доказательство”. От субстантива *улика* с помощью суффикса *-и-ти* (при чередовании *к/ч* перед *и*) образован глагол *уличити*, который после утраты конечного безударного *-и* представлены двувидовой парой в современном языке: СВ *уличить* “доказать, раскрыть виновность” и НСВ *уличать* “приводить улики, доказывать виновность”. Первичное значение поясняет фразеологизм *заметать следы*, который представляет собой фразеологическое единство, поскольку может использоваться как свободное словосочетание, а также иметь значение “не оставлять улик”, “отсутствие улик”. Генетически родственными являются также слова *приличный* и *различный*.

Проведенный этимологический анализ и частичное прототипное описание понятий «отсутствие» – «присутствие» наглядно демонстрируют влияние языка на мышление человека, находящее отражение в развитии внутренней формы слов. А.А. Потебня указывал на то, что на ранних этапах развития языка, когда внутренняя форма слова была еще этимологически прозрачной и продуцировала определенные ассоциации, мышление отставало от развития языка, а мысль была подчинена слову. Философский постулат *Бытие определяет сознание* еще раз подтверждает вывод, к которому пришел ученый-лингвист.

В перечисленном выше ряду этимологически родственных слов только *бытие* относится к философским терминам. *Бытие* в узком понимании по своему содержанию отождествляется с признаком “существования”. «Согласно Хайдеггеру, *бытие* возникает из отрицательности *ничто*, в то время как *ничто* позволяет сущему ‘погружаться’, – благодаря этому раскрывается *бытие*. Для того, чтобы раскрыться, *бытие* нуждается в том сущем, которое называется существованием» (цит. по: [Философский словарь 1998: 57]). Хайдеггер считает, что смысл *бытия* может проявляться только в “наличности” человеческого существования. Поэтому его волнует вопрос: «Как же быть, если отсутствие принадлежности бытия к человеческой сущности и невнимательное отношение к этому отсутствию все более определяют современный мир?» (цит. по: [Философский словарь 1998: 57]). Ученый приходит к выводу о том, что *бытие* теряет значимость в качестве существования, и переносить его можно лишь благодаря тому, что оно включает в себя *ничто*. *Бытие* впервые становится метафизической проблемой только тогда и там, где в речи употребляется глагол-связка *есть*. Вопрос о том, что же означает то, что “есть” материальная вещь, а также осознанная вещь, не поднимался. Таким образом, философская категория *бытие*, которая со времен Аристотеля до наших дней вызывает дискуссии, обозначает прежде всего “существование” человека и может быть определена как “Я есть в наличии”. Философский термин *наличное бытие* в современном экзистенциализме имеет значение “существование”. *Наличное бытие* – это существование человека, поскольку оно наиболее доступно нашему познанию.

Слова *бытие* и *наличие* оказываются тесно связанными генетически, входят в один синонимический ряд при пояснении значения слова *присущий*, зафиксированном в словаре В.И. Даля [Даль 2010: 533]. Рядом с указанным словом описана дефиниция *присутствовать*: “быть, находиться, быть лично, налицо, быть свидетелем чего-либо, быть притомным; заседать, сидеть членом или председателем в суде, или в совещательном правлении, месте”. В данную словарную статью включено и отглагольное существительное *присутствие*: “бытность где-либо, заседания где-либо по должности, по службе; судейская или вообще комната,

где заседают, присутствуют члены совещательного места; само заседание это, время и все продолжение его. *Это было в моем присутствии. Присутствие устроено за стеклянными дверьми. Присутствие началось или открыто, и закрыто. Рекрутское присутствие* – для приема рекрут. *Присутствие духа* – полное, сознательное обладание собою, при внезапных и затруднительных случайностях” [Даль 2010: 533].

Также в словаре В.И. Даля указано слово *наличник*, которое в современном русском языке уже вышло из употребления в значении: “человек, состоящий налицо, противоп. нетчик, небытчик, отсутствующий”. Второе значение данное слово сохраняет как: “накладное украшение на лицо предмета, строенья или утвари; накладная планка в виде рамы, вокруг дверей и окон; личинка, пластинка с прорезью для ключа, на внутренней замок; часть одежды, на лицо человека: забрало; маска, личина, харя, рожа; покрывало на лицо; суконный лоскут с прорезью для глаз, от стужи; сетка от комаров” [Даль 2010: 403].

Несмотря на то, что в толковом словаре В.И. Даля слово *отсутствие* не указано, описание его оппозиционных пар (*присутствие, наличие*) делает к нему отсылку. Это еще раз подчеркивает то, что для русской языковой ментальности большую значимость имело присутствие и наличие, чем отсутствие кого-либо или чего-либо, хотя первое предполагает второе. В понимании Ф.М. Штейнбука, «... присутствие изначально содержит в себе потенцию отсутствия, и так же, как присутствие на онтологическом уровне предусматривает обязательное наличие определенного места, в котором осуществляется присутствие, соответствующим образом реализуется и отсутствие, то есть в конкретном месте, предварительно обеспеченном присутствием» (Перевод наш – О.Р.) [Штейнбук 2014: 66].

Для носителя русского языка понятия «отсутствие» – «присутствие» и «отсутствие» – «наличие» являются основополагающими как в философском, так и в бытовом значении. Данные оппозиции обнаруживают этимологические корни и глубинные связи со словами: *суть, существовать, быть, бытие, наличие, лицо*. Слова с этими корнями встречаются в молитве, к которой христианин прибегает не только в самые важные моменты своей жизни, но с которой он живет в душе каждый день: *Отче*

наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое; Хлеб наш насущный даждь нам днесь. Русская языковая ментальность проникнута и пронизана стремлением человека к осознанию своего отсутствия – присутствия на Земле, а также духовными исканиями и стремлением осознать себя как часть мироздания.

Ментальная значимость исследуемых абстрактных понятий сохраняется с древнейших времен до настоящего времени. Подтверждением этого могут служить данные частоты использования лингвальных репрезентантов абстрактных понятий «отсутствие» – «присутствие». Обратимся к данным современного частотного словаря.

В авторитетном издании частотного словаря, построенном на основе Национального корпуса русского языка, среди выделенных 100 самых частотных слов русского языка наше внимание привлекли слова, непосредственно являющиеся репрезентантами абстрактных понятий «отсутствие» – «присутствие». Третью позицию в этом списке занимает слово *не*, шестую позицию – глагол *быть*, и завершает список (номер 100) отрицательное местоимение *ничто* [Частотный словарь 2009]. Обработанный материал составляет 37% всех текстов (художественной литературы, средств массовой информации, технических, деловых документов и научных), что является показателем достоверности.

Слово *не*, обозначающее негацию и в философии, и в логике, и в лингвистике, расположено в ряду наиболее употребляемых слов русского языка на несколько позиций впереди глагола *быть*. Это еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что понятие «отсутствие» является психологическим ключом для понимания многих дефиниций, как лингвистических (например, грамматических), так и общечеловеческих. Социокультурную детерминацию имеет и глагол *быть*. Мы имеем в виду экзистенциальный глагол *быть*, который важен в процессе социокультурного развития и взаимодействия. В семантической структуре глагола выделяется категориально-лексическая сема ‘бытие, существование’, которая непосредственно связана с понятием «присутствие». Как считает Н.Ю. Шведова, глагол *быть* является максимально полифункциональным вследствие своей «размытой» абстрактной семантики. В отличие от

полисемии, при которой одно значение всегда так или иначе производится от другого, полифункциональность исключает такую производность и противопоставляет ей равноположенность смысловых значений [Шведова 2001: 11].

Отрицательное местоимение *ничто*, на наш взгляд, связывает понятия «отсутствие» – «присутствие», поскольку лингвокультурное заложено в семе, передающейся чаще всего корневой морфемой (*что* ‘бытие, существование’), грамматическое, в данном случае словообразовательное значение, – выражено формой, передающейся чаще всего аффиксами (префикс *ни-*). В данном слове прослеживается связь языка и мировосприятия, что подтверждает ясная внутренняя форма слова. В этой связи нам кажутся уместными рассуждения У. Эко: «Субстанция плана выражения как раз и обеспечивает очевидность присутствия. Значимо то, что относится к «etic», но носителем значимости всегда служит «etic». Или, лучше сказать, пустое пространство между двумя сущностями, которых нет, обретает значение только в том случае, если все три значимости – «да», «нет» и пустое пространство между ними взаимообуславливают друг друга. А коль так, то лингвист (или, шире, семиолог) не обязан задаваться вопросом о том, что это за «присутствие» и что это за «отсутствие»: способны ли это мышления или всего лишь гипотезы о способах мышления. На уровне «etic» это МАТЕРИАЛЬНЫЕ факторы. Но философ, к примеру, Лейбниц, неизбежно задается вопросом, не связаны ли эти присутствие и отсутствие с присутствием Бога как полноты бытия и отсутствием Бога, то есть с Ничто» [Эко 2004: 19]. У. Эко неоднократно писал о том, что «всякое понимание бытия приходит через язык» [Эко 2004: 24], поскольку человечество познает мир посредством языка, проникает в таинства мира и постигает, как функционирует мир, с помощью языка.

В настоящее время *ничто* как метафизический объект привлекает внимание исследователей разных областей науки. Ученых интересует вопрос не только существования данной абстракции, но и ее потенциальная материализация. Языковая репрезентация *ничто* широко представлена в текстах художественной литературы. Референции *ничто* в дискурсе настолько разнообразны и противоречивы, что в одном случае *ничто* во-

площает “отсутствие”, а в другом – “присутствие”, хотя все три понятия относятся к абстрактным.

Резюмируя сказанное, считаем, что актуальность генетической связи оппозитивов *отсутствие* – *присутствие* для когнитивного изучения понятия «отсутствие» и его лингвальных репрезентаций в дискурсе очевидна. Также вполне логично утверждать то, что понятие «отсутствие» выдвигается на первый план и приобретает приоритетные позиции в исследовании указанных абстракций, поскольку это подтверждают существующие языковые ментальные репрезентации.

3.2. Понятие «отсутствие» в довербальной и невербальной коммуникации

Образная природа слова, языка, речи является объектом анализа многих современных лингвистических научных дисциплин, среди которых особое место занимают науки, изучающие данные явления в междисциплинарном аспекте. Общим предметом изучения являются вербальные и невербальные языковые средства, например, для таких отраслей языкознания как лингвокультурология и стилистика, которые их рассматривают отдельно и вместе.

Коммуникативная потребность человека в определенной ситуации способствует соединению вербальных и невербальных знаков в одной речевой ситуации. Такие коммуникативные акты всегда спонтанны и экспрессивны. Человек использует жесты, которые ему известны и понятны собеседнику, их воспроизведение всегда осуществляется механически, человек не придумывает жесты в каждой отдельной речевой ситуации. Как указывает А. Ченки, «категория эмблем, впервые описанная в работе Эфрона [Efron1941], состоит из жестов, имеющих стандартные формы и стандартные значения, например: показать большой палец вверх, чтобы выразить, что все в порядке. Статус таких жестов как коммуникативных символов установлен в культурной традиции. К тому же мы используем такие жесты сознательно. Согласно теории когнитивной грамматики, эмблемы можно считать символами в том смысле, что у них есть стабильное отношение между структурой выражения (жест-эмблема) и его семантической структурой (его значение)» [Ченки 2015: 568]. Это достаточно об-

шее определение, на наш взгляд, четко описывает языковую реальность, поскольку за каждым жестом закрепляется определенная семантика, даже если с помощью жестов передается абстрактное понятие.

Человек может выражать абстрактное понятие «отсутствие» различными способами: вербальными и невербальными. Большинство лингвистов, психологов, антропологов и ученых других специальностей склонны считать более ранним проявлением репрезентации данного понятия паралингвистические способы, чем словесные.

Язык жестов представляет собой своеобразный набор знаков, в котором участвуют руки человека, а также немаловажную роль в подобном общении играет мимика и определенное движение тела, губ и рта. Термин *кинесика* этимологически восходит к греческому *kinesis*, что значит “движение” и определяется как все движения тела, кроме работы органов речевого аппарата, которые используются в процессе человеческого общения. Исследуется кинесика паралингвистикой.

Термин *жесты* понимается как движения рук или кистей рук, но зачастую используется для обозначения всех движений тела, в том числе мимики, пантомимики (партнер достает определенный предмет, открывает дверь, закуривает и т.п.). В таком случае для обозначения собственно движений рук употребляется термин *жестикуляция* [Дресвянников 2008]. Жестикуляция играет различную роль у разных народов, что соответствует их особой ментальности, то есть психическому складу. Необходимо уточнить, что на уровне невербальной коммуникации взаимовлияние языков проявляется не четко, и имеет место преимущественно внутрикультурный трансфер передачи концептуальной информации. Это связано и с территориальной локализацией этносов, и с сохранением традиций в использовании жестикуляции.

В последнее время активизировались исследования в различных отраслях лингвистической науки, изучающие триаду *человек – язык – культура* [Бурлак 2011; Вежицкая 2001; Corballis 2003]. Ментальное представление понятия «отсутствие» отражает видение и понимание объективного мира конкретным этносом, имеющим особенности в вербальной и невербальной репрезентации данного абстрактного понятия.

В то же время лингвисты, пытаясь объяснить архитектуру языка как в когнитивной перспективе, так и ретроспективе, прибегают к исследованиям биологов, физиологов и психологов, изучающих языковую коммуникацию. При этом используют методику наблюдения усвоения языковой системы детьми, начиная с самого рождения. Ученые пришли к выводу о том, что дети в коммуникации, как и первобытные люди или приматы, активно используют жесты для определения предметов, а затем и понятий: дети, еще не пользующиеся языком, указывают на отсутствующий референт.

М. Томаселло, анализируя поведение детей в процессе общения со взрослыми, отмечает то, что ребенок не только имеет какое-то представление об окружающем мире, но и осознанно воспринимает этот окружающий мир: «Когнитивный аспект этих контекстов совместного внимания охватывает именно те концептуальные представления, которые позднее будут структурировать сложные высказывания более старших детей» [Томаселло 2015: 758]. Разработав узуальную теорию усвоения языка, М. Томаселло констатирует тот факт, что «самые ранние случаи использования языка детьми часто сопровождаются указательными или другими жестами, и жесты разграничивают коммуникативные намерения таким образом, что это доказывает равенство жеста и языка с точки зрения общения» [Томаселло 2015: 759]. Все больше ученых (лингвистов, антропологов, этнографов) склонны связывать происхождение человеческого языка с появлением жестов, способных выражать и передавать сложные понятия, к которым относится и «отсутствие». Многие исследователи происхождения языка подчеркивают особую роль жестов и пантомимы в становлении человеческого сознания и звуковой речи.

Основателем теории происхождения человеческого языка из жестов считается немецкий философ и психолог второй половины XIX века В. Вундт, который считал, что первоначальное слово – это бессознательный продукт внутреннего мира человека, психических движений этого мира. На первом этапе развития языка звуковым эмоциональным реакциям человека сопутствовали мимические и пантомимические движения, которые отражали внутреннее состояние человека. Вундт считал,

что изначально существовало как бы два языка: язык звуков (физические движения подвижных артикуляторных органов) и язык жестов (движение рук, головы, тела, мышц лица). Звуками выражались чувства, эмоциональное состояние, а жестами – представления о предметах, передавались желания и воля человека. С помощью мимики и движений рук человек мог на что-то указать, попросить, разрешить или запретить. Постепенно звуковой язык совершенствуется, а язык жестов начинает играть вспомогательную роль, как менее удобный [Вундт 2007].

Этой же теории происхождения языка придерживался и немецкий филолог Л. Гейгер, который полагал, что в основе формирования человеческого языка лежат зрительные восприятия, наиболее сильными из которых являются восприятия человеческого движения. Произнесение человеком какого-либо звука обязательно связано с мимикой лица, легко наблюдаемой собеседником. Жесты лица изображали звуки, и каждый звук имел свой жест. В процессе развития языка, по мнению Гейгера, звук освобождается от мимики и уже самостоятельно обозначает впечатления от окружающего мира [Гейгер 1899].

Л. Гейгер в труде «Происхождение и эволюция человеческого языка и разума» указывает на то, что язык человека в своих зачатках сводился к чрезвычайно ограниченному кругу человеческих движений. Такой путь развития языка не покажется удивительным, если мы поймём, что первой задачей языка было соглашение людей в общих действиях и движениях [Geiger 1977]. Действительно, в каждом современном языке есть слова, передающие эмоции и команды людей. С развитием языковой системы команды из языка жестов превратились в императивы.

Одним из главных отличий человеческого языка от языка обезьян и других животных является наличие синтаксиса в коммуникативной системе. Существует ряд гипотез, согласно которым решающую роль в становлении синтаксиса могли играть жестовые, а не звуковые знаки [Бурлак 2011]. По мнению многих биологов, психологов и нейропсихологов, движения рук подчинены волевому контролю, что подкрепляет идею первичности жестового языка. Современные исследования моторных зон коры человеческого мозга с помощью медицинского оборудования (МРТ, МЭГ

и других) подтверждают нейрокогнитивное основание языка жестов. Например, при изучении процессов автоматической активации и торможения моторных областей коры головного мозга при восприятии речевой информации было установлено, что «слова, отражающие действия различными частями тела (такие как ‘пинать’, ‘хватать’, ‘жевать’), по-разному активизируют моторную зону коры головного мозга» [Строгонова 2015: 428].

Психолог М. Корбаллис ссылается на тот факт, что жестикуляция появилась тогда, когда предки человека стали ходить на двух ногах и их руки освободились [Corballis 2003]. Выпрямившиеся люди стали смотреть в лицо друг другу, и мимика и жесты стали играть большую роль в общении.

Базовым психофизиологическим процессом для формирования понятия «отсутствие» изначально является восприятие. Выражение понятия «отсутствие» чаще всего сопровождается характерными жестами: разведением рук в стороны, при котором кисти рук находятся ладонями вверх или поворотом головы (туловища) вправо или влево с целью поиска чего-либо / кого-либо. Совершенно очевидно, что психофизиологической основой понятия «отсутствие» является эмоциональная сфера. Вербальная реакция на осознание человеком отсутствия у него чего-либо (исчезновения, потери, утраты) зачастую сопровождается и усиливается жестикуляцией, отражающей произвольное проявление эмоций. Невербальная рефлексия проявляется под влиянием апперцепции как вторичного восприятия: изначально что-то было (или кто-то был), потом чего-то (или кого-то) не стало.

Жесты помогают лучшему пониманию речи: если слушающий не видит жестикуляции говорящего, то для понимания сообщения необходима более активная работа мозга. Способствовать пониманию собеседника или оратора жесты помогут только в том случае, если адресат и адресант речевой ситуации говорят на одном языке или знают особенности паралингвистических способов передачи информации, присущих определенному языковому коллективу. Еще в начале XX века представитель американского структурализма Э. Сепир указывал на то, что в каждом

языковом коллективе «в ходе сложного исторического развития в качестве типичного, в качестве нормального устанавливается какой-то один образ мышления, особый тип реакции» (цит. по: [Вежбицкая 2001: 273]). Общеизвестен тот факт, что даже у близкородственных народов, говорящих на языках одной группы языковой семьи, жесты не просто могут отличаться, но и могут выражать противоположные понятия. Например, кивок головою сверху вниз в системе жестов русской или украинской говорящей среды обозначает “да”, а в системе жестов болгар – “нет”. В разных языковых культурах чаще наблюдается несовпадение в значении жестов: например, соединение указательного и большого пальцев в кольцо имеет несколько значений: в Европе и Америке – “О’кей”, в Японии – “деньги”, в Европе – “ноль”, в Тунисе – “никчемность”.

В настоящее время сохраняет свое значение и гипотеза Б. Уорфа, согласно которой человек в своем видении мира зависит от культурных кодов, управляющих общением [Эко 2004: 474]. Поэтому жесты могут являться психологическим ключом для понимания в общении людей, изучения их этнокультурной специфики.

Наиболее общие для всех этносов жесты используются детьми в доязыковой коммуникации. Яркое проявление жестового языка можно наблюдать у детей раннего возраста, когда они еще плохо говорят или вообще произносят только отдельные звуки. Активный поиск отсутствующих предметов или близких людей очевиден для окружающих: ребенок разводит руки в стороны, вертит головой.

Детские психологи считают, что если ребенок не реагирует на слово *нет* или жест, обозначающий понятие «отсутствие» в два года, т. е. не ищет глазами отсутствующий предмет или человека, и у малыша нет соответствующих жестов, то это является первым признаком проявления аутизма. Поэтому рекомендуют в качестве развития мышления, интеллектуальных способностей у детей игры, в которых ребенок активно использует различную жестикуляцию, репрезентирующую понятие «отсутствие». Например, в процессе развивающей игры малыш закрывает лицо руками и тем самым показывает взрослым, что его нет. Жест, когда ребенок держит руки над головой, показывая домик, свидетельствует о

том, что он находится в другом пространстве, а там, где взрослые – его тоже нет. Скрещенные руки крест-накрест могут быть также жестом в значении “нет”, выражающим понятие «отсутствие». На основе использования невербальных знаков, как следствие в развитии ребенка, происходит усвоение им правил вербальной коммуникации. По замечанию А.Г. Козинцева, «последующее вытеснение жестов словами – результат общения со взрослыми» [Козинцев 2004: 43]. Это еще раз подтверждает то, что мозговые центры (участки коры головного мозга) контроля речи и движений ведущей руки соединены.

В общении жесты выполняют разнообразные функции. В основу типологии жестов, разработанной психологом Е.А. Петровой, положены разнообразные функции общения, которые они реализуют: аффективно-коммуникативная, регулятивно-коммуникативная и информативно-коммуникативная. Первую функцию выполняют жесты, выражающие чувства, волю, желание, другие состояния (эмотивная функция); жесты, выражающие течение перцептивных, мимических, интеллектуальных процессов (функция выражения процессов); жесты, сигнализирующие об отношениях, установках, оценках, самооценках (модальная функция). Вторую – фатические жесты (жесты вступления в контакт); конативные жесты (жесты, способствующие поддержанию и усилению контакта); эндные жесты (жесты завершения контакта). Третья функция является презентацией информации об объекте, о себе, о другом. На наш взгляд, жесты, выражающие понятие «отсутствие», универсальны по своим функциям и могли бы быть отнесены к каждому типу, в зависимости от речевой ситуации, в которой они используются.

В классификации Н.И. Смирновой учтено соотношение вербальной и невербальной информации в процессе коммуникации и представлены три класса жестов: коммуникативные, описательно-изобразительные жесты, модальные жесты. Коммуникативные жесты обычно замещают в речи элементы языка. К ним относятся жесты приветствия и прощания, угрозы, привлечения внимания, подзывающие, приглашающие, дразнящие, жесты утвердительные, отрицательные, вопросительные, выражающие благодарность, примирение и другие. Описательно-

изобразительные жесты сопровождают речь, но при этом теряют свой смысл вне речевого контекста (жесты, обозначающие размер, форму предмета, пространственное расположение объекта и иные). Модальные жесты выражают оценку предметов, явлений, людей (жесты одобрения, неудовольствия, недоверия, неуверенности, растерянности, отвращения, радости, восторга, удивления). Как нам представляется, жесты-репрезентанты понятия «отсутствие» можно отнести и к этим выделенным классам. Проиллюстрировать это можно следующим образом. Первый тип коммуникативный: на вопрос студента, заглянувшего на кафедру, пришел ли преподаватель, лаборант может покачать головой из стороны в сторону, развести кисти рук в противоположные стороны или даже соединить руки крест-накрест. Второй тип описательно-изобразительный: поворот туловища или головы в разные стороны может означать отсутствие объекта в определенном пространстве. И, наконец, третий тип модальный: эмоционально несдержанный русский человек может покрутить пальцем у виска и даже скрутить кукиш, что также будет выражать понятие «отсутствие».

Язык жестов человека настолько богат, что достаточно трудно охватить и описать полностью спектр их реализации и применения. Для слов, обозначающих объекты окружающей действительности, у человека есть указательный жест, а если этих объектов нет в наличии, то есть противоположный жест. Для глаголов, для прилагательных, для служебных частей речи подобных жестовых обозначений гораздо меньше. Мы считаем, что именно объекты являются для нас самыми важными составляющими окружающей действительности. Соответственно, именно их имена и ощущаются как основная часть нашей коммуникативной системы.

В книге В.А. Дресвянникова «Жесты: попытка обобщения и классификации» представлено наиболее полное описание жестов. Однако, несмотря на то, что жесты, выражающие понятие «отсутствие», активно используются человеком с раннего возраста, они не представлены в классификациях.

Исследуемое понятие является чрезвычайно сложным и определяется генетически обусловленной когнитивной структурой, которую не-

обходимо изучать так же, как изучают концепты. Понятие «отсутствие» занимает основополагающее место в концептосфере не только аналогичного концепта (ОТСУТСТВИЕ), но и входит как составной компонент в другие концепты (например, ОТРИЦАНИЕ, ПУСТОТА, МОЛЧАНИЕ). Ю.Е. Прохоров предполагает, что «на самой глубине» любого концепта находится набор архетипических, наиболее общих и фундаментальных, изначальных понятий, логических связей, образных представлений и выработанных на их основе принципов, правил человеческого существования» [Прохоров 2004: 86]. Опираясь на свой жизненный опыт, человек воспринимает и применяет на практике только те жесты, которые приняты в данном социуме.

Несмотря на то, что паралингвистические средства характеризуются универсальностью, многие из них отражают этнокультурные особенности носителей языка. Жесты, передающие абстрактное понятие «отсутствие», отличаются в разной языковой среде и культуре разных этносов. По замечанию Л. Бородицки, «... абстрактные репрезентации строятся посредством уподобления тем сферам нашего опыта, которые в большей степени опираются на реальное взаимодействие со средой (например, Clark 1973 ; Lakoff, Johnson 1980)]. Иными словами, чтобы построить ментальную репрезентацию чего-то абстрактного и неосязаемого, мы используем репрезентации, выстроенные нами для более осязаемых и конкретных сфер действительности» [Бородицки 2015: 200].

В русской культуре общения уместно использовать также жест репрезентации понятия «отсутствие» соединением указательного и большого пальцев руки, что у русскоязычного человека ассоциируется с нулем и может выражать нулевое проявление признака. В англоязычной среде, как уже указывалось выше, напротив, этот жест обозначает “отлично” – наивысшую степень проявления чего-либо. В невербальном общении любой жест имеет значение не только для того, кто его показывает, но и для его собеседника. В связи с этим особый интерес сегодня вызывает не только исследование языка жестов глухонемых, театральная жестикуляция, но и жесты политиков и других публичных людей, речь которых всегда подкрепляется продуманной жестикуляцией. В повседневной же жизни люди

применяют жесты автоматически, даже не задумываясь над тем, что они репрезентируют то или иное понятие.

Невербальные средства, включенные в процесс речи влияют на ее результат, поскольку словесная и несловесная речь чаще всего взаимно усиливают друг друга в коммуникативной ситуации, различаясь лишь средствами.

Несловесная коммуникация является одним из способов проявления общей культуры человека. Важную роль в человеческом общении определяют такие свойства невербальных средств:

- люди воспринимают невербальные средства как знаки, имеющие какой-то определенный смысл;
- невербальные средства дают более объемную информацию, поскольку комплексно задействуют несколько каналов: визуальный, акустический и тактильный;
- паралингвистические средства в меньшей степени поддаются контролю, поэтому влияют на истинность и правдивость передаваемой информации;
- несловесное общение при контактной коммуникации непрерывно, так как сохраняется и тогда, когда участники коммуникативного акта молчат;
- невербальные средства точнее и разнообразнее выражают эмоции, отношения и оценки.

В устном общении вербальная и невербальная речь сочетается друг с другом, чаще несловесные знаки являются дополнительными к вербальным.

Синтез вербальной и невербальной речи предполагает, что невербальная речь по отношению к вербальной выполняет три основные функции: во-первых, вносит в нее дополнительную информацию; во-вторых, комбинируется с вербальными средствами, передавая тот же смысл (например, интонация); в-третьих, помогает сохранять контакт между партнерами и регулировать поток речи.

Активность привлечения жестикуляции отражает психический тип личности человека, умение владеть своими эмоциями и общую культуру

человека. Это также связано с экономией языковых средств, поскольку иногда жест может заменить длинную фразу и более эмоционально выразить абстрактное понятие, например – «отсутствие».

Проследим использование жестов для выражения понятия «отсутствие» в современной коммуникации, поскольку истоки понятия «отсутствие» в когнитивном и лингвокультурном аспектах, как нам представляется, заложены именно такими невербальными средствами, как жесты.

Проведенный анализ научной литературы по изучению невербальных средств общения, а также анкетирование студенческой аудитории и собственные наблюдения позволили выделить 11 жестов, которые, на наш взгляд, являются репрезентантами понятия «отсутствие» в русской языковой среде. Это такие жесты, как жест разведения рук в стороны, при котором кисти рук находятся ладонями вверх (№1); жест поворота головы или туловища вправо или влево с целью поиска чего-либо / кого-либо (№2); жест, когда ребенок закрывает лицо руками и тем самым показывает взрослым, что его нет (№3); жест, когда ребенок держит руки над головой, показывая домик (№4); жест соединения рук крест-накрест в запястьях с раскрытыми ладонями (№5); жест, когда человек крутит пальцем у виска (№6); жест, когда человек показывает кукиш (№7); жест демонстративного выворачивания пустых карманов (№8); жест постукивания кулаком по лбу или голове (№9); жест отстраненного движения рукой (чаще правой) с открытой ладонью, когда кисть практически перпендикулярна предплечью (№10); жест прикладывания указательного пальца перпендикулярно губам, как просьба не шуметь, соблюдать тишину (№11).

Выделенные жесты являются наиболее употребляемыми в русскоязычной коммуникативной среде. Одни из них репрезентируют семантику “отсутствие” в обобщенном виде, то есть нет чего угодно вообще, другие, напротив, реализуют значение “отсутствие” чего-то конкретного (постукивание по голове – “нет ума”, кукиш – “ничего не дам”, вывернутые карманы – “ничего не украл”). Среди описанных жестов дети практически не используют жесты, указанные под №5 и №10, а взрослые – №3 и №4. Все остальные жесты применяет в процессе общения как первая, так и вторая группы носителей языка, не зависимо

от возраста. Чаще всего эти жесты коррелируют с предикатом *нет*: *меня нет*, *(у) кого-то нет*, *(у) чего-то нет*. Некоторые жесты (№ 6, №7, №8 и №9) не всегда уместны и свидетельствуют о недостаточно высокой общей культуре личности. Выделенные нами жесты для наглядной передачи понятия «отсутствие» мы собрали в виде фотоизображений в Приложении 1 (см. Приложение 1).

Ценным материалом для исследования, на наш взгляд, являются дискурсивные контексты, в которых описаны жесты с целью усиления зрительного восприятия персонажа. В этом плане примеры из классических художественных произведений, в которых мастерство писателя не вызывает сомнений, являются хорошими иллюстративными фактами. Например, Н.В. Гоголь, создавая художественные образы, сумел гармонично соединить богатство национального языка с его разговорной стихией, поэтому достаточно часто в портретных описательных контекстах встречается объединение невербальных знаков с вербальной характеристикой героев произведений.

Приведем несколько наиболее ярких примеров. Н.В. Гоголь со свойственным для него мастерством и легкостью подвергает трансформации пословицу о невежестве: *Смотрит в книгу – видит фигу*. Включенные автором уточнения, что является характерным для стиля писателя, расширяет значение жеста: *И был он похож на того рассеянного ученика, который глядит в книгу, но в тоже время **видит и фигу, подставленную ему товарищем*** [Гоголь 1959: 280]. В портретных описаниях поэмы «Мертвые души» не типичным оказывается описанный выше жест поворачивание головы или туловища из стороны в сторону, он заменяется писателем на описание других движений (*оглянувшись вокруг себя, беспрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверх голов*). Деталь в портрете прокурора, которой отводится особая роль в характеристике персонажа, оказывается необходимой при описании жеста со значением “отсутствие”: ... *бедный прокурор **поворачивал на все стороны свои густые брови*** ... [Гоголь 1959: 191]. Художественное изображение жеста в некоторых контекстах являются средством создания комического: *Чичиков вынул из кармана бумажку, положил ее перед*

Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать [Гоголь 1959: 164]. Введение Н.В. Гоголем в портретные контексты описания жестов способствует реалистическому изображению персонажей и в то же время создают комизм описываемых ситуаций в поэме «Мертвые души». Моделирование невербального поведения человека всегда связано с вербальной коммуникацией, только в одних случаях актуализируется слово, а в других – жест.

Хотелось бы отметить, что понятие «отсутствие» принадлежит к тем понятиям, без которых невозможна коммуникация и познание окружающего мира человеком. Но для каждого индивидуума есть нечто важное, что должно быть в его сознании и соответственно в реальном мире. Понимание того, что этого существенного для человека нет, всегда влечет проявление эмоции, которая выражается вербально или невербально, то есть с помощью жеста, передающего понятие «отсутствие». В каждой языковой среде это будет особый набор жестов, воплощающих данное понятие.

Таким образом, идея взаимосвязи языка и культуры прослеживается уже на ранних этапах формирования определенного этноса, что находит отражение в жестовой речи. Ментальные особенности понятия «отсутствие» могут быть представлены паравербальными способами. Жестовый язык способствует общению и передает в концентрированном виде национально-культурные элементы реалий данного этноса. При этом понятие «отсутствие» выполняет первостепенную функцию в повседневной коммуникации и освоении мира человеком.

3.3. Особенности репрезентации понятия «отсутствие» в паремиях

Фольклорная репрезентация понятия «отсутствие» не менее яркая, чем паравербальное представление данного понятия конкретным этносом. Доминирующий в науке антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений наметил новые пути изучения таких фразеологических единиц, как паремии. Это связано, прежде всего с тем, что, «в рам-

ках антропоцентрической парадигмы научного знания в настоящее время укрепляет свои позиции относительно новое направление – лингвокультурология, которая базируется на понимании фразеологических (в том числе и паремических) единиц как знаков “языка” культуры, как “самостоятельных духовных ценностей» [Буянова 2013: 139]. Это утверждение соотносится и с представлением понятия «отсутствие», которое так же является значимым в культуре славян, и потому находит свое воплощение в устном народном творчестве как реализации национального волощения анализируемого понятия.

Уточним, что данное понятие является значимым и для других этносов, поскольку относится к кванторным понятиям и является важным для человеческого мышления вообще. В изолирующих языках, например, в китайском, в вопросах крайние значения квантора существования выносятся в конец фразы, при этом делается утвердительный акцент на значении “нет”.

Для лингвокультурологии актуальными на сегодняшний день являются исследования языковых единиц, в которых вербализируется определенная понятийная сфера как показатель ценностных ориентиров этнокультурной общности. Поэтому рассмотрение паремий, репрезентирующих лингвокультурные особенности понятия «отсутствие», представляет интерес в ментальном формате, отражающем прототипы конкретного этноса.

Лингвокультурный подход предполагает конкретизацию изучения абстрактных понятий культуры с точки зрения их ценностного компонента, имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют особую значимость для носителей культуры. Ценности, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. Единицы, из которых складывается та или иная языковая картина мира, являются реализацией концептов (*concept* – “понятие”). Концепты как идеальные образования кодируются в чувственно-образных представлениях, система которых образует так называемую концептуальную картину мира.

Немаловажную роль в создании языковой картины мира играют

паремиологические единицы, потому что их семантика тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка. Пословицы относятся к тем культурным символам, которые хранятся в коллективной памяти и передаются последующим поколениям, реализуется так называемый внутрикультурный трансфер. В течение веков сложился национальный паремиологический фонд, включающий такие народные изречения, как пословицы. Во многих из них вербализовано понятие «отсутствие», которое в сознании людей ассоциативно связывалось с отсутствием конкретного предмета или явления и фиксировалось произвольно в конкретной форме. Прежде, чем проанализировать эти устойчивые единицы, обратимся к некоторым теоретическим вопросам исследования фразеологии в языкознании.

История изучения пословиц связана со многими проблемами, существующими в современной русской фразеологии, которые объясняются, с одной стороны, сложностью самого предмета исследования, его многогранностью и разноаспектностью, с другой – употреблением различных основных терминов в этой области и классификаций данных устойчивых языковых единиц.

Отечественный языковед Л.А. Булаховский, понимающий фразеологию более широко, чем В.В. Виноградов, одним из первых включил в ее состав пословицы. Основным критерием в определении фразеологии для Л.А. Булаховского был критерий непереводаемости «своеобразных выражений определенных языков на другие языки» [Булаховский 1953: 33-34]. Это утверждение считаем важным для нашего исследования, поскольку именно непереводаемые единицы устойчивых выражений часто представлены лакунами, которые и репрезентируют понятие «отсутствие».

Современный исследователь Т.А. Ошева, развивая учение Л.А. Булаховского, предлагает определение пословицы, на которое мы также будем опираться в своей работе: «Пословица – это устойчиво воспроизводимый в речи афоризм фольклорного происхождения, имеющий как образную, так и “безобразную” структуру значения, характеризующуюся эквивалентностью суждения, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста» [Ошева 2013: 76]. Мы считаем, что

не только имплицитное выражение подтекста, но и форма воплощения смысла, комплексно передают значение понятия «отсутствие», которое чаще всего представлено суждением.

Общеизвестно, что термин *суждение* изначально в научный обиход был введен логиками. Традиционно логика изучала преимущественно атрибутивные суждения, в которых различаются три компонента – субъект, предикат и связка. Другие виды суждения (например, отрицательные, условные, проблематические) не укладываются в субъектно-предикатную схему. Языковеды, в отличие от представителей математической логики, соотнесли суждение с синтаксической языковой единицей. Поскольку пословицы представлены суждением как логико-грамматической единицей, то понятие «отсутствие» может передаваться субъектом, предикатом или субъектом и предикатом одновременно. Третий вариант, как исключение, представлен паремией *На нет и суда нет*. Наверное, это единственный зафиксированный нами пример, в котором наблюдается отсутствие и субъекта, и предиката.

Интересными нам представляются замечания лингвиста В.Б. Касевича, касающиеся паремии *Нет дыма без огня*, которая является очень древней и встречается у многих народов, напоминая так называемые «сквозные мифы» (по В.Н. Топорову) [Топоров 2010]. Исследователь В.Б. Касевич в статье «Заметки о “когниции”» пишет: «Не всякое наличие значения ведет к конституированию знака. Знаковость по своей сути *интенциональна*. В провербиальном примере наподобие сентенции *Нет дыма без огня* нет субъекта интенции – нет того, кто намеренно «сигнализирует» о чем-то кому-то: дым не «подает знака» тому, кто его (дым) наблюдает, о наличии огня. Наблюдатель на основании имеющегося у него опыта (базы знаний) и умения устанавливать причинно-следственные отношения трактует определенным образом материалы наблюдения» [Касевич 2015:178]. Это рассуждение приводит к мысли о том, что причинно-следственные отношения являются основой противопоставления понятий «отсутствие» и «наличие» и позволяют рассматривать отсутствие как знаковый феномен. Пословицы также представляют собой знаки, но другого плана.

Русские пословицы наполнены ярким метафорическим содержанием, которое формируется на основе культурно-национального восприятия и обобщения материальной, социальной и духовной жизни русского народа. Образные народные изречения, известные широкому кругу людей, позволяют неоднократно обращаться к ним каждой языковой личности. В устойчивой синтаксической конструкции *Без пословицы речь не молвится* подчеркивается значимость пословицы в передаче информации, опыта, знаний человека человеку. В данной паремии лексемы выстраиваются в синонимический ряд с доминантной лексемой *слово* (*пословица, речь, молва*). В пословицах с помощью точных формулировок понятий передается мудрость народа, осуществляется лингвокультурный трансфер, основанный на жизненных наблюдениях и коллективном опыте. В паремиологических выражениях кратко, просто и лаконично сконцентрирована и зафиксирована мысль человека как представителя определенного социума.

Пословицы являются источником этнокультурной информации, которую можно получить путем лексико-семантического исследования их компонентов. В них содержится денотат, имеющий положительную или негативную коннотацию в русской языковой ментальности, а эмотивные дополнительные значения имеют этнокультурную мотивацию. Мы поддерживаем точку зрения Л.Ю. Буяновой о том, что в «ФЕ закрепляются и реализуются результаты лингвокреативного мышления человека, продукты его отражательной мыслительной деятельности. Это позволяет рассматривать ФЕ как ментальные образы, как когнитивные знаки, содержащие несколько блоков информации, охватывающих денотацию, коннотацию и мотивацию» [Буянова 2013: 134]. Семиотический опыт, способность к языковой экспрессии, содержат паремии русского языка, в которых, как нам видится, представлено значение понятия «отсутствие».

Для русского и других славянских народов понятие «отсутствие» ассоциируется чаще с чем-то негативным и, соответственно, отрицательно оценивается. Это связано с тем, что носитель русского языка изначально создал своеобразный оценочный кодекс, в котором наличие чего-либо отождествлялось с пониманием слов *хорошо, хорошее, доброе*, а в поня-

тии «отсутствие» была заложена изначально семантика слов *плохо, плохое, худое*. Исходя из понимания наличие vs отсутствие чего-либо в славянской языковой культуре нами выделены и соответствующие значения мотивации в поговорках.

1. Одобрение “хорошего”. Например, *Ученье свет, а неученье – тьма, Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей*. Такие поговорки построены на антитезе. Наличие, «имение» чего-либо одобряется в народной мудрости, а отсутствие является нежелательным, причем в поговорках материальные ценности и их наличие чаще отодвинуты на второй план.

2. Надежда на “хорошее” в будущем. Характерной чертой характера всех славян считается оптимизм, сила духа. Носители славянской культуры, в частности, русскоязычные представители этноса, даже в “плохом” пытались увидеть, найти что-то “хорошее” в своем понимании. Например, *От добра добра не ищут, Нет худа без добра*. Вторая поговорка иногда используется в расширенном варианте: *Нет худа без добра, а добра без худа*. Понятие «отсутствие», репрезентованное в приведенных поговорках с помощью языковых маркеров *нет, без и не*, хотя и передает негацию, но в то же время указанные устойчивые выражения содержат позитивные элементы, выраженные лексемой *добро*.

3. Неодобрение “плохого”. Порицание, а иногда и осмеяние с целью извлечения уроков для того, чтобы сделать вывод и не повторять ошибок, чтобы не утратить “хорошее” в будущем. Например, поговорка *Под лежащий камень вода не течет* звучит как побуждение к действию. Для славян понятия *Родина, хлеб, мать* всегда сливались в единое целое и были священными, поэтому некоторые поговорки представляют собой заповеди, передающиеся от поколения к поколению: *С родной земли – умри, не сходи*. Такие поговорки являются достоянием национальной культуры. Понятие «отсутствие», представленное третьим типом, эксплицируется отрицательной частицей *не*.

4. Образное пояснение того, что является “хорошим” и “плохим”. Например, *Лучше синица в руке, чем журавль в небе, Не плюй в колодезь, пригодится воды напиться*. К мудрому совету старших, имеющих жизненный опыт, было принято прислушиваться. Использование исконно

русской лексики (*небо, колодец, вода*) отражает не только национальное своеобразие приведенных паремий, но и отражает повседневную жизнь древних славян (например, наблюдение за птицами, обустройство быта). В приведенных паремиологических единицах наблюдается оппозиция наличие vs отсутствие, показанная с помощью реалий окружающего мира. Наличие связано с семантикой “хорошее”, а понятие «отсутствие» коррелирует со значением “плохое”.

В исследуемых языковых единицах отражено образное мышление, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой носителей русского языка. В пословицах не всегда конкретно может быть определено, что именно отсутствует. Чаще это неопределенный человек (кто-либо) или необозначенный предмет (что-либо): *На безрыбье и рак – рыба, На нет и суда нет, Как в воду канул*. Объект отсутствия может быть выражен отрицательным местоимением: *Ничем не рисковать – значит, ничего не иметь*. Практически не встречаются паремии с конкретным обозначением объекта, все они отличаются образностью, наличием меткой метафоры или точной метонимии. Например, обнаруживаются в пословицах указания на отсутствие предмета или человека в определенном месте – *Хорошо там, где нас нет*, отсутствие незаменимости человека – *Свято место пусто не бывает*, отсутствие действия и / или результата – *Звону много, толку мало*. Хотя существуют такие паремии, в которых отрицание свидетельствует, напротив, о наличии чего-либо. Например, в уже приводимой паремии *Нет дыма без огня* подтверждается наличие причинно-следственных связей. Исследователь А.В. Кравченко в статье «О предметной области языкознания» также обращается к данной паремии, говоря о языке как естественной вербальной системе, в которой все элементы не просто связаны, а взаимодействуют и не существуют изолированно: «... за верой в то, что вербальные структуры – это знаки или свидетельство существования языка, кроется мысль о том, что вербальные структуры и язык суть две вещи, которые мы всегда находим вместе, подобно огню и дыму (ср.: *Нет дыма без огня*), при этом вербальные структуры это не язык, так же как дым это не огонь» [Кравченко 2015:165]. Еще раз подчеркнем, что пословица *Нет дыма без огня* используется пред-

ставителями разных этносов, переводима на все языки и используется в качестве примера в междисциплинарном дискурсе, поскольку связана с описанием быта всех древних людей.

Как отмечает Л.Ю. Буянова, «пословицы и поговорки не только отражают народную мудрость, но и в афористической форме содержат знания о внешнем и внутреннем мире человека. Русские паремии отличаются высокой метафоричностью, образностью, чему способствует их двуплановость, наличие буквального и переносного смысла» [Буянова 2013: 154]. Поэтому в паремиях, на наш взгляд, содержание, семантика понятия «отсутствие» не всегда явно прослеживается, языковое выражение данного понятия формируется единицами лексико-семантического, морфемно-морфологического и синтаксического уровней языковой системы.

Национальная специфика понятия «отсутствие» в анализируемых устойчивых оборотах чаще реализуется на лексико-семантическом уровне посредством лексем (например, *худые*, *канул*), а на уровне грамматики – двойным отрицанием или безличной синтаксической конструкцией. Например, в паремии *Худые вести не лежат на месте* встречается лексема *худые*, которая имеет отрицательную коннотацию и этимологически восходит к древнерусскому слову *невзрачный*, т.е. “плохой”. В пословице *Без труда нет плода* «отсутствие» выражено предлогом *без*, выступающим в качестве синонима предиката *нет*, и непосредственно предикатом *нет* (*Нет труда – нет плода*). Особенностью экспликации понятия «отсутствие» в русском языке является двойное отрицание. Например, *Ничем не рисковать – значит, ничего не иметь*.

Для исследования методом сплошной выборки были выписаны примеры паремий из сборника «Золотая коллекция пословиц и поговорок» [Золотая коллекция пословиц 2010] и создано Приложение 2. В нем представлен убедительный наглядный материал, содержащий паремиологические выражения, которые репрезентируют понятие «отсутствие» в русском языке.

Наблюдения показали, что понятие «отсутствие» репрезентируется с помощью лексем, содержащих сему ‘отсутствие’ (*канул*, *мало*, *безрыбье*); отрицательных частиц *не* и *ни*, предиката *нет*, префиксов *не-*, *ни-*,

без-/ бес- и предлога *без*, а также односоставными синтаксическими конструкциями. Необходимо указать, что в одной паремии наблюдается использование нескольких языковых средств, передающих понятие «отсутствие». Синтаксические модели односоставных глагольных предложений (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные) усиливают понятие «отсутствие», поскольку такие модели характеризуются отсутствием второго главного члена предложения. Отсутствие обозначенного подлежащего создает неполноту предложения. Отсутствующий главный член предложения не восстанавливается, а в некоторых и не подразумевается – в этом отличие односоставных предложений от неполных. Частотность использования выделенных языковых способов выражения понятия «отсутствие» в результате анализа русских пословиц отражена в таблице 1 (см. табл. 1). Примеры паремий, которые обозначены порядковыми номерами в таблице, вошли в Приложение 2 (см. Прил. 2).

Таблица 1

**Частотность использования языковых способов выражения
понятия «отсутствие» в паремиях**

№ п/п	Языковой способ выражения понятия «отсутствие» в паремиях	Порядковые номера примеров Приложения 2	Количество (шт. /%)
1	Лексико-семантические способы	9, 16, 25, 26, 29, 32, 47	7/14%
2	Морфологические способы	2, 5, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 21, 24, 37, 38, 43, 45	15/30%
3	Синтаксические способы	34	1/2%
4	Синкретичные способы	1, 3, 4, 6, 7, 17, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 35, 36, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 48, 49, 50	27/54%

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что понятие «отсутствие» наиболее часто выражается синкретичными способами (54%), которые совмещают либо лексико-семантические и синтаксические спо-

собы, либо морфологические и синтаксические способы. Если морфологические и лексико-семантические встречаются отдельно, то пример с использованием синтаксических способов был обнаружен только один. Изолированно синтаксические способы практически не встречаются. Это позволяет говорить о том, что синтаксическая модель, благодаря лексическому наполнению и морфологическим типам, входящим в ее состав, усиливает и подчеркивает понятие «отсутствие» в паремиях. Хотя семантика таких предложений накладывает ограничения на структуру, грамматических признаков оказывается недостаточно для выделения односоставных предложений разных типов для экспликации понятия «отсутствие».

Интересным фактом является объяснение семантики понятия «отсутствие» и передача ее языковыми средствами иностранным студентам. Автор учебного пособия для иностранных студентов филологических специальностей Л.С. Крюкова в отдельный раздел вынесла тему «Выражение наличия, отсутствия», в котором выделяет семантическую категорию отсутствия и указывает на то, что данная категория противопоставлена категориям бытия, наличия, существования, и связана с категорией отрицания. К основным языковым средствам выражения отсутствия Л.С. Крюкова относит наиболее яркие и понятные для иностранцев единицы: слово *нет*, глаголы с частицей *не* и односоставные синтаксические конструкции [Крюкова 2004: 233-234]. Наши наблюдения также подтверждают то, указанные языковые средства являются основными речевыми ресурсами для передачи понятия «отсутствие» в паремиях. Указанные средства языковой репрезентации понятия «отсутствие» являются в русском языке исконными и древними, они не подверглись ощутимым изменениям и в современном состоянии интенсивно используются в коммуникации.

Анализ представленных в качестве иллюстративного материала устойчивых фольклорных выражений свидетельствует о том, что в паремиях отражается национальное представление русского народа о понятии «отсутствие». Поскольку семантика паремиологических единиц тесно связана с культурно-историческими традициями народа, который создает и использует определенный язык, то в паремиях данное понятие не только

вербализируется, но и демонстрирует связь между языком и мышлением человека.

В русских пословицах, репрезентирующих понятие «отсутствие», наблюдается отражение национального характера и менталитета народа, системы его духовно-нравственных ценностей. Изучение понятия «отсутствие» на материале паремий позволяет выявить наиболее значимые моральные ценности, сложившиеся в коллективном сознании носителей русского языка и закреплённые в их национальной ментальности, отражающие философию, психологию и этику всех славян, и русскоязычного народа, в частности. Это еще раз подчеркивает, что пословицы, существуя в едином этнокультурном пространстве и в пределах ментальной сферы русскоговорящего человека, аккумулируют национально-культурные стереотипы языкового сознания и передают их с помощью внутреннего лингвокультурного трансфера.

Выводы

Одним из ключей к постижению понятия «отсутствие», связанного с восприятием, осмыслением и опытом человека, познающего окружающий мир и самого себя, стало исследование оппозиционных абстрактных понятий «отсутствие» – «присутствие». Рассмотрение бинарной оппозиции проводилось в парадигме когнитивной лингвистики. На основе интерпретации семантики и этимологического экскурса были подвергнуты анализу оппозиты *отсутствие* – *присутствие*, в результате которого вскрыты глубинные связи данной пары антонимов, прослежено развитие и изменение грамматических форм, объяснено современное значение этих понятий в системе научного знания.

В результате когнитивного осмысления понятия «отсутствие» выяснено, что единый структурообразующий центр анализируемого абстрактного понятия заложен в структуре слова, которая синтезирует значения отдельных частей и создает данный феномен именно с таким смысловым наполнением: к семантике корня добавляется словообразовательное значение префикса и суффикса, который одновременно выступает и основным грамматическим формантом (суффикс *-стви́-* является

частеречным показателем субстантивов).

Концептуальное представление понятия «отсутствие» сформировалось задолго до появления словесного языка, что подтверждают современные исследования. Жестовый язык, который и сегодня активно используется в коммуникации был первым этапом в развитии и передаче понятия «отсутствие».

Активность привлечения жестикуляции отражает психический тип личности человека, умение владеть своими эмоциями и общую культуру человека. Хотя использование жестов связано с экономией языковых средств, поскольку иногда жест может заменить длинную фразу и более эмоционально выразить абстрактное понятие «отсутствие», применение некоторых указанных выше нами жестов (например, когда человек крутит пальцем у виска) символизирует избыточную эмоциональность и некультурное поведение отдельных индивидуумов. Невербальная репрезентация понятия «отсутствие» является неотъемлемой частью существования человека в социуме, в котором ему необходим язык как средство общения и познания.

Наряду с прямой номинацией в языке актуализована и метафоризация, с помощью которой вербализируется понятие «отсутствие». Ярким примером в этом плане служат паремии. Предметы и явления окружающей среды, языковые прототипы способствуют выявлению национальной специфики русского языка и ментальности его носителей. Зафиксированные в паремиях языковые средства репрезентации понятия «отсутствие» (отрицательное слово *нет*, предлог *без*, односоставные синтаксические конструкции) отражают и сохраняют аутентичность русского языка.

Использование вербальных и паравербальных средств языка в отдельности и в совмещении связано с ментальностью носителей русского языка. Многие жесты оказываются ассоциативно связанными с устойчивыми народными выражениями, в которых репрезентируется понятие «отсутствие». Такие конвергенции являются проявлением эмоционального всплеска в коммуникативной ситуации и ярко выраженного антропоцентризма.

ГЛАВА 4. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ДЕРИВАЦИОННАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ОТСУТСТВИЕ»

4.1 Внутренняя структура понятия «отсутствие» в языковой ментальной репрезентации

Интерес современных когнитивных исследований к изучению универсальных и специальных способов языкового выражения абстрактных понятий, отражающих национальную ментальность носителей конкретного языка, в данном случае, русского, предполагает анализ вербальной экспликации абстрактного понятия «отсутствие», установление связей между прототипом и семантическим ядром лексемы, репрезентующей данное понятие, а также рассмотрение случаев-исключений из общей плоскости наблюдений.

4.1.1 Корреляция понятия «отсутствие» с понятиями «пустота» и «отрицание»

В практике описания языковых явлений и языковых категорий, в процессах их познания и осмысления учитываются философский, исторический и культурологический аспекты. Это связано с тем, что абстрактные понятия созданы силой человеческого разума и возникли в результате необходимости запечатлеть отвлеченный феномен, который существовал вне того, как был обозначен.

В контексте современной когнитивной лингвистики исследования абстрактных понятий приобретают особую актуальность. Несмотря на то, что имеется целый ряд работ, в фокусе внимания которых находятся феномены пустоты и отрицания, тема себя не исчерпала, поскольку полного анализа этих понятий во взаимосвязи с понятием «отсутствие», выполненных с учетом достижений когнитивной лингвистики, до сих пор нет.

Понятия «отсутствие», «пустота» и «отрицание» имеют глубокий философский смысл, хотя только «отрицание» является собственно философской категорией. Обычно понятие «отрицание» описывается с помощью понятия «отсутствие». Понятие «отрицание» исследуется и как самостоятельный концепт, и как составляющая многих других концептов.

Понятие «пустота» рассматривается в лингвистике как концепт, тесно связанный с концептом ПРОСТРАНСТВО. Если вербализация понятия «отсутствие» может быть синонимична словесному выражению понятия «пустота» и понятию «отрицание» одновременно, то языковые репрезентанты указанных понятий не могут составлять один синонимический ряд, хотя, несомненно, связаны парадигматическими отношениями.

Как философская категория, отрицание выражает диалектическую связь между стадиями развития объекта, когда некоторые экспликации объекта либо уничтожаются, либо сохраняются в новом качестве. Закон отрицания отрицания является одним из основных законов диалектики, подтверждающих непрерывное движение и развитие природы, общества, человечества, языка, культуры и других феноменов. Философы указывают на то, что «в теоретическом отношении “отрицание” является утверждением несуществования» [Философский энциклопедический словарь 1998: 327].

Отрицание может быть рассмотрено как концепт. Н.Н. Болдырев относит ОТРИЦАНИЕ к модусно-оценочным концептам и считает, что «типизируя различные функциональные возможности отрицания в плане интерпретации результатов познания мира и его общего устройства, можно предположить, что структура концепта ОТРИЦАНИЕ включает такие основные характеристики, как: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция*» [Болдырев 2011: 14].

Очертив семантический круг ассоциативно связанных понятий «отрицание» и «отсутствие», можно установить общий для указанных понятий языковой репрезентант (прототип). Им является слово *нет*, поскольку именно его использует большинство людей, говорящих на русском языке, с целью выразить данные понятия. Слово *нет* этимологически связано с древнерусскими *нету*, *нетути*, которые фиксируются в письменных памятниках с начала XIV века.

Предикатив *нет* употребляется как эквивалент отрицательного предложения или его главного члена в ответных репликах и представляет собой релятив. Прототип *нет* относится к лексико-грамматическим

языковым средствам, его семантика психологически более значима, чем семантика иных языковых средств, передающих понятие «отрицание». В пределах сформированной в сознании человека наивной картины мира слово *нет* является наиболее точной и яркой языковой презентацией отрицания.

В русском языке понятие «отрицание» представляют и иные языковые средства: 1) частица *не*, способная находиться перед любой словоформой; 2) усилительная частица *ни*; 3) отрицательные местоимения и наречия с префиксом *не-* (*некого*, *негде*); 4) местоимения и местоименные слова с префиксом *ни-* (*никто*, *ничто*); 5) двойное отрицание, которое является особенностью русского и других славянских языков, и представляет собой комплекс двух презентантов отрицания.

Расположив понятия «отрицание» и «отсутствие» на оси переходности, можно выделить область пересечения сегментов, центром которой является слово *нет*, а другие перечисленные грамматические средства находятся в периферийной зоне понятия «отрицание».

Аналогичным образом можно представить корреляцию понятий «отсутствие» и «пустота». Несмотря на то, что философы не раз обращались к понятию «пустота», оно не рассматривается как категория, хотя его значимость для мировоззрения и мировосприятия человека является достаточно важной. «По словам из текста, приписываемого китайскому философу Лао-дзы, самое главное в сосуде как раз то, чего в нем нет, *пустота*, то, что может быть заполнено (*“Полезность имеющегося зависит от пустоты”*)» [Харченко 2008: 11].

Понятия «отсутствие» и «пустота» также имеют общий языковой репрезентант, выраженный деривационным элементом *без-* или предлогом *без*. Префикс *без-* развился из предлога *без*, восходящего к праславянскому **bez*. Первичное значение “вне, снаружи” дополняется значением “недостает до чего-то” (например, «Кланялась молода *без* стіл до бабенька» [Потебня 1985: 224]). Позже появляется значение “лишенный того, что названо производным словом”: например, *безусый*, которое в современном русском языке является основным.

Общеизвестно мнение дериватологов о том, что образования пре-

фиксально-суффиксальных адъективов с префиксом *без-* от субстантивов отличается синтагматической свободой морфем и неограниченной потенциальностью образования новых слов. Однако на деривационные потенции указанного префикса может влиять корень со значением лица основ, мотивированных именами существительными. Оказиональными оказываются номинации, например, *безкондукторный* от сочетания *без кондуктора* (предлог *без* + сущ. в род. падеже).

Учитывая то, что способность человека к категоризации связана с его способностью создавать образы, метафоры, метонимии, то в поэтической речи можно наблюдать слияние понятий «отсутствие» и «пустота» в едином языковом репрезентанте. Например, в отрывке из стихотворения К.Д. Бальмонта «Безглагольность» ярко прослеживается соединение этих понятий за счет семантической конвергенции:

Есть в русской природе усталая нежность,

***Без**молвная боль затаенной печали,*

***Без**выходность горя, **без**гласность, **без**брежность,*

Холодная высь, уходящие дали.

***Не**движный камыш. **Не** трепещет осока.*

*Глубокая **тишь**. **Без**глагольность покоя*

Луга убегают далеко-далеко.

*Во всем утомленье – **глухое, немое*** [Бальмонт 1990: 170].

Когнитивный подход к категоризации мира основывается прежде всего на особенностях восприятия, культуре, ментальности. Например, состояние внутренней опустошенности созвучно ощущению тоски в русском сознании. Даже название стихотворения указывает на особенности русского восприятия окружающего мира. Слова с префиксом *без-*, реализующие понятие «отсутствие», выступают контекстуальными синонимами в создании образа лирического героя с пустотой внутри себя, в душе. Поэт передает настроение, внутреннее состояние посредством описания пейзажа, который соответствует психологическому состоянию героя. Абстрактные образования *безгласность*, *безглагольность* с суффиксом *-ость* являются оказиональными лексемами (лексикографические источники фиксируют только адъективы *безгласный*, *безглагольный*).

Метафора *безвыходность горя*, созданная путем трансформации словосочетаний-штампов *безвыходность ситуации / положения*, относится к индивидуально-авторским образованиям. Локализация авторских неологизмов с деривационным элементом *без-* и с другими префиксами, например *не-* (*недвижный*), подчеркивает соединение понятий «отсутствие» и «пустота» в одно целое. Необходимо указать, что многие слова из отрывка можно определить посредством понятия «отсутствие»: *печаль* как отсутствие радости, *утомление* как отсутствие сил и т.п.

Общеизвестно, что префикс *без-* равнозначен префиксам *не-* и *а-*, которые являются синонимичными по отношению и к префиксу *без-*, и к друг другу. Например, слова же с этими префиксами образуют синонимические пары: *безнравственный* – *аморальный*; *асимметричный* – *несимметричный*, *нелогичный* – *алогичный*. Однако такие корреляционные пары в языке представлены не всегда. В паре *безбедный* – *небедный* актуализируются разные оттенки значения корня, и слова закрепляются за разными значениями. Бинарность нарушается и тогда, когда, например, возможен только адъектив с одним префиксом: *асоциальный*.

Уточним, что наиболее частотным является префикс *без-*, и именно он будет областью пересечения, если на оси переходности поместить понятия «отсутствие» и «пустота». В периферийной зоне понятия «пустота» находятся лексические единицы, в составе которых присутствуют префиксы *не-* и *а-*, и в значении содержится сема ‘пустой’.

Лексему *пустой* Т.И. Вендина относит к эксклюзивным лексемам, которые образовались в славянских диалектах в глубокой древности, но продолжают активно использоваться не только на диалектном уровне, но и в нормированном языке, способствуя сохранению этноязыкового фонда славян. В говорах значение “пустой” распространяется на лексему *простой*, зафиксированную в словаре И.И. Срезневского древнерусского языка – *простыи*. По мнению Т.И. Вендиной, «особенно много архаичных эксклюзивных лексем среди тех, которые выделяют диалекты того или иного славянского языка в рамках их языковой группы, но при этом находят продолжение в диалектах других славянских языков, ср., например, распространение русской эксклюзивной лексики *porzd-ьn-ъ* (*po 'roznoj*)

‘пустой, ненаполненный’, которая зафиксирована в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских, тверских), а также широко представлена в южно- и западнославянских языках, что является доказательством ее архаичности (ср. также показания Словаря Срезневского: *порозьный* ‘свободный, пустой’)) [Вендина 2014: 27].

Опираясь на принцип экспланаторности, лингвисты относят концепт ПУСТОТА к отрицательным, так как со словом *пустой* образуются номинативные единицы с негативной коннотацией: *пустой человек, пустое занятие, пустая голова, пустые слова* и т.п. Деривационный потенциал основы *пустой* реализуется также в субстантивах с пейоративным значением: *пустомеля, пустозвон, пустослов, пустопорожний, пустоцвет, пустошь* и аналогичных образованиях.

В центре внимания когнитивной лингвистики находятся языковые знания, источником которых служат опыт и моральные ценности людей определенного этноса. Поэтому передача знаний часто происходит с помощью сформированных моделей в сознании человека, которые находят свое воплощение во фразеологизмах, поговорках или афоризмах. Рассмотрим, например, выражение *Доброта без разума пуста*. В приведенном примере понятие «пустота» выражено кратким прилагательным с аналогичным корнем и подчеркнуто с помощью предлога *без*.

Понятие «пустота» вербализируется в целой группе именных лексем – *бездна, пропасть, яма, прорва, дыра*. Их контекстуальная интерпретация позволяет расширить сему ‘пустой’ и описывать понятие «пустота» в тесной связи с концептом ПРОСТРАНСТВО.

Корреляцию понятия «отсутствие» с понятиями «отрицание» и «пустота» можно представить схематически (рис. 1), где зоны пересечений и наложений представляют собой общие средства языкового выражения.

Особенности проявления понятия «отсутствие» в языке связаны, прежде всего, с тем, что выделение какого-то понятия в языковом сознании человека возможно лишь тогда, когда для его обозначения возникает потребность в номинации, и в языке появляется соответствующее слово. Происходит структурирование наивной картины мира с помощью обоб-

щений, которые можно объяснить посредством того, что в языке появилось ранее. В предикативных словосочетаниях и соотнесенных с ними предложно-падежных формах *нет мужа (без мужа)*, *нет опыта (без опыта)*, а также и в других аналогичных примерах главными вербализаторами понятия «отсутствие» являются слова *нет* и *без*. В конкретных контекстах ответами на вопросы *Кого нет?* *Чего нет?* служат новые номинации. В результате возникновения нового слова семантическим ядром понятия «отсутствие» становится лексема, в которой прототипы *нет* и *без* проявляются имплицитно.

Рис. 1. Корреляция понятия «отсутствие» с понятиями «отрицание» и «пустота».

Приведем небольшую таблицу (см. табл. 2.) с примерами, наглядно поясняющими вышесказанное.

Таблица 2

Лексическое выражение понятия «отсутствие»

Репрезентант <i>нет</i>	Лексема	Репрезентант <i>без</i>
нет мужа	<i>вдова</i>	без мужа
нет жены	<i>холостяк</i>	без жены
нет родителей	<i>сирота</i>	без родителей
нет зрения	<i>слепой</i>	без зрения
нет слуха	<i>глухой</i>	без слуха
нет волос	<i>бритый</i>	без волос
нет волос	<i>лысый</i>	без волос
нет одежды	<i>голый</i>	без одежды
нет опыта	<i>дилетант</i>	без опыта
нет звука	<i>молчание</i>	без звука
нет звука	<i>тишина</i>	без звука
нет средств	<i>нищета</i>	без средств

В каждом конкретном примере языковые репрезентанты *нет* и *без* имеют дополнительное значение. Например, у *вдовы* и *холостяка* нет соответственно мужа и жены, но у *вдовы* нет мужа, потому что она его потеряла и осталась одна, а у *холостяка*, напротив, нет жены, потому что он ее еще не обрел, не обзавелся семьей. Языковед Н.С. Кудрявцева приводит пример Хайдеггера о холостяке и задается вопросом: можно ли считать холостяком Папу Римского? [Кудрявцева 2013].

Сиротой и *слепым* человек мог стать или же быть с младенческих лет.

В слове *глухой* значение связано с отсутствием восприятия звуков (*нет слуха* / *без слуха*) чаще наблюдается перенос значений на основе звуковых ощущений. Хотя в словосочетаниях *глухое место*, *глухое окно*, *глухое платье*, наверное, только слово *окно* ассоциативно связано со звуками. *Глухое окно* не только то, которое не открывается, но и не пропускает звуки, или свет, закрытое *наглухо*. Адвербиальный дериват *наглухо* лишь косвенно связан с семой 'звук', скорее его семантика синонимична наречиям *прочно*, *крепко*.

Слово *бритый* (нет волос / без волос) в разных контекстах может иметь не только разное концептуальное значение ("безусый, безбородый или с прической "под ноль", осужденный, подготовленный к операции пациент, стильный молодой человек или девушка"), но и различные коннотации. Синонимы *лысый* и *плешивый* стилистически неоднородны и могут заменить адъектив *бритый* только в случае обозначения человека, у которого выпали или не растут волосы на голове. В парадоксе «Лысый» древнегреческого философа Эвбулида Милетского, посвященному переходным процессам, ставится вопрос о том, в какой момент человек становится лысым: если выпадение одного волоса делает человека лысым, но при каждом выпадении одного волоса человек лысым не становится; в какой момент человек станет лысым, если его волосы выпадают по одному волосу [Некрылова 2018:41]. Интересным представляется тот факт, что слово *лысый* в древнегреческой культуре ассоциировалось со зрелостью и мудростью, именно поэтому всех древних мудрецов изображали лысыми. В дальнейшем развитии языка признак, заложенный в адъекти-

вах, был распространен и на другие части речи. Грамматические различия, связанные с образованием других частей речи от корневых морфем анализируемых слов, влекут за собой дальнейшие семантические изменения. Например, метафорическое расширение значений слов: *Вершины гор были совершенно лысы, Местами были видны плешины в весенних всходах*. В приведенных примерах формирование нового знания происходит на основе переноса наименования с внешнего вида части тела человека на окружающий ландшафт, под влиянием апперцепции создается вторичная номинация. В этом проявляется конкретность и антропонимичность когнитивных метафор.

Дефиниция *голый* в современном русском языке имеет несколько значений. В первом значении – “тот, на котором нет одежды” – включается в один синонимический ряд со словами *нагой, обнаженный, оголенный*. Обратившись к этимологической справке, уточним, что указанное значение является первичным, а слово *голый* относится к общеславянской лексике. Полагают, что праславянское **golъ*, т.е. *голь* (*голый*) значило “лишенный волос”. В близкородственном украинском языке сохраняется глагол *голити* “брить”. В этом значении слово *голый* может употребляться в словосочетании *голый подбородок*. Производное значение – “лишенный растительного покрова” – зафиксировано в современных лексикографических источниках и входит в состав словосочетаний: *голый птенец, голая земля, голое дерево*. В памятниках древнерусского языка встречается субстантив *голина* “голая земля”. В словарный состав украинского языка входят лексические единицы *голиця* “чистое, без деревьев поле”, *гілка* “голый прут, ветвь”. Слово *голый* имеет соответствия во многих индоевропейских языках, а семантическая реконструкция свидетельствует о древности этого слова. Третье значение слова *голый* имеет только полная форма имени прилагательного – “такой, который ничем не покрыт, не украшен”: *голый матрац, голые стены*. В разговорном стиле слово *голый* может употребляться в переносном значении “без пояснений, не приукрашенный”: *голая правда, голая статистика*. В обыденном дискурсе возможно соединение логически не связанных реалий, что повышает экспрессивность речи. Например, использование словосочетания *голый чай* в

значении “без закусок или десерта”. От прилагательного *голый* образован субстантив *голь*, имеющий два значения: “местность, лишенная растительности” (*голь степи*); “беднота” (*голь на выдумку хитра*). Вторичное значение “без денег, без имущества” может быть представлено краткой формой прилагательного *гол* в фольклоре: *гол как сокол*. Последнее происходит от свободного сравнительного оборота *гол, как сокол*, в котором слово *сокол* обозначало старинное стенобитное орудие, представляющее собой совершенно гладкую (*голую*) чугунную болванку, закрепленную на цепях. Для русской ментальности употребление эпитета *голый* по отношению к человеку являлось оскорбительным и унижительным. Поэтому в языке существует множество заменяющих его эвфемизмов: *в костюме Адама или Евы, в натуральном виде, в чем мать родила*. Иногда приведенные выражения передают иронию, но всегда более толерантны, чем характеристика *голый*. Проявление жалости к *голому*, как и к *голодному*, человеку прослеживается с древнейших времен. Например, в античной мифологии титан Прометей, в отличие от других богов, жалел первых людей, которые *нагими и голодными* ютились в пещерах. Нарушив волю Зевса, он похитил для людей огонь и научил их им пользоваться. По легенде, в наказание Прометея лишили одежды в морозы зимой и в зной летом, приковав к скале.

Слово *дилетант* заимствовано из итальянского (*dilettante* – “любитель”) в начале XIX века и при адаптации в русском языке сразу приобрело негативную коннотацию. В этом проявился национальный характер концептуализации мира, поскольку такие понятия, как “услаждаться, забавляться” в русской языковой ментальности вызывали неодобрение. *Дилетантом* мог быть человек, занимающийся наукой, искусством, практической деятельностью, не имея при этом соответствующей подготовки и навыков. В последние десятилетия это слово расширило свое значение: *дилетантом* может быть выдающийся ученый и практик (например, хирург), но не в сфере своей деятельности, а в другой сфере (например, в садоводстве или выращивании овощей). Необходимо уточнить, что в художественной речи, начиная с 70-х годов XX века, слово *дилетант* постепенно стало утрачивать негативный оттенок в значении, подтверждением

чего становятся литературные примеры (роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов»).

Особого внимания заслуживает слово *молчание*. Семантика слова *молчание* имеет изначально антропонимическую сущность, поскольку образовано от глагола, выступающего антонимом глаголу *говорить*. В украинском языке неслучайно младенец, ребенок, который еще не способен вербализировать впечатления, назван *немовля*.

Глагол *молчать* имеет в русском языке четыре значения. Первое значение – “не говорить, не издавать звуков голосом”, второе – “не нарушать тишины, не производить звуков”, третье – “не рассказывать, хранить в тайне”, четвертое с пометкой разговорное – “не сообщать о себе, не писать писем” [Комплексный словарь русского языка 2009: 465]. Синонимом к отглагольному слову *молчание* в первом значении выступает антропонимическое слово *безмолвие*, поскольку способностью говорить наделен только человек. Слова *тишина*, *тишь*, *безмолвие* являются синонимами ко второму значению. Характерной чертой славянской ментальности является приучение детей соблюдать тишину, не шуметь, чтобы не мешать окружающим. В больших семьях мудрые женщины, чтобы успокоить детей использовали игру в молчанку. Существовали и особые молчанки в фольклоре: *Раз, два, три, четыре, пять – с этих пор молчать! Первенчики, червенчики, зазвенели бубенчики. По свежей росе, по чужой полосе. Там чашки, орешки, медок, сахарок. Молчок!*, отражающие самобытность русскоязычных носителей языка.

Слово *тишина* как отсутствие звуков (*беззвучие*), шума и иных акустических воздействий может быть антропонимическим, и в тоже время может быть не связанным с человеческой деятельностью, так как звуки способны воспроизводить не только люди. Например, тишину в лесу можно объяснить тем, что не слышно пения птиц, а не человеческого голоса или топора лесоруба.

Для русской ментальности особенно важным является третье значение, поскольку ценным качеством человека является умение промолчать, хранить тайну, что нашло отражение в пословице *Молчание – золото*. В.В. Библихин, размышляя над теорией внутренней формы слова А.А. По-

тебни, пишет: «Отношение, несение на себе не каких-то, а любых вещей, мира, – существо человека. Мир открывается ему прежде всего в опыте мира, согласия, знак которого – молчание. Чувство нам придется еще расширить, уже не только до опыта, но до настроения, как сам Потебня это мелко и делает, и до основного настроения – настроения мира, когда человек дает в себе место Целому, в согласии с согласием целого. Молчание – знак согласия» [Бибихин 2008: 158]. Особыми эмоциями наполнено содержание устойчивого выражения *минута молчания*. Минутная тишина в коллективе в знак памяти ушедших из жизни людей всегда наполнена скорбью и печалью.

Слово *нищета* в русской языковой картине мира имеет негативную коннотацию и в синонимическом ряду со словами *бедность, нужда, необеспеченность* является наиболее экспрессивным, что подтверждают синтагматические связи: *«невиданная, ужасная, страшная, унижительная, отвратительная нищета»* [Комплексный словарь русского языка 2009: 532]. Словосочетания *нищий человек*, субстантиват *нищий* и производное *нищий край* ассоциативно связаны с бедностью, отсутствием средств как следствие какой-то беды (войны, стихийных атмосферных воздействий и т.п.), что всегда вызывает сострадание и милосердие в славянской культурной среде. Но наряду с указанными выражения встречается в дискурсе словосочетание *нищенствующие монахи*, для которых их путь выбран ими самими, для них материальные средства не важны, они питаются духовной пищей, молитвой, для них обращение к Богу превыше всего, мир вещей тщетен, поэтому нищета для них не тягостна и не унижительна, а обыденна. При пострижении в монахи дается обет вести аскетическую жизнь. И в этом угадывается проявление межкультурного трансфера, имеющего реализацию не только в славянском этносе, поскольку буддийские монахи, наверное, наиболее точно передают осознанный отказ от материального мира. Пострижение в монахи связано с осознанным отказом от мирских благ и желаний во многих культурах.

Наши наблюдения показывают, что языковая система не всегда опирается на принцип языковой экономии, так как не только допускает дублирование понятий, но и расширяется за счет новых слов, которых

требует функционирование языка. Лексические средства выражения понятия «отсутствие» появились в силу того, что языковые прототипы *нет* и *без* были семантически неполными, не выражали достаточно точно субъективные нюансы, которые приобрели конкретные слова. В процессе концептуализации мира появившиеся слова наращивали семантическую мощь, многие из них постепенно становились концептами (например, концепт МОЛЧАНИЕ).

Концептуальный анализ языковых фактов свидетельствует о том, что понятие «отсутствие» и понятия «отрицание» и «пустота» могут находиться на семантической оси переходности, а их корреляция будет зависеть от материальных репрезентантов.

4.1.2 Языковые референты понятия «отсутствие»

Многие языковеды высказывают мнение о том, что лингвальная единица возникает благодаря существованию понятия, в связи с чем у говорящего появляется потребность выразить это понятие. Однако вербальная экспликация происходит по-разному. Прежде чем появится конкретное слово, в котором четко отразится определенное семантическое ядро, будут использоваться прототипические языковые ресурсы, уже имеющиеся в языке и закрепленные речевой практикой. Новое слово может быть создано, образовано на основе существующих словообразовательных моделей, но может быть и заимствовано из другого языка, даже не родственного, в котором потребность в выражении данного абстрактного понятия появилась раньше под влиянием экстралингвальных факторов.

Научный интерес, на наш взгляд, представляют наблюдения лингвиста-когнитолога А.Д. Кошелева о том, что абстрактная лексика имеет большое количество языковых репрезентаций. Ученый считает, что «при переходе к изучению абстрактных лексических значений необходимо прежде всего ответить на вопрос: сохраняется ли для них дуальная структура «Прототип ← семантическое Ядро», присущая основным значениям сенсорной лексики?» [Кошелев 2015: 145]. Логическим итогом наблюдений ученого является следующий ответ: «... главный компонент – «семантическое Ядро», реализующее ту же референциальную, или номинативную,

функцию, у основного значения абстрактного слова всегда имеется» [Кочелев 2015: 145]. Выделение же прототипического компонента, по мнению лингвиста, факультативно. Основное значение чаще представлено только семантическим ядром, хотя бывают случаи, когда именно прототипическое значение выполняет смыслодифференцирующую функцию и кристаллизуется ядерная сема. На наш взгляд, в вербальной репрезентации понятия «отсутствие» прототипический элемент значения переносится и воспроизводится в ядерной семантической группе слов, обозначающих конкретное отсутствие чего-либо. Этот процесс связан с апперцепцией, поскольку языковой факт проявляется не мгновенно, а сопряжен с творческим процессом осмысления социального опыта человеком, механизм восприятия и познания одного и того же объекта сохраняет прежний опыт, но в то же время фиксирует новое знание и представление об этом объекте. Когнитивная лингвистика, как и современная психология, в описании процесса познания опирается на понятие апперцепции, введенное в языкознание А.А. Потебней.

В новом освещении концепции Ф. де Соссюра и его понимании знакового характера языка, О.П. Просяник указывает на то, что «восприятие целостного акустического образа должно вступить в знаковые отношения с формами, которые уже существуют в конкретном языке, а это может случиться только в том случае, когда у говорящего есть потребность высказать, выразить в языковой форме мысль (понятие), для которого в этом языке еще нет лингвальной единицы» (Перевод наш – О.П.) [Просяник 2018: 169].

Наши размышления, касающиеся причинно-следственных связей прототипов *нет* и *без*, были изложены в статье «Лексико-грамматическая корреляция абстрактных понятий («отсутствие» – «отрицание» – «пустота»)» [Радчук 2015], а новые собранные языковые факты не только подтверждают наши выводы, но и позволяют развить выдвинутую идею и сделать другие умозаключения.

Составленная нами исследовательская картотека представлена в виде таблицы 3 (см. табл. 3), в которой большинство примеров явно обнаруживают корреляционные отношения с прототипами *нет* и *без*, однако

встречаются и такие, в которых эти связи нарушены. Рассмотрим каждый пример подробнее.

Таблица 3

Лингвальные репрезентанты понятия «отсутствие»

Репрезентант <i>нет</i>	Лексема	Репрезентант <i>без</i>
нет близких	<i>одинокий</i>	без близких
нет обуви	<i>босой</i>	без обуви
нет дома	<i>беженец</i>	без дома
нет жизни	<i>мертвец</i>	без жизни
нет воды	<i>жажда</i>	без воды
нет воды	<i>засуха</i>	без воды
нет границ	<i>простор</i>	без границ
нет вины	<i>алиби</i>	без вины
нет порядка	<i>хаос</i>	без порядка
нет ума	<i>идиот</i>	без ума
	<i>гений</i>	
	<i>жалость</i>	
нет детей		без детей

Слово *одинокий* определяет человека (мужчину, женщину), не имеющего близких, родных или такого, который находится в отсутствии других. Как известно, в русском языке полные формы адъективов развились из кратких, первоначально было прилагательное *одинок*, слово состояло из корня *один* и суффикса *-ок*. В качестве синонима в современном языке используется адъектив *уединенный*. В русской языковой ментальности представление об одиночестве связано с чувствами жалости и сочувствия. Появившиеся сложные номинации *мать-одиночка* и позже *отец-одиночка* констатируют факт неполной семьи, трудности, связанные с воспитанием ребенка только матерью или только отцом, поскольку одному человеку приходится выполнять самому функцию, возлагаемую на обоих родителей. В украинском языке эквивалентом русскому слову *одинокий* является слово *самотній*, в котором акцент делается на том, что человек живет сам, один. У европейцев ментальность иная, о чем пишет французский автор Ж.-К. Кофман, изучая такую актуальную проблему современного общества, как жизнь-соло. Социолог приходит к выводу о том, что в Европе наблюдается глобализация жизни-соло, стремительно увеличивается чис-

ло семей, состоящих из одного человека, зачастую европейцы в качестве модели личной жизни выбирают автономию и не видят в этом ничего негативного [Кофман 2011]. По замечанию О.П. Просяник, «язык является следствием культурной синергии языкового коллектива» (Перевод наш – О.Р.) [Просяник 2018: 76]. У носителей русского языка и других славянских народов изначально было заложено стремление к коллективному существованию, образованию семьи, все это откладывало отпечаток и на язык.

Лексема *босой* встречается не во всех толковых словарях, поскольку носителям русского языка понятно, что это человек без обуви, человек, у которого нет обуви, и это не свойственно для современного общества. Здесь прослеживается влияние европейской культуры на славянскую, наличие перчаток, закрытой обуви является составной частью этикета, а их отсутствие в деловом костюме считается нарушением этикетных формул, неприличным для посещения официальных мероприятий. Интересные исторические сведения об анализируемой лексеме находим в словаре В.И. Даля. В качестве синонимов к слову *босой* выступают слова *босоногий, голоногий, необутый*. Приводится иронический исконно русский фразеологизм *к босому по лаптям пошел*, в котором ярко прослеживается отсылка к понятию «отсутствие». Слово *босой* так же, как и слово *голый* имеет негативную коннотацию в русской языковой ментальности, что подтверждают сведения, приводимые в словаре В.И. Даля. Причем, слово *босой* могло характеризовать не только человека, но лошадь и других парнокопытных. Нищенское существование человека отождествляло его с животным, понижая его статус, может быть, поэтому наличие хорошей, качественной обуви всегда выделяло человека из толпы. Производящая основа *бос* адъектива *босой* обладает высоким деривационным потенциалом, поскольку от данной основы могут быть образованы субстантивы и глаголы, а также может наблюдаться процесс субстантивации слова *босой*. В словарной статье, посвященной данной лексеме, приводятся субстантивы, образованные от адъектива *босой*, и указывается, что «*босота, босина, босоножье* – ноза ног, состояние без обуви; голь, нужда, в значении нищеты. *Босая лошадь* – с плохими, слабыми копытами, противоположное

обувистая» [Даль 2010: 75]. Последняя фраза является неожиданной для носителей современного русского языка, для большинства рускоговорящих людей выражение *босая лошадь* соотносится со значением лекси́мы *неподкованная*, хотя справочная литература представляет иную информацию. Слова *босва*, *босовь* могут обозначать в некоторых диалектах ступню человека, слова *босовики*, *босики*, *босоноги* употребляются во множественном числе и обозначают «опорыши, башмаки из старых сапогов, обувь на босу ногу, [...] берестеники, берестовые лапти на босу ногу, для дома» [Даль 2010: 76], бедняков без обуви, оборванцев называли *босомыка* / *босомыга*, *босыня*, *босомыжник* / *босомыжница*. Отсюда и глаголы «*босеть* – обнашиваться обувью, становиться без обуви; голеть, беднеть, нищать. *Босеть* о лошади, скоте – болеть ногами, копытами» [Даль 2010: 76]. Слово *босьяк* изменило свое значение и в разговорном стиле современного русского языка приобрело пейоративную коннотацию. В лексиконе народа были и слова, имеющие ироничную коннотацию, построенную на метафоре. К таким словам относятся образные субстантивы «*босопляс*, *босохлест*, *босуля* – человек, никогда не носящий обуви, всегда босой; *бежать босоплясом* – босиком, особенно в грязи или по снегу» [Даль 2010: 76]. В поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголь, создавая интерьер помещика Плюшкина, акцентирует внимание читателя на сапогах, которые находились при входе в дом хозяина и предназначались для обнищавших его крестьян: «*Всякий, призываемый в барские покои, обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату*» [Гоголь 1959:129]. Это было характерным явлением для русской деревни, писатель-сатирик подчеркивает это с помощью наречия *обыкновенно*, относящегося к выражению *отплясывал через весь двор босиком*. Носителей славянских языков всегда отличало душевное отношение к босым людям, чувство сострадания к нищим, люди без обуви вызвали сочувствие и жалость.

Аналогичное отношение прослеживается в славянской культуре и к следующим словам: *беженец* и *мертвец*. Субстантив *беженец* имеет словообразовательный формант, передающий агентивное значение. Как указывается в грамматиках, такие субстантивы мотивированы глаголами и

имеют значение “носитель процессуального признака”. В слове *беженец*, которое представляет собой исключение в деривационном аспекте, выделяется единичный непродуктивный суффикс *-енец*. Субстантив *мертвец* образовано от адъектива путем присоединения частотного продуктивного суффикса *-ец* [Русская грамматика 1980: 145]. Понятие «отсутствие» реализовано в данных примерах по-разному. Слово *беженец* становится репрезентантом понятия «отсутствие» только при достижении семантической и грамматической оформленности и целостности слова, то есть с присоединением суффикса *-енец*. Имена существительные, образованные от глаголов, с другими суффиксами (*бег*, *бегун*, *бегунья*, *бегство*), не передают понятие «отсутствие». Заметим, что в русском языке для передачи семантики прототипов *нет дома* и *без дома* существует субстантиват *бездомный* и слово *бомж*, которое перестало рассматриваться как аббревиатура (*БОМЖ* – “без определенного места жительства”).

В слове же *мертвец* словообразовательный формант не играет роли в передаче значения “отсутствие жизни”, понятие «отсутствие» содержится уже в корневой морфеме. Однокорневое слово *смерть* обозначает “прекращение жизнедеятельности организма” и восходит, как и анализируемое слово, к индоевропейскому праязыку [Цыганенко 1989: 386]. Например, в санскрите существовало слово *амрита*, которое обозначало “нектар, способный оживить человека”. Ассоциативно это связано с тем, что мертвого человека, то есть лишённого признаков жизни, возможно реанимировать, чего нельзя сделать с трупом, и, как, следствие, слово *мертвец* относится наряду со словом *покойник* к одушевленным именам существительным, а слово *труп* – к неодушевленным: в форме винительного падежа вижу (кого?) *мертвеца*, *покойника*, но вижу (что?) *труп*. Для носителей русского языка данный грамматический факт является одним из самых непонятных, и он обычно относится к аномальным явлениям. Уже упомянутый нами выше оксюморон, созданный Н.В. Гоголем и вынесенный им в название поэмы, *мертвые души*, в какой-то мере предполагает возможность превращения души в живую, что изначально заложено в семантике слова *душа*. В качестве подтверждения сказанного приведем цитату из поэмы: *Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него* (Собакевича

– О.Р.) была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного кощеля, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности [Гоголь 1959: 105]. Рисуя психологический портрет помещика Собакевича, автор задействовал многочисленные стилистические ресурсы языка, чтобы показать мертвую душу описываемого персонажа [Радчук 2009: 107].

Семантически связанная пара *жажда* и *засуха*, прототипами которой являются выражения *нет воды* и *без воды*, также неодинаково реализуют понятие «отсутствие». Первое слово относится к миру человека и животных, а второе к миру природы. Слово *жажда* имеет косвенное отношение к понятию «отсутствие» и определяется как “1. Потребность пить, позыв к питью. *Сильная жажда. Утолить жажду.* 2. *перен., чего и с неопр.* Сильное, страстное желание чего-нибудь (высок.). *Жажда счастья.*” [Ожегов 1987: 153]. Биологическая потребность человека, организм которого состоит на 70% из воды, вызывает потребность в воде, а ее отсутствие приводит к обезвоживанию и смерти. В толковом словаре значение слова *засуха* определяется как “отсутствие дождей, приводящее к высыханию почвы и гибели растительности” [Ожегов 1987: 181]. Растения, как и человеческий организм, при отсутствии воды погибают. Производное от адъектива *сухой*, приставочный субстантив *засуха* в значении “продолжительное отсутствие дождя” этимологически связан с древнеславянским *суха* “суша, земля” [Цыганенко 1989: 415]. Лексическая неоднозначность, передающая понятие «отсутствие» и зафиксированная корневой морфемой в обоих словах, основана на прототипической базе предиката *нет* и предлога *без*.

Несмотря на то, что слово *простор* определяется в толковом словаре как “1. Свободное, обширное пространство. *Степные просторы.* 2. Свобода, раздолье. *Ребятам на даче простор*” [Ожегов 1987: 506], данная номинация непосредственно связана с понятием «отсутствие», в обоих значениях подразумевается, что у объекта *нет границ* и объект *без границ*. Причем установить четкие рамки объекта невозможно, поскольку данное его свойство может проявляться в разной степени: *небезграничный, безграничный, неограниченный*. Абсолютная аналогия наблюдается

и в украинском языке: *небезмежний, безмежний, необмежений*, поскольку и в украинском (*межа*) и в русском (*граница*) языках это относительные понятия. И.А. Купина при анализе семантического поля «предельность» (в украинском языке «граничність») относит понятие «границы» к универсальным концептам. Предельность, по мнению исследователя, «интерпретируется как категориальное обобщенное понятие, связанное с категориями пространства и времени. Предельность рассматривается как конкретизатор языковой семантики вообще, как универсальный смысл, ядро разных типов полей: семантических, лексико-грамматических, функционально-грамматических и др.» (Перевод наш – О.Р.) [Купіна 2017: 5]. Понятие «предельности», которая, на наш взгляд, может проявляться в большей (максимальной) или в меньшей (минимальной) степени во многих суждениях автора отождествляется с понятием «отсутствие», а многочисленные приводимые примеры вербализируют понятие «отсутствие».

Для конкретизации абстрактного понятия «отсутствие» не всегда возникало новое слово, проще было его заимствовать, если оно уже существовало в другом языке. Как раз в таком заимствовании наблюдается взаимовлияние языков, проявление лингвокультурного трансфера.

Заимствование слова *алиби* было связано с развитием юриспруденции и судопроизводства. В латинском языке как основе правоведческой терминологической системы *алиби* (*alibi*) буквально обозначало “в другом месте”, “нахождение обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте как доказательство его невиновности” [Словарь иностранных слов 1989: 26], то есть отсутствие на месте преступления. Стремление к разграничению стилей языка и использованию в них соответствующей лексики постепенно вытеснило из употребления прототипические *нет вины* и *без вины* заимствованным, но более официальным *алиби*.

Древнегреческие слова омонимы *Хаос* (*Chaos*) и *хаос* (*chaos*) в зависимости от значения, которое в русском языке дифференцировалось с помощью ударения, обозначали, в первом случае, с ударением на первом гласном, “в древнегреческой мифологии зияющая бездна, наполненная туманом и мраком, из которой произошло все существующее”, а во втором, с ударением на втором гласном, “полный беспорядок, неразбериха” [Сло-

варь иностранных слов 1989: 558]. Семантика образованных от второго омонима адъективов *хаотический* и *хаотичный* “представляющий собой хаос, беспорядочный, перепутанный, лишенный стройности, системы” [Словарь иностранных слов 1989: 558] передает характеристики, напрямую связанные с понятием «отсутствие» и прототипами *нет* и *без* (*нет* порядка и *без* порядка).

Слово *идиот* пришло в русский язык также из древнегреческого, имеет общий корень со словом *идиома*, в античности употреблялось в значении “отдельный”, т.е. не такой, как все. У древних эллинов *идиотами* называли мужчин, которые не принимали участия в дружеских пирушках, а так же людей, которые сторонились общества, жили обособленно, естественно, их считали малоумными, хотя, они, напротив, противопоставляли себя, свои идеи, общественному мнению и считали себя намного умней остальных. Определяя этимологию и развитие значения слова *идиот*, А.Г. Ильяхов в книге «Античные корни русского языка» пишет, что впервые анализируемую номинацию в современном понимании употребил врач Парацельс в 1526 году в значении “безумный, сумасшедший” [Ильяхов 2006]. В современном русском языке на базе первичного значения “человек, который страдает слабоумием, идиотизмом” развилось вторичное “глупый человек, тупица, дурак (разг., бран.)” и появилась лексема в форме женского рода: субстантив – *идиотка* [Ожегов 1987:194]. Данная лексема, хотя и имеет сниженную коннотацию, передает пренебрежительно-уничижительный оттенок, тем не менее относится к достаточно распространенной лексике. Неадекватных людей, поступки которых свидетельствуют, что у них *нет* ума или они *без* ума, довольно-таки часто называют *идиотами*. Параллельно существующий субстантиват *безумец* имеет иное значение и в значении “сумасшедший” уже в современном языке не употребляется.

Несмотря на высокий экспланаторный потенциал понятия «отсутствие», не всегда и не все вербальные экспликации можно объяснить с помощью данного понятия. Лексема *гений*, начиная с эпохи Возрождения употребляется в значении “творческая индивидуальность”, была заимствована в русский язык в эпоху Петра I из немецкого (*Genius*) и восходит

к латинскому (*genus*). Данный субстантив в отличие от предыдущего заимствования не может быть объяснен с помощью понятия «отсутствие». Напротив, слово *гений* характеризуется с помощью понятие «наличие», и определяется как “человек, обладающий высшими творческими способностями” [Цыганенко 1989: 79]. Особенностью данной языковой единицы является и то, что она используется в русском языке только в форме мужского рода, что является проявлением значения “отсутствия” на грамматическом срезе языка. В этом и аналогичных примерах наблюдается влияние семантики на грамматику.

Как показывают многие примеры, заимствования наблюдаются в двухвекторной плоскости: по признаку отсутствия и по признаку наличия. Однако это касается не только заимствований. Например, субстантив русского языка *жалость* образован от адъектива *жалкий*, восходящего к общеславянскому имени существительному *жаль*, семантика которого “жалость, печаль, тоска” [Цыганенко 1989: 126]. Гипотетически возможно определение значения слова *жалость* посредством использования прототипов *нет* и *без* и антонима *радость*, но семантика глаголов, с которыми исследуемое слово генетически связано, не позволяет этого сделать. В этимологической справке приводятся следующие сведения: «Праслав. **gělъ* образовано с пом. темы -ъ от глагола **gěliti* “страдать”. Ср. с гласн. -е-: др.-рус. и ст.-сл. *желѧ* < *желѧ* “скорбь, плач”, *желение* “сожаление; плач”; в.-луж. *zel* “жаль”; болг. *жалба* “сожаление, горе”; лит. *gela* “боль”, *gelus* “жалкий”. Сущ. *жаль* “скорбь” дало с суф. -ѣ-ти глаг. *жалѣти* < *жалеть* “проявлять жалость, сострадание к кому-либо, оберегать, щадить”, от глаг. с суф. -об-а сущ. *жалоба* “сетование”, “заявление о незаконном действии со стороны кого-то” [Цыганенко 1989: 126]. Исторические факты подтверждают нашу мысль о том, что объяснительный потенциал понятия «отсутствие» имеет ограничения.

Необходимо уточнить, что прототипы *нет* и *без* могут не найти своей вербальной экспликации в конкретном слове. В русском языке не существует номинации, обозначающей женщину *без* детей, у которой *нет* детей. В древности в русском языке использовалось слово *неродица*, которое в настоящее время вышло из употребления и относится к архаической лек-

сике. В словарном составе языка есть субстантивированные адъективы, в структуру которых входят префиксы *не-* и *бес-*: *неплодная* и *бесплодная*, но отдельная лексема отсутствует. По отношению к животному и растительному миру в таких случаях употребляется слово *яловая*. В словаре В.И. Даля указывается, что «*яловая* – не стельная, не суягная, не жеребая, без приплоду, порозжая, праздная; не давшая еще приплоду. *Яловая рыба* – без икры. О дереве либо кусте: бесплодный, не дающий плода. Порожний, пустой, не в деле, лежащий впусе. *Яловые земли* – покинутые надолго в залежь» [Даль 2010: 734].

Интересным представляется наблюдение о том, что и в других языках либо не существует такой номинации, прототипами какой являлись бы выражения *нет* детей и *без* детей, либо она используется редко. Можно предположить, что в данном случае понятие «отсутствие» является языковой универсалией. Если в русском языке показатели в виде прототипов *нет* и *без* находятся в препозиции к слову, то в английском языке один из формантов занимает инициальную позицию в слове, а другой – финальную, при этом оба являются частью слова. Наиболее употребительным в английском языке является слово *childless*, которое обозначает “бездетный”, употребляется по отношению к женщине или семейной паре. Существуют и другие обозначения: *barren* “бесплодный” о почве, о фруктовых деревьях, о животных (самках), о женщинах очень редко, *infertile* “бесплодный” о животных и женщинах, *fruitless* / *unfruitful* “бесплодный” о деревьях, вторичная номинация “тщетный” (*тщетные усилия*), *ascarpous* “неплодоносящий, бесплодный” является научным термином из латыни.

Известный лингвист-когнитолог Е.С. Кубрякова, рассматривая словообразовательное значение формантов различных частей речи, утверждает, что «в морфологических структурах с суффиксом *-less* последний маркирует определенный тип отношений – отсутствие того, что обозначено производящей основой (ср. *tactless* – “лишенный такта”, *bloodless* – “бескровный”, *lifeless* – “безжизненный” и т.п.)» [Кубрякова 2008: 144]. Заметим, что такое значение существует лишь постольку, поскольку «отсутствие» описывается относительно свойств, связываемых с обладанием указанной мотивирующим словом характеристикой. В целом поэтому

словообразовательное значение и складывается как называющее «признак, связанный с отсутствием того, что обозначено производящей основой», т.е. как значение, в котором формантом выражена только одна из его составных частей» [Кубрякова 2008: 144-145]. Несуществование номинации, обозначающей бездетную женщину, в русском языке связано с тем, что в славянском этносе первое и главное предназначение женщины состоит в детородной функции, естественным и логичным является наличие у женщины детей, ее способности продолжить род. Однако в последнее время наблюдается замена лакуны в русском языке заимствованием из английского языка *baby-free*, что свидетельствует о постепенном заполнении ниши в результате экстралингвистической востребованности оязыковления понятия.

Анализ языкового материала позволяет констатировать существующие языковые факты. Отметим, однако, что язык находится постоянно в движении, и предсказать перспективы изменений невозможно, будут ли заполнены «ниши», «пустые ячейки» в лексико-семантической подсистеме языка утверждать однозначно нельзя. Цитата из лекций Ф. де Соссюра о постоянном развитии языка, о непрерывных его изменениях: «нельзя найти такой язык, который пребывал бы в состоянии покоя и недвижимости» (Перевод наш – О.Р.) (Цит. по [Просяник 2018: 78]) – подтверждает наши наблюдения.

4.2. Префиксальная экспликация понятия «отсутствие» и механизмы ее нарушения

4.2.1 Утрата семы 'отсутствие' при двойной префиксации

В отличие от романо-германских языков в грамматике русского, украинского и других славянских языков сохраняется двойное отрицание, которое репрезентирует понятие «отсутствие» и выражается с помощью частиц *не* и *ни*, предлогов *не* и *без*, префиксов *не-* и *без-*. Традиционно одновременное использование двух репрезентантов в славянских языках выполняет функцию усиления отрицания (укр. *нічого не бачу*, русск. *никто не пришел*). Вместе с тем в русском и украинском языках существуют слова с двойной префиксацией (русск. *небезуспешный*, укр. *небезтурботний*), характерным признаком которых является утрата семы 'отсутствие'.

В русских и украинских словарях зафиксировано небольшое количество слов, образованных с помощью префиксов *не-* и *без-* одновременно, когда префиксы сливаются в один *небез-* или *небес-*. Такие слова не относятся к исключениям или аномальным явлениям. В родственных языках данная модель словообразования имеет значительный словообразовательный потенциал.

Общеизвестен факт, что префиксы, как и суффиксы, являются носителями деривационного значения в слове. Префиксы, объединяясь с конкретной мотивирующей основой, образуют слова и указывают на дополнительные признаки, которые уточняют понятийное значение корня. В русском и украинском языках насчитывается около 100 префиксов в каждом. На ряду с префиксами *в-* и *на-* наиболее употребительными являются префиксы *не-* и *без-*. Они имеют следующие семантические оттенки: *не-* указывает на отрицание того, что обозначает корень; *без-* указывает на отсутствие чего-либо. Характерным признаком адъективов, образованных присоединением префиксов *не-* и *без-*, является их синонимичность в репрезентации понятия «отсутствие» (русс. *безынтересный /неинтересный*; укр. *безуспішний /неуспішний*).

Для анализа подобраны адъективы с префиксами *не-* и *без-*, зафиксированные в современных словарях русского и украинского языков как наиболее продуктивные в словообразовании. Как отмечает Е.А. Земская, «изучая деятельный характер современного словообразования, то есть выявляя механизмы его функционирования, следует выбирать для изучения не замкнутые, а наоборот – наиболее открытые ряды слов, то есть словообразовательные типы, которые являются высоко продуктивными. К ним относятся постоянно свободно образующиеся и, поэтому, в принципе, которые нельзя подсчитать, отыменные прилагательные с суффиксами *-и-та -ов-*» [Земская 2004: 223].

В нашу исследовательскую картотеку включены три группы слов, отличительные черты которых наглядно представлены в таблицах. В первой группе полностью совпадает морфемная сегментация в двух языках (Табл. 4). Во второй – морфемное членение адъективов и субстантивов совпадает частично, различия существуют на уровне аффиксов (Табл. 5). В третьей –

морфемное членение адъективов подобно частично, в большинстве случаев различаются корни (Табл. 6).

Исходя из того, что корневая морфема является структурно-семантическим ядром слова и носителем основного лексического значения, мы считаем, что она вмещает пресуппозицию, которая влияет на дальнейшее развитие семантики слова. Пресуппозицию в словообразовании мы вслед за Е.А. Земской, В.А. Плунгяном понимаем, как наличие в базовых словах семантических признаков, которые влияют на значения соответствующих производных единиц и на тенденции сочетаемости тех или иных синонимических аффиксов с теми или иными основами [Земская 2004: 222].

Наличие или отсутствие чего-либо, выраженное субстантивами, является той пресуппозицией, от которой образованы адъективы с суффиксом *-н-* и или последовательным, или одновременным присоединением префиксов *не-* и *без-* к основам. Русские и украинские адъективы объединены в парадигмы, поскольку «каждая конкретная словообразовательная парадигма представляет собой деривационную микросистему, взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты которой образуют определенное единство и целостность. Связанные между собой частеречным единством образующих слов, словообразовательные парадигмы формируют своеобразную словообразовательную подсистему» (Перевод наш – О.Р.) [Грещук 1995: 19].

Таблица 4

Производные адъективы с префиксами не- и без- и этимологически общие пресуппозициональные субстантивы

№	Украинское слово	Русское слово	Пресуппозиция
1	небезвигідний безвигідний невигідний вигідний	небезвыгодный безвыгодный невыгодный выгодный	укр. <i>вигода</i> русс. <i>выгода</i>
2	небезгрішний безгрішний негрішний грішний	небезгрешный безгрешный грешный	укр. <i>гріх</i> русс. <i>грех</i>

№	Украинское слово	Русское слово	Пресуппозиция
3	небездарний бездарний _____	небездарный бездарный _____	укр. <i>дар</i> русс. <i>дар</i>
4	небезінтересний _____ неінтересний інтересний	небезынтересный безынтересный неинтересный интересный	укр. <i>інтерес</i> русс. <i>интерес</i>
5	небезкорисний безкорисний некорисний корисний	небескорыстный бескорыстный некорыстный корыстный	укр. <i>користь</i> русс. <i>корысть</i>
6	небезнадійний безнадійний ненадійний надійний	небезнадежный безнадежный ненадежный надежный	укр. <i>надія</i> русс. <i>надежда</i>
7	небезрезультатний безрезультатний _____ результативний	небезрезультатный безрезультатный _____ результативный	укр. <i>результат</i> русс. <i>результат</i>
8	небезспірний безспірний _____ спірний	небесспорный бесспорный _____ спорный	укр. <i>спір</i> русс. <i>спор</i>
9	небезсторонній _____ не сторонній сторонній	_____ _____ не посторонний посторонний	укр. <i>сторона</i> русс. <i>сторона</i>
10	небезплідний безплідний _____ плідний	небесплодный бесплодный _____	укр. <i>плід</i> русс. <i>плод</i>
11	небезуспішний безуспішний неуспішний успішний	небезуспешный безуспешный неуспешный успешный	укр. <i>успіх</i> русс. <i>успех</i>

В русском и украинском языках *неуспешный* / *безуспешный* и *неуспішний* / *безуспішний* являются синонимами, которые отличаются только оттенками семантики. *Небезуспешный* и *небезуспішний* – это антонимы

к указанным ранее обоим синонимам. К тому же они являются не просто антонимами, а эвфемизмами, к основному значению которых добавляется коннотация уменьшения, толерантности и смягчения. Слова русск. *небез-успешный* и укр. *небезуспішний* образованы присоединением префиксов *-не-* и *без-* к корням адъективов с суффиксом *-н-*. При одновременном присоединении префиксов их полифункциональность может способствовать объединению двух префиксов и возникновения префикса, который берет на себя общее значение. Таким префиксом становится в русском – *небез-* / *небес-*, а в украинском языке *небез-*.

Словообразовательные процессы в родственных языках почти не отличаются: пары слов с одинаковыми префиксами в большинстве случаев совпадают. Это наблюдается, когда адъективы с префиксами *не-* и *без-* мотивированы идентичными субстантивами. Различия видны в случаях с субстантивной основой *гріх* и *інтерес*. В украинском языке употребляется *негрішний* и *безгрішний*, а в русском только *безгрешный*. Не имеет коррелята в русском языке украинский адъектив *плідний*, который переводится как *плодотворный*. И наоборот, украинского коррелята нет у русского слова *безынтересный*. Образованное от прилагательного абстрактное существительное *небезнадійність* также не имеет коррелята в русском языке.

Различия в значении имеют адъективы, которые образованы от субстантивов с разным значением: укр. *користь* “выгода, пожиток” и русск. *корысть* “материальная выгода”. В русском языке это слово имеет негативную коннотацию и является синонимичным словам *жадность*, *алчность* (в украинском переводе *жадібність*, *зажерливість*). В украинском – слово *користь* раскрывает свою семантику только в контексте. В зависимости от этого употребляются два разных прилагательных: *корисний* – “який дає, приносить добрі наслідки, користь” та *корисливий* – “який ґрунтується на матеріальній вигоді, робиться задля власної наживи” [Словник української мови: В 11 т., 3 т.: 289-290]. В представленной парадигме украинские и русские слова, образованные от этимологически общих субстантивов, приобретают противоположное значение и образуют антонимические пары: укр. *корисний* – русск. *корыстный*; укр. *безкорисний*,

некорисний – русск. *бескорыстный, некорыстный*; укр. *небезкорисний* – русск. *небескорыстный*. Семантические изменения, нестабильность значений поясняются не только противоречивым характером самого языка, но и человеческим фактором, что отражается в идиоматике и этимологии.

Регулярность образования соотносительных прилагательных на *-н-* от этимологически общих субстантивов свидетельствует о закономерностях этих процессов. Рассмотрим изменения в значении адъективов, которые pochodят от русск. *выгода* и укр. *вигода* при присоединении префиксов *не-* и *без-*. Мотивационные отношения между однокоренными словами указывают на цепочечную направленность действия апперцепции при образовании производных слов от субстантивов, которые являются этимологически общими. С помощью математических символов обозначим: “наличие” – знаком плюс (+), а “отсутствие” – знаком минус (–) (Рис. 2).

Рис.2. Цепочечная направленность действия апперцепции

Таким образом, в русском языке прилагательное *небезвыгодный* может быть заменен аналогичным существительным с отрицательной частицей и предлогом: *не без выгоды*. Проклитика *не* в таких случаях «перетягивает» ударение, что подчеркивает тождественность в семантике с ударным словом и имеет значение “наличие”, а не “отсутствие”. Узуальное использование аналогичных форм (*не без результата, не без корысти, не без надежды*) больше свойственно русскому языку, что подтверждают

материалы словарей. В современных русских лексикографических трудах сочетание *не без* представлено в отдельной словарной статье: *не без (не без сожаления, не без труда, не без того)* [Палатовская 2006: 402].

В таблице 5 предложен иллюстративный материал, который демонстрирует тот факт, что этимологически общие пресуппозиционные субстантивы влияют на полноту словообразовательной парадигмы производных адъективов с префиксами *не-* и *без-*. Корреляция форм адъективов совпадает на 91%: из 44 пар только 4 не имеют аналогичной формы в родственном языке.

Таблица 5

Производные адъективы с префиксами не- и без- и этимологически близкие пресуппозиционные субстантивы

№	Украинское слово	Русское слово	Пресуппозиция
1	небезрозсудний нерозсудливий розсудливий	нерассудительный рассудительный	укр. <i>розсуд</i> русск. <i>рассудок</i>
2	небезсуперечний безсуперечний суперечний	непротиворечивый противоречивый	укр. <i>суперечка</i> русск. <i>противоречие</i>
3	невідомий відомий	небезызвестный безызвестный неизвестный известный	укр. <i>відомість</i> русск. <i>известие</i>

Языковой материал, зафиксированный в таблице 5, свидетельствует о том, что производные адъективы с префиксами *не-* и *без-* и пресуппозиционные субстантивы имеют общий корень, но отличаются аффиксальным составом основ слов, от которых образованы новые слова. Это влияет на оппозиционную бинарность форм русского и украинского языков. Примеры выявляют следующие несоответствия: из 12 пар 4 не имеют коррелята, что составляет 33%. Однако все слова словообразовательной парадигмы принадлежат к активной лексике в обоих языках. Их частотность отражает процесс селекции языковых

единиц для обозначения понятий «отсутствие» и «наличие» на протяжении длительного времени, поскольку все они образованы от древних корней. Это раскрывает действенные механизмы апперцепции творческого процесса познания человеком мира вещей и явлений.

Таблица 6

**Производные адъективы с префиксами не- и без- и
этимологически различные пресуппозиционные субстантивы**

№	Украинское слово	Русское слово	Пресуппозиция
1	_____	небезвредный	укр. <i>шкода</i>
	_____	безвредный	русс. <i>вред</i>
	нешкідливий	невредный	
	шкідливий	вредный	
2	небездоганный	небезупречный	укр. <i>догана</i>
	бездоганный	безупречный	русс. <i>упрек</i>
	_____	_____	
3	небеззахисний	небеззащитный	укр. <i>захист</i>
	беззахисний	беззащитный	русс. <i>защита</i>
	незахищений	незащищенный	
	захищений	защищенный	
4	_____	небезобидный	укр. <i>образа</i>
	_____	безобидный	русс. <i>обида</i>
	необразливий	необидный	
	образливий	обидный	
5	небеззбройний	небезоружный	укр. <i>зброя</i>
	беззбройний	безоружный	русс. <i>оружие</i>
	неозброєний	_____	
	озброєний	вооруженный	
6	небезмежний	небезграничный	укр. <i>межа</i>
	безмежний	безграничный	русс. <i>граница</i>
	необмежений	неограниченный	
	обмежений	ограниченный	
7	_____	небезразличный	укр. <i>байдя</i>
	_____	безразличный	русс. <i>различие</i>
	небайдужий	_____	
	байдужий	_____	
8	небезпідставний	небезосновательный	укр. <i>підстава</i>
	безпідставний	безосновательный	русс. <i>основа</i>
	не підставний	неосновательный	
		основательный	

№	Украинское слово	Русское слово	Пресуппозиция
9	небезтурботний безтурботний	беззаботный	укр. <i>турбота</i> русск. <i>забота</i>
	турботливий	заботливый	
10	небайдужий байдужий	небезучастный безучастный	укр. <i>байд</i> русск. <i>участие</i>

В таблице 6 сведены примеры, которые демонстрируют различия субстантивов-мотиваторов. В большинстве случаев корни имеют общую этимологию, но дальнейшее развитие семантического ядра не совпадает. Разница пресуппозиций указывает на то, что разные этносы, языки которых являются родственными, неодинаково воспринимают одно и то же явление. Психологическая основа ментальности проявляется в отражении, прежде всего, сложных явлений и понятий, хотя общие словообразовательные ресурсы способствуют образованию структурно подобных или аналогичных номинаций. Это еще раз подтверждает мысль А.А. Потебни о зависимости восприятия человека от многих разнообразных факторов, которые имеют влияние на способы ментальной репрезентации знаний о мире с помощью языка.

Украинское слово *захист* и русское *защита* поясняются в толковых словарях с помощью слов укр. *оборона*, *охорона* и русск. *оборона*, *охрана*. Слово *хист* в украинском языке имеет значение “талант, здатність”, которые никак не связаны с обороной. Но у мужчины заложены способности, умения пользоваться оружием с целью защиты, то есть у них есть талант, хист к военному делу. Эквивалентное русское слово *защита* этимологически соотносится со словом *щит*, которое обозначает в украинском языке “предмет стародавнього ручного вооруження в виде округлої плоскості для захисту от холодного оружжя” [Словарь современного русского языка: В 17 т. Т.4, 1956: 1695]. Это поясняет формальное и смысловое расхождения адъективного новообразования.

Результатом различия мотивирующих субстантивов в третьей группе слов является невозможность 100% образования синонимических пар

с префиксами *не-* и *без-* для вариантов репрезентации понятий «наличие» и «отсутствие». Из 40 пар только 14 не имеют соответствующих аналогов, что составляет 35%. Это связано с социально-историческими условиями развития родственных языков, лексический состав которых постоянно изменялся, обеспечивая потребности в новой номинации.

Например, русск. *упрек* и укр. *догана* не являются синонимами, но количество членов парадигмы одинаково в обоих языках. Смысловые отношения в структуре дериватов допускают словообразовательную синонимию с производными от одинаковых образующих основ с помощью префиксов *без-* и *небез-*, которые выражают отсутствие и наличие признака: русск. *небезупречный*, *безупречный* и укр. *небездоганный*, *бездоганный*. Влияние апперцепции в таких примерах связано с разграничением значений слов в русском и украинском языках, что объясняется историческими причинами языковых изменений.

Развитие современных языков, как русского, так и украинского, направлено на расширение значений слов с помощью абстрактных номинаций. Потенциальные возможности префиксов *не-* и *без-* в русском языке состоят в том, что они могут присоединяться к основам адъективов, образованных от абстрактных субстантивов, которые называют понятия, образы, качества, особенности. Абстрактные понятия при вербализации образуют бесконечные ряды синонимов – репрезентантов понятий «отсутствие» и «наличие».

Таким образом, разработанный А.А. Потебней и использованный нами психолингвистический подход к анализу лексического разнообразия экспликации понятий «наличие» или «отсутствие» позволил установить некоторые закономерности функционирования префиксов *не-* и *без-*, что дает основания утверждать следующее: лингвально выраженные языковые явления психологически обусловлены. Восприятие предметов и явлений материального мира отражается в сознании человека в виде понятий, которые со временем могут вербализоваться. Когнитивная деятельность человека способствует образованию новых слов. Как в математических науках два минуса в совокупности дают плюс, так и в словообразовании реализуется диалектический закон отрицания отрицания.

Последовательное или одновременное присоединение префиксов *не-* и *без-* или *небез-* к основам в большинстве случаев не усиливает отрицание, а дважды изменяет значение, что приводит к образованию синонимичного коррелята производной основы. Именно в этом и наблюдается влияние апперцепции. Вторичное восприятие явного раскрывает словообразовательные ресурсы префиксов *не-* и *без-*, применение которых становится способом экономии языковых единиц.

4.2.2. Нарушение механизма репрезентации сем ‘наличие’ и ‘отсутствие’ в формировании значения слов

Анализируя языковые явления в синхронии и диахронии, языковеды и исследователи смежных областей знаний учитывают их многочисленные изменения, связанные с дискурсом. Древнегреческий философ Платон считал, что связь предмета, явления со словом (именем), которое употреблялось не одним поколением людей, определяется общественной традицией. Язык – это система, которая формировалась стихийно и менялась в течение многих тысячелетий. Поэтому в ней много нелогичного, нерационального и противоречивого (например, многозначность и омонимия). Эту мысль высказывал известный философ XX века Ж. Деррида: «Речь не подчинена законам логики и является противоречивой по своей природе: в ней заложена нестабильность значений, двусмысленность, постоянные семантические изменения, большой объем этимологии, идиоматики и т.п.» [Деррида 2000: 21-22].

Уже в античный период использовалось понятие аномалии, которое древние мыслители связывали с явлением метаплазма, предполагавшим переход одного явления в другое, преобразование одной формы в другую. Категория метаплазма, введенная в риторику древними греками, была перенесена римлянами в грамматику. В грамматиках Доната и Присциана она была выделена в специальный раздел «*De methaplasmo*». И несмотря на то, что существуют большие расхождения в понимании аномалии и метаплазма у древних мыслителей и современных ученых, проблема остается актуальной, ибо «метаплазм предполагал не дискретный, а континуальный подход к аномалии» [Куликова 2011: 4].

Общеизвестно, что развитие мышления людей активно влияло

на развитие языка посредством расширения значений слов, увеличения словарного состава. В то же время и язык способствовал развитию мышления: возникновение письма усиливало его влияние на мышление. Именно язык позволил человеку выйти за пределы чувственных восприятий, присущих животным, и подняться к высшим формам абстрактного мышления. Реализация понятий, как вербальная, так и невербальная, происходит только в речи. В отличие от языка жестов репрезентантами значений “наличие” и “отсутствие” могут быть как отдельные абстрактные лексические единицы с корневой семьей ‘наличие’ или ‘отсутствие’, так и грамматические показатели, которыми являются форманты слов, что, безусловно, влияет на дальнейшее развитие концептуального значения слов.

Формирование значения адъективов как в русском, так и в украинском, языках происходит путем объединения лексического значения мотивирующей основы с общим для всех мотивированных слов значением форманта. На современном уровне развития дериватологии углубляются знания о системности словообразования как языковой подсистемы, которая предусматривает изучение средств и способов образования слов разных частей речи, а также словообразовательных моделей.

Особого внимания заслуживают украинские слова *небезпечний* и *безпечний* – в переводе на русский язык *опасный* / *небезопасный*, *неопасный* / *безопасный*, в которых прослеживается нарушение механизма репрезентации сем ‘наличие’ и ‘отсутствие’.

Существует предположение, что украинское слово *безпека* образовано посредством присоединения префикса *без-* к антропонимическому слову *Пек*. В.В. Жайворонок считает, что в украинской этнокультуре «Пек – по дохристианским верованиям – возможно, божество войны, боев, кровавых столкновений, кровопролития и всякой беды ... возможно, в этот ряд входят и слова *безпека*, *небезпечний*, то есть «без Пека» (Пер. наш. – О.Р.) [Жайворонок 2006: 436] . Но, на наш взгляд, народная этимология не объясняет значение анализируемых слов. Поэтому необходимо обратиться к родственному языку, в нашем случае русскому, и исследовать семантически связанные слова в диахронии.

Указанные украинские и русские эквиваленты *безпечний* – *безопас-*

ный имеют разную presupпозицию, которой являются субстантивы с корнями (укр. – *-печа-* и русск. – *-опаса-*), не совпадающие этимологически, но сохраняющие свое первичное значение.

В украинском языке существуют гетерогенные омонимичные корни с историческим чередованием *к/ч*: *-пек(ч)-* (*пиріжки печуться в духовці*) и *-пек(ч)-* (*матері печуться про дітей*), которые возникли вследствие совпадения этимологически разных слов. Первый корень *-пек-* является исконным и древним. Он встречается в древних формах глаголов и имен существительных, что подтверждают исследования по исторической грамматике лингвистов XIX века. П.А. Лавровский отмечал, что «ежели мы встречаем форму *пекчи* и под., то ясно, что происхождение ее обязано единственно удержанию древнего и органического окончания *чи* и присоединению к нему гортанного согласного в настоящем времени, при утрате чутья, что этот гортанный уже и без того находится в конечном звуке *ч*. Малорусское наречие поступило последовательнее в этом случае: оно, заимствовав от настоящего тематический согласный звук, разумеется, гортанный, удержало в надлежащем виде и признак не определенного склонения *ти*: *текти, пекти, могли*» [Лавровский 1865: 32]. Интересен тот факт, что данный корень совпадает и с языческим именем собственным. Существительное *Пек* (по народным верованиям, Пек – бог войны, сын Чернобога и Мары) сохраняется в идиомах украинского языка: *Цур йому пек, царство Пека*. От этого корня походят слова *пекло, пекельний, спека* (как, прежде всего, “*нестерпні, жахливі умови*” (в русском переводе “непереносимые, ужасные условия”), а уже как следствие – “*жар, вогонь*” (в русском переводе “*жар, огонь*”), что подтверждают идиомы *горіти у пеклі, спека, як у пеклі*). Однокоренными являются слова *печера, піч, пекти*. *Печія* как “*відчуття пекучого болю*” (в русском переводе “ощущение жгучей боли”), на наш взгляд, является уже вторичной номинацией (*пече в грудях*).

Слова украинского языка, имеющие корень *-пек-* с другим значением, появились гораздо позже, в то время, когда часть земель Украины принадлежала Речи Посполитой, и поэтому сохраняют соответствия с польскими словами: *niebezpieczny, bezpieczny, opieka, opiekun*. В разрабо-

танном А.А. Потебней учении о внутренней форме слов говорится о том, что заимствованные слова имеют внутреннюю форму только в том языке, в которой они образовались [Потебня 1976]. Но заимствованные лексические единицы, по мнению лингвиста, могут стать основой новых слов.

Лексикографические источники родственных украинского и русского языков с XVIII столетия фиксируют слова укр. *безпечний* и русск. *беспечный*, которые имеют сходную семантику в обоих языках: укр. “безтурботний” и русск. “беззаботный”. Они образованы с помощью суффикса относительных имен прилагательных *-ьн-* от сочетания предлога *без* и существительного *пека / печа* “турбота, піклування” (в русском переводе “забота, опека”). Существительное *печа* образовано с помощью суффикса *-j-* от *пека* с изменением *к* на *ч* перед *j*. Украинское слово *опіка* и русское слово *опека* были заимствованы из польского языка (*opieka*), которые представляют собой кальку с латинского языка. Для калькирования были использованы префикс *о-* и праславянский корень *-piek-* “турбота, піклування, захист” (в русском переводе “забота, опека, защита”). К однокоренным принадлежат: укр. *пектися* “турбуватися, піклуватися” и русск. *печься* “заботиться”, укр. *опіка* “нагляд за недієздатними” и русск. *опека* “наблюдение за недееспособными лицами”, укр. *опікати* “захищати” и русск. *опекать* “защищать” [Етимологічний словник 1982: 163].

Анализируя проявления и следствия заимствований в украинском языке, Т.Б. Лукинова доказывает, что заимствования лексических элементов происходило тогда, когда возникала необходимость новой номинации, поэтому заимствовались и заимствуются преимущественно существительные. Лингвист также отмечает, что заимствованные слова «не проявляют склонности к значительным семантическим изменениям» [Лукинова 2013]. Именно поэтому производные адективы сохраняют концептуальное ядро значения заимствованного субстантива.

По мнению В.В. Грещука, «образование слова, формирование его семантики – сложный мыслительно-речевой процесс, недоступный для непосредственного наблюдения. При таких условиях необходимым в исследовании словообразовательных процессов и закономерностей формирования значений производных является их моделирование на основе ре-

зультатов деривации, доступных для наблюдения. Динамический аспект исследования словообразования предусматривает возможность синхронной реконструкции словообразовательных процессов и моделирования их реализации» (Перевод наш. – О.Р.) [Грещук1995: 32].

Метод этимологического и компонентного анализа семантической структуры языковых единиц позволил определить их смысловые вариации. «Поведение» морфем в украинских словах *небезпечний*, *безпечний* и русских *опасный* / *небезопасный*, *неопасный* / *безопасный* привело к результату, который трудно было предсказать. Антонимическое значение “наличие” и “отсутствие” передают образования с одинаковыми префиксами, но префиксы с семантикой “отсутствие” не придают словам противоположное значение.

Попробуем объяснить, в чем же состоит такая нелогичность. Во-первых, слова с префиксами *не-* и *без-* не обозначают “отсутствие”, а с префиксом *небез-* не имеют сему ‘наличие’. Во-вторых, нарушена словообразовательная цепочка: в украинском языке вообще не существует прилагательного, от основы которого было бы образовано второе звено цепочки. – *безпечний*. В русском языке то, что должно быть деривационной основой, соотносится с украинским словом с двойной префиксацией: русск. *опасный* и укр. *небезпечний*. Аналогом украинского слова *небезпечний* выступает русское *небезопасный*, которое образовано также двойной префиксацией. Однако в украинском корреляте признак опасности проявляется в полном объеме, а в русском – в меньшей степени. Мы соглашаемся с мыслью В.В. Грещука о том, что «семантика деривата далеко не всегда является суммой значений формально-смысловых компонентов, которые его образуют» (Перевод наш. – О.Р.) [Грещук1995: 32]. Высказанное выше подытожим в таблице (см. табл. 7).

Анализ представленных слов наводит на мысль о том, что укр. *безпечний*, *небезпечний* и руск. *опасный* / *небезопасный*, *неопасный* / *безопасный* являются нарушением общей тенденции развития родственных языков. На образование украинских адъективов повлияла европейская традиция, по которой романо-германские языки потеряли двойное отрицание уже в XVI веке. Поэтому и наблюдается расхождение в исполь-

зовании языках словообразовательных ресурсов для репрезентации сем ‘наличие’ и ‘отсутствие’. Это одновременно подчеркивает своеобразие и уникальность каждого из родственных языков, примеры из которых исследовались. Уместным считаем выражение французского философа Ж. Деррида о том, что «логос – ничто вне истории и бытия, поскольку это дискурс, бесконечная дискурсивность, а не актуальная бесконечность; поскольку это сенс. И феноменология обнаружила, что ирреальность или идеальность сенса входят в число ее собственных предпосылок. И наоборот: никакая история как собственная традиция и никакое бытие не имели бы сенса без логоса, который и является тем, что распространяет и приумножает смысл» [Деррида 2000: 214].

Таблица 7

**Эквивалентные абстрактные понятия с семами
‘наличие’ и ‘отсутствие’**

укр. <i>-печа-</i>	русс. <i>-опаса-</i>
–	<i>опасный</i>
<i>безпечний</i>	<i>неопасный / безопасный</i>
<i>небезпечний</i>	<i>опасный / небезопасный</i>

Общественные процессы в стране обусловили переоценку некоторых явлений, что нашло отражение в пределах сочетаемости корреляционных пар русск. *безопасный* – укр. *безпечний*. Материал современной живой речи дает основания утверждать, что смысловые мотивационные отношения зависят от необходимости выделить одно из словообразовательных значений. Не случайно в диалектной русской речи сохраняется слово *безопасышно* в значении “смело”.

Следует отметить, что сфера функционирования проанализированных адъективных дериватов не ограничена, поскольку они стилистически не маркированы и синтагматически не связаны.

Мы еще раз констатируем тот факт, что концептуальные системы существуют в динамике, что отражается и в ментальном лексиконе. Понимание слов укр. *безпечний* – русск. *безопасный* и производных от них *безпека* – *безопасность*, а также их интерпретация на разных этапах исторического развития неоднозначны, в каждую историческую эпоху челове-

чество имело свое представление об указанных вербализированных понятиях. В архаичном обществе человеку было достаточно выражений *Без Пека, Хай йому Пек*, чтобы побороть внутренний страх, который был связан с невозможностью научно пояснить природные явления. Но в XVIII столетии, когда человек уже не считал себя частицей природы, а был членом развитого общества, появилась необходимость создания новой когниции и ее языковой репрезентации, что связано с развитием научного знания и социума. Человек искал защиты в государственных учреждениях. Языковая концептуальная система уже была иной, потому украинское слово *безпека*, которое образовано от *безпечний* никак не соотносится с приведенными выше идиоматическими выражениями. В XV веке в Европе было покончено с феодальной раздробленностью и были созданы первые европейские государства, предпосылкой создания которых и консолидирующим фактором образования было формирование национальных языков. Процесс лексического и грамматического становления большинства языков европейских держав продолжался до конца XIX столетия, а некоторых до первой половины XX века (например, чешского). Национальные языки сохраняют свою аутентичность, используя непродизводные и народно-мотивированные лексические единицы (такие, как *Пек, пекло* и другие). Наряду с ними появляются заимствования, которые отражают современные языковые явления, возникшие под влиянием экстралингвальных факторов. Таким образом, способы выражения разных ментальных понятий обусловлены и ограничены когнитивным опытом говорящего, коммуникативным контекстом индивида как члена социума, влиянием межкультурного трансфера.

Мы считаем, что бинарная оппозиция понятий «наличие» и «отсутствие», несмотря на существующие аномалии в репрезентации сем 'наличие' и 'отсутствие', служит основой для пояснения и разграничения как отдельных слов, так и понятий.

4.3. Экспланаторный потенциал понятия «отсутствие»

Современные языковедческие студии строят свои теории, исходя из принципов антропоцентризма, экспансионизма, функционализма и экс-

планаторности. Понятие «отсутствие» имеет в своей семантике универсальный экспланаторный потенциал, заложенный в коллективной памяти носителей определенной культуры. Подтверждением сказанного является утверждение У. Эко о том, что «культура (которая начинается с самых элементарных процессов восприятия) в том и состоит, чтобы наделять значениями природный мир, состоящий из “присутствий”, т.е. превращать присутствия в значения. Так что, когда желают спасти этот самый не укладывающийся в смыслы, несомые произведением, не поддающийся коммуникации “остаток”, неизбежно “присутствие” оборачивается “отсутствием”, неким засасывающим водоворотом, у которого мы непрестанно испрашиваем новых смыслов и “присутствие” которого было бы не более чем импульсом к непрекращающемуся, бесконечному процессу семиозиса» [Эко 2004: 364].

В конкретных ситуациях отвлеченное понятие «отсутствие» приобретает материальное выражение, вербализируются и понятия семой 'отсутствие'. Достаточно часто концептуальные значения в языке устанавливаются с помощью акцента на том, что отсутствует, а не на том, что содержится в ядерной семе. При этом определяемая и определяющая посредством понятия «отсутствие» дефиниции являются антонимами. Наглядным примером служит абстрактная номинация *мир*, в значении которой заложена сема 'отсутствие': «Мир – 1. Отсутствие вражды, разногласий (*Жить в мире*). 2. Отсутствие войны, вооруженных действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов (*Мир между народами*)» [Комплексный словарь русского языка 2009: 458]. Такой подход к определению дефиниций не является новым, поскольку используется в лексикографических описаниях понятий [Комплексный словарь русского языка 2009], в теоретических обоснованиях концептов [Болдырев 2003] и в научных трактовках категорий [Болдырев 2010; Каспэ 2005]. Рассмотрение понятия «отсутствие» в когнитивном аспекте предполагает интерпретацию функционирования коррелирующих понятий «отсутствие» и «присутствие» в дискурсе, поэтому в работе представлены дискурсивные процедуры интерпретирующего характера, которые репрезентируют вербально-семиотическую деятельность

человека. Это связано с тем, что понятие «отсутствие» обладает значительным потенциалом в плане пояснения семантики слов, а в основе противопоставления слов с ядерными семами ‘отсутствие’ и ‘присутствие’ находятся причинно-следственные отношения. Именно эти отношения помогают вскрыть сущность оппозиций на основе принципа экспланаторности.

Оппозиты *отсутствие* – *присутствие* были предметом нашего исследования, они были подвергнуты анализу как этимологически связанная бинарная пара (см. 3.1.). Традиционно антонимы описываются в зависимости от морфологического строения (формальное подобие) или от характера обозначаемой противоположности (семантическая классификация). Рассмотрение данных антонимов в аспекте дискурсивно-функциональных связей (выражаемые отношения) является, на наш взгляд, и интересным, и перспективным.

Согласно семантической классификации слова в бинарной паре *отсутствие* – *присутствие* относятся к контрадикторным антонимам. Однако слова, толкование которых не обходится без пояснительных лексем *отсутствие* – *присутствие*, уже являются контрарными антонимами и обнаруживают градуальную противоположность (например, *талантливый* – *бездарный*). Такие языковые единицы представляют крайние члены семантической оппозиции: отсутствие чего-либо является минимальной или низшей степенью проявления признака (например, отсутствие таланта – “бездарность”), а присутствие чего-либо – максимальной или высшей степенью проявления признака. Поскольку градуальные антонимы передают качественные характеристики, включая, в том числе, пространственно-временные, их можно разместить на оси координат.

Понятия «отсутствие» – «присутствие» являются семантически недостаточными, поэтому требуют уточнения в контексте, приобретая при этом различные коннотации. В зависимости от семантического пространства, даже от минимального контекста будут меняться средние члены градуального ряда. Например, слово *голод* определяет “чувство, вызванное отсутствием еды”, а слово *сытость* обозначает “отсутствие чувства голода”. Абстрактные субстантивы *голод* и *сытость* передают признаки адъективных имен *голодный* и *сытый*, от которых они образованы. Если расположить антонимы на оси координат, то слово *сытый* не будет являться крайней точкой противопоставления, а, напротив, является

точкой отсчета:

Рис. 3. Системная представленность оппозитивов *голодный* и *сытый*

Аналогичный пример оппозитивов *безграмотность* и *грамотность*:

Рис. 4. Системная представленность оппозитивов *безграмотность* и *грамотность*

В обоих случаях представлена двувекторная шкала, которая показывает убывание / нарастание признака. В.П. Мусиенко, описывая языковые средства градации признака, указывает на то, что «анализ шкалы с точки зрения распределения напряжения обнаруживает стремление языка к

флангам, что получило в лингвистике название “закона краев шкалы”, в то время, как область средней нормы – центр зачастую оказывается лексически не выраженной, либо носит пустые номинации типа средний, обычный, нормальный» [Мусиенко 1997: 35].

В приведенных примерах ярко выражена семантика переходности. Мы, бесспорно, соглашаемся с высказыванием М.Р. Львова по поводу того, что «антонимические слова, выражающие крайние члены проявления качества, обнаруживают симметрические отношения и отстоят друг от друга в парадигме на одинаковом семантическом расстоянии от точки отсчета» [Львов 2012 (2): 15].

Градуальные антонимические образования с ядерной семьей ‘отсутствие’ или ‘присутствие’ не только могут быть представлены на оси координат, но и образуют семантические поля, в которых полярными становятся полюса ‘отсутствие’ – ‘присутствие’, а также и другие компоненты, входящие в эти поля. Авторскую позицию подкрепим цитатой М.Р. Львова о том, что «языковые знаки дискретны, раздельны. Стремясь “покрыть” семантическое поле, они притягиваются друг к другу; сохраняя свою самостоятельность, напротив, отталкиваются друг от друга» [Львов 2012 (2): 16]. Мы считаем, что функционально-семантическая систематизация зависит от уточняющего элемента (процесс интерпретации), а группировка антонимов может проводиться по различным полям, которые имеют точки пересечения и наложения, поскольку языковые элементы в речи реализуют способность к приращению смыслов (процесс порождения).

Современный функционально-семантический подход к анализу языкового материала предполагает рассмотрение процесса порождения того или иного смысла, который происходит в дискурсе. При этом мы опираемся на классическое определение дискурса Н.Д. Арутюновой как «речи, “погруженной” в жизнь» [Арутюнова 1990: 137]. Языковые элементы используются отдельными индивидами избирательно в определенных коммуникативных условиях, отражением чего служат ассоциативные поля, в которых происходит группировка языковых единиц на разных основаниях.

Ассоциативное поле репрезентирует семантические связи языковых единиц, функционирующих в дискурсе. Поскольку язык обладает мощным потенциалом, то в речи индивидуумов (в текстах) актуализируются все возможные варианты ядра поля, а на периферии доминируют лексе-

мы, имеющие в значении сему ‘отсутствие’ или ‘присутствие’.

Например, в ассоциативном поле ВРЕМЯ можно выделить ядро ‘день’. Данный временной отрезок у разных людей вызовет неоднородные ассоциации, и как следствие – разные противоположности. На периферии ‘день’ может быть представлен словами *будничный* или *выходной* (при конкретизации *работа*), *рассвет* и *закат* (при конкретизации *солнце*) и т. п. Графическое изображение ассоциативного поля в виде окружностей, которые могут пересекаться или не пересекаться и в зависимости от наполнения будут шире или уже, демонстрирует это наглядно (см. рис. 5).

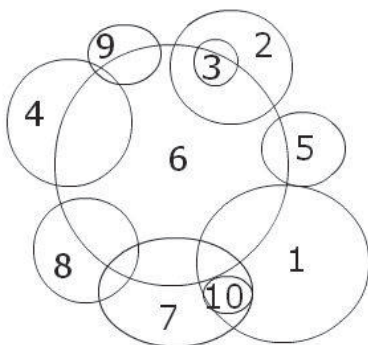

Рис. 5. Ассоциативное поле ВРЕМЯ:

1 сутки (*ночь – день*), 2 полоса (*черная – белая*), 3 дата (*праздничная – скорбная*), 4 сезон (*летний – зимний*), 5 возраст (*молодость – старость*), 6 день (*будничный – выходной*), 7 день (*рассвет – закат*), 8 промежуток (*мгновение – бесконечность*), 9 каникулы (*насыщенные – рутинные*), 10 утро (*бодрое – вялое*).

Когнитивисты изучают язык в связи с человеческим мышлением и человеческой деятельностью прежде всего потому, что без человека системы языка не было бы и функционирование языковых единиц было бы невозможным. Посредством языка объективируется мыслительная деятельность человека, а когнитивные и языковые структуры находятся в определенных отношениях. Когнитивная лингвистика при определении способов ментальной репрезентации абстрактных понятий с помощью языка учитывает такие свойства человеческого мозга, как восприятие, воображение, внимание, память. Литературовед И. Каспэ в книге «Искусство отсутствовать», рассуждая о модальности восприятия, подчерки-

вает: «апелляция к восприятию, разумеется, важна, поскольку влечет за собой попытку описать институциональные и коммуникативные ресурсы, которые такое восприятие поддерживают» [Каспэ 2005: 28]. В процессе познавательной деятельности происходит восприятие и понимание человеческого языка, переработка полученных знаний и их логическое осознание, аргументация необходимости этих знаний и запоминание.

Каждое отдельно взятое ассоциативное поле включает разноплановый набор функциональных лексических единиц. Интерпретация понятий «отсутствие» – «присутствие» зависит от конкретизации, которая у разных людей неоднозначна и неодинакова в зависимости от субъективного восприятия. Конкретизация представляет собой первую ассоциацию, на основании которой возможно противопоставление.

В памяти человека сохраняется большой набор разнообразных абстрактных понятий, которые актуализируются во время восприятия. Понятия как структуры, находящие репрезентации в языке и речи, сохраняются в сознании человека, в частности, в памяти, и используются не только для идентификации новых явлений, но и для интерпретации семантики лексем. Модус или интерпретация позволяют установить причинно-следственные связи в моделировании процесса пояснения значения слова на когнитивном уровне. Интерпретация, как и модус, объективна и субъективна одновременно, последняя определяется креативным характером языковой и мыслительной деятельности человека.

Исследуя сознание и язык, мы применили в работе один из методов когнитивной лингвистики – метод интерпретации. Специфика интерпретации состоит в том, что ее структура базируется на алгоритме человеческого познания, в основе которого находится стремление к установлению взаимозависимостей.

В дискурсе как речевой объективации когнитивно-коммуникативной деятельности человека происходит актуализация значений слов на основе индивидуальной интерпретации. В бесконечном континууме (пространстве и времени) окружающей действительности человек выделяет дискретные объекты и явления, которые обладают различными признаками. Интерпретирующая функция языка на концептуальной основе позволяет не только противопоставить типичные феномены, но и представить их во взаимосвязи. Эти интерпретации или модусы гетерогенны и способны передавать широкий диапазон дискурсивных смыслов, которые в каждом

отдельном случае зависят от конкретизации.

Функциональная корреляция понятий «отсутствие» – «присутствие», имеющая место в дискурсе, представлена нами в таблице (см. табл. 8). Собранный языковой материал мы условно распределили в пределах пяти ассоциативных полей. Количество полей намеренно свели к минимуму, поскольку человек, являясь субъектом дискурса, воспринимает объекты (живые и неживые) и явления (также в широком понимании), находящиеся в пространстве и во времени. Обе пары (объекты и явления / пространство и время) обладают определенными свойствами. Мы включили в таблицу (см. табл. 8) наиболее частотные и регулярные варианты модуса или интерпретации понятий «отсутствие» – «присутствие», которые, на наш взгляд, выявляют разноплановость дискурсии.

Таблица 8

Функциональная корреляция понятий «отсутствие» – «присутствие»

<i>Ассоциативное поле</i>	<i>Ядро поля</i>	<i>Модус или интерпретация понятий «отсутствие» – «присутствие»</i>	<i>Конкретизация противопоставления</i>
ПРОСТРАНСТВО	аудитория небо страна местность пляж остров луг шоссе море рельеф маршрутка дом желудок	просторная – тесная ясное – пасмурное родная – чужая пустыня – оазис чистый – грязный обитаемый – безлюдный заросший – скошенный пустынное – оживленное спокойное – бурное равнинный – холмистый пустая – забитая тихий – шумный пустой – полный	студенты тучи язык вода мусор население трава машины волны возвышенность люди дети еда

<i>Ассоциативное поле</i>	<i>Ядро поля</i>	<i>Модус или интерпретация понятий «отсутствие» – «присутствие»</i>	<i>Конкретизация противопоставления</i>
ВРЕМЯ	сутки полоса дата сезон возраст день день день промежуток каникулы отпуск утро ночь	ночь – день черная – белая праздничная – скорбная летний – зимний молодость – старость будничный – выходной рассвет – закат свободный – загруженный мгновение – бесконечность насыщенные – рутинные насыщенный – рутинный бодрое – вялое темная – ясная	свет горе радость тепло морщины работа солнце дела длительность программа настроение отдых звезды
ОБЪЕКТ	кошелек одежда человек государство животное завод кафе шар стакан ручка карман сумка папка	пустой – полный дорогая – дешевая радостный – печальный монархия – анархия домашнее – дикое прибыльный – нерентабельный уютное – неуютное надутый – сдутый полный – пустой пишущая – исписанная целый – драный легкая – тяжелая толстая – пустая	деньги качество настроение власть прирученность доход атмосфера воздух жидкость чернила дырка вещи документы
ЯВЛЕНИЕ	погода погода звук стихия климат ветер туман водопад эффект эрозия	солнечная – мрачная штиль – шторм громкий – тихий наводнение – засуха арктический – тропический густой – слабый сильный – слабый тихий – шумный сильный – слабый полная – локальная	дождь ветер сила дождь влажность скорость видимость энергия впечатление ржавчина

<i>Ассоциативное поле</i>	<i>Ядро поля</i>	<i>Модус или интерпретация понятий «отсутствие» – «присутствие»</i>	<i>Конкретизация противопоставления</i>
СВОЙСТВО	вкусный настроение сюжет здоровье просьба поведение смысл должность зависть кости	пресный – насыщенный приподнятое – подавленное захватывающий – нудный хорошее – слабое одолжение – распоряжение нравственное – аморальное глубокий – бессмысленный вакантная – занятая белая – черная хрупкие – крепкие	специи проблемы интерес болезни категоричность воспитание содержание специалист доброта кальций

В коммуникации как основной функции языка для понимания нюансов в значении понятия «отсутствие», ответ на вопрос *Почему?* является важным, потому что вскрывает причину, дающую пояснение следствию. Например, в ассоциативном поле ПРОСТРАНСТВО выделяем замкнутое пространство ‘аудиторию’ (ядро поля). Выдвижение на первый план в качестве семантического ядра ‘аудитория’, а не ‘комната’, обусловлено проведением ассоциативного эксперимента среди студентов. С этим связываем и то, что аудитория может быть противопоставлена как *просторная* и *тесная*. Интерпретация предполагает ответы на вопросы, которые поясняют основы противопоставления. Почему аудитория *просторная*? Например, потому что в ней мало студентов, потому что в ней наблюдается отсутствие студентов. Почему аудитория *тесная*? Потому что в ней много студентов, потому что в ней наблюдается присутствие студентов. Противопоставление по признаку отсутствие или присутствие студентов непосредственно связано с определением дефиниции: «Аудитория – 1. Помещение для чтения лекций, докладов (*Тесная аудитория*). 2. Слушатели лекции, доклада, речи (*Внимательная аудитория*)» [Комплексный словарь русского языка 2009: 14-15]. Может быть и другая интерпретация. Характеристика пространства зависит и от его размеров (*большая – маленькая аудитория*), и от заполненности не только кем-то (*слушателями, студентами*), но и чем-то (*заставленная мебелью, складированными*

трубами, захламленной вещами), кроме того, эта характеристика зависит от конкретной ситуации и цели использования данного помещения (например, может быть *тесной* для контрольной работы, где студентов надо рассадить по одному, или для ролевой игры и т.д., но быть вполне *просторной* для проведения практического занятия в той же группе и т.п.).

В представленном ассоциативном поле ПРОСТРАНСТВО с ядерной зоной ‘аудитория’ на периферии возможны и другие противопоставления, которые повлекут за собой и другие пояснения: аудитория может быть *внимательной* или *невнимательной*, *темной* или *светлой*, *чистой* или *грязной*, *удобной* или *некомфортной* и т.п. Интерпретации гетерогенны, поскольку каждый человек вкладывает свое понимание и отношение к объектам, явлениям, устанавливает взаимосвязи, отражающие разнообразие смыслов. В этом состоит субъективность интерпретаций. Но в самом языке уже заложена возможность интерпретировать. И в этом проявляется объективность интерпретаций. В интерпретациях представляются дискурсивные смыслы объективной действительности с учетом индивидуального восприятия. Подтверждением сказанного является и одно из определений дискурса в работах О.В. Лещака: «Дискурс представляет собой своеобразный фактор прагмафункционального единства лингвосомиотического опыта в пределах заданных спецификационных критериев» [Лещак 2015: 65-66].

Сделать вывод о ментальных языковых репрезентациях понятий «отсутствие» и «присутствие» и осознать основание их противопоставления помогает выяснение причинно-следственных отношений, поясняющих отсутствие и присутствие подчинительной конструкцией с союзным словом *потому что* (например, *это нечто является отсутствием, потому что чего-то нет, кого-то нет или вообще нет ничего и никого*). Именно эти отношения помогают вскрыть сущность данной оппозиции на основе принципа экспланаторности.

Например, противопоставление в ассоциативном поле ПРОСТРАНСТВО с ядерной зоной ‘местность’ *оазис* определяется как “место в пустыне, где есть вода и растительность”. *Пустыня* характеризуется “отсутствием воды, растительности, населения”, другими словами *эта*

местность является пустыней, потому что там нет воды, растительности, населения. Деривационные отношения демонстрируют связь языковых единиц *пустыня* и *пустой*. Слово *пустыня* является производным от слова *пустой*, которое имеет два номинативных значения: «1. Такой, в котором или на котором ничего нет (*Пустой стакан, чемодан, мешок*). 2. Такой, внутри которого ничего нет (*Пустой дом, автобус*)» [Комплексный словарь русского языка 2009: 821]. И в первом и во втором случаях дефиниция *пустой* определяется с помощью двойного отрицания, выраженного отрицательным местоимением *ничего* и предикатом *нет*, которые являются материальными репрезентантами понятия «отсутствие». В тоже время *пустыню* можно отличить от иной местности по наличию, например, песка (если это песчаная пустыня). В конкретном тексте доминирование понятия «присутствие» (в данном случае песка) будет более существенно, чем понятие «отсутствие» (кроме песка ничего нет). Однако восприятие *пустыни* неодинаково: она *не пустая* для тех, кто постоянно живет там.

Таким образом, оба понятия и «отсутствие» и «присутствие» являются онтологически значимыми при восприятии и описании объективного мира. Понятие «присутствие» является первичным и вещественно определенным по отношению к понятию «отсутствие». Понятие «отсутствие» вторично, менее точно и имеет более высокий уровень абстракции. По мнению У. Эко, «во всей этой механике значимых оппозиций в конечном счете главное, так это то, что она дает нам систематическую возможность узнавать то, что есть, по тому, чего нет» [Эко 2004: 433]. В вариативной паре «отсутствие» – «присутствие» ведущим является понятие «отсутствие», которое пронизывает все как в языковой системе, так и в реальном мире вещей. Понятие «присутствие», отступая на второй план, открывает новые возможности для реализации экспланаторного потенциала понятия «отсутствие».

Выводы

В контексте современной когнитивной лингвистики исследование абстрактных понятий приобрело особую значимость. Несмотря на то, что

имеется целый ряд работ, в фокусе внимания которых находились понятия «отрицание» и «пустота», тема себя не исчерпала, а анализ указанных понятий в корреляции с понятием «отсутствие» позволил их представить в ином аспекте. Опираясь на уже имеющиеся достижения когнитивной лингвистики в плане методов анализа языкового материала, а именно применение метода прототипов, совмещение исторического, психологического и социокультурного подходов в исследовании языковых единиц, мы сопоставили понятия «отсутствие» с понятиями «пустота» и «отрицание» и определили некоторые особенности их корреляции друг с другом на материале русского языка.

Концептуальный анализ языковых фактов свидетельствует о том, что понятие «отсутствие» и понятия «отрицание» и «пустота» мы можем расположить на семантической оси переходности, тогда их корреляция будет зависеть от материальных репрезентантов. Новые номинации, появившиеся в языке, как репрезентанты понятия «отсутствие», заменили выражения с прототипами *нет* и *без*, поскольку они были не конкретными и не были способны выражать субъективные нюансы, которые приобрели лексемы.

Рассмотрев языковые референты понятия «отсутствие», мы можем сделать следующие выводы: существующие в русском языке прототипы понятия «отсутствие» *нет* и *без* в большинстве случаев развились в новые номинации, выражающие данное понятие; слова, непосредственно или косвенно определяемые с помощью понятия «отсутствие» чаще передают негативную коннотацию, которая может иметь различную степень проявления; не все номинации будут вновь созданы на основе необходимости выразить понятие «отсутствие», такие слова могут заимствоваться; не все слова могут определяться посредством понятия «отсутствие»; не всегда прототипы *нет* и *без* могут воплощаться в новой лексеме.

С опорой на словарные дефиниции нами были выделены лексико-грамматические варианты репрезентации понятия «отсутствие». В результате их анализа выяснено и установлено, что, во-первых, появление нового слова вместо лексико-грамматического выражения понятия «отсутствие» с помощью языковых средств *не* и *без* является более вы-

сокой ступенью в абстрагировании, а во-вторых, замена высказывания одним словом манифестирует проявление тенденции языковой экономии, поскольку наблюдается меньшая затрата времени и усилий человека для выражения мысли.

Появившаяся номинация явилась результатом длительного психологического процесса, в котором человеческий опыт был закреплён речевой практикой. Этот процесс мы связываем с апперцепцией.

Наше понимание процесса апперцепции строится на определении данного понятия отечественным языковедом А.А. Потебней, которым понятие апперцепции было перенесено из психологии и введено в лингвистику. На основании теоретических положений, изложенных в фундаментальном труде «Мысль и язык», нами было рассмотрено влияние апперцепции на раскрытие словообразовательного потенциала префиксов в русском и украинском языках в парадигме когнитивной лингвистики.

На основе анализа языкового материала можно сделать вывод о том, что вторичное восприятие имеющегося уже отрицания не придает слову противоположного значения. Такие языковые факты являются достаточно распространенными в русском языке.

Теоретическое осмысление аналогичных (закономерных) и аномальных (случайных) языковых явлений имеет давнюю традицию, но эта проблема продолжает оставаться актуальной. Современные лингвистические исследования проводятся под знаком углубления знаний о системе и структуре языка и исследования исключений из общих правил на всех уровнях языковой системы.

Нарушение механизма репрезентации сем ‘*наличие*’ и ‘*отсутствие*’ показано нами на материале русских и украинских эквивалентных слов *безопасный* – *безпечний*, которые представляют собой семантическую и морфологическую аномалию одновременно. Антонимические компоненты значения “наличие” и “отсутствие” передают образования с одинаковыми префиксами, но префиксы с семой ‘отсутствие’ не придают словам противоположного значения. Проведенный этимологический и компонентный анализ показал, корреляты родственных языков объединяет первичное значение, которое сохраняется в корнях – “тот, который не требует

заботы”.

Формирование значений эквивалентных адъективов в русском и украинском языках (*безопасный – безпечний*) происходит разными путями и демонстрирует аутентичность каждого из родственных языков. Это еще раз свидетельствует о том, что социокультурный трансфер отражает языковые особенности и накладывает отпечаток на развитие семантики слов.

Бинарная пара понятий «отсутствие» vs «присутствие» также была рассмотрена в аспекте представления различных дискурсивных смыслов объективной действительности с учетом индивидуального восприятия. При анализе вербальных репрезентаций оппозиции отсутствие vs присутствие применялся метод интерпретации. Опираясь на данные анкетирования, была установлена функциональная корреляция понятий «отсутствие» vs «присутствие». В ассоциативных полях ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ОБЪЕКТ, ЯВЛЕНИЕ, СВОЙСТВО были выделены ядро поля, модус (или основа интерпретации), установлена конкретизация противопоставления указанных понятий. Мы пришли к выводу о том, что в вариативной паре «отсутствие» – «присутствие» ведущим является понятие «отсутствие», поскольку оно обладает значительным экспланаторным потенциалом.

ГЛАВА 5. «ОТСУТСТВИЕ» В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: СУЩНОСТЬ VS ЯВЛЕНИЕ

5.1. Грамматическая лакунарность как проявление понятия «отсутствие»

Проблемы, связанные с изучением лакунарности в языковой системе, неоднократно были объектом научных дискуссий [Жельвис 1977; Стернин 1999], но остаются актуальными и сегодня [Байрамова 2011; Быкова 2003]. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить грамматические лакуны, что поможет объяснить лингвокультурные и лингвopsихологические истоки грамматических универсалий.

В современных исследованиях по лингвистике довольно часто встречается описание различных ассоциативных экспериментов, которые в основном представлены на ассоциативно-лексической платформе (изучаются реакции на слова-стимулы). Однако проведение и описание психолингвистического эксперимента при исследовании грамматических понятий не менее интересно.

Необходимо отметить, что грамматические лакуны изучены менее тщательно [Быкова 2003; Стернин 1999], чем лексические. Это связано в первую очередь с тем, что лексическая лакунарность во многом влияет на эффективность коммуникации, и непосредственно ярко проявляется при переводе с одного языка на другой. Однако нельзя умалять и роль грамматики в процессе общения, поскольку несовпадение или отсутствие грамматических форм в одном из языков также приводит к непониманию.

Каждая грамматическая форма предстает как некое структурное упорядочение исторической, онтологической или психологической реальности. Грамматические категории культурно обусловлены, они претерпевают изменения под влиянием узуса, когда отклонения от нормы перестают рассматриваться как аномалии. Конкретные способы языкового выражения отождествляются с определенным мировоззрением [Эко 2004].

Традиционным направлением исследований является изучение существующих в языке / языках грамматических универсалий. При этом отсутствие тех или иных грамматических категорий и граммем в языке / языках чаще рассматривается как исключение, которое исторически и психологически обусловлено.

Современный исследователь Л.К. Байрамова подчеркивает, что лакунарность относится к универсальным категориям и присуща абсолютному большинству языков мира. В своих работах она разграничивает в лингвальной лакунарности два типа: лакунарные единицы и лакуны. Лакунарные единицы языковед называет уникалиями. По ее мнению, парадигма *универсалии – уникалии – лакуны* репрезентирует уникалии в универсалиях [Байрамова 2011: 22-27]. Для нашего исследования такое мелкое дробление не играет существенной роли, мы воспринимаем термины *лакунарные единицы* и *лакуны* как синонимы, хотя считаем, что в каждом конкретном языке, в данном случае русском, эти языковые явления относятся к уникальным, исключительным. Мы вслед за Е.А. Селивановой [Селиванова 2006] определяем лакуну как базовый элемент национальной специфики лингвокультурной общности, которая усложняет перевод текстов и восприятие реципиентами других культур, так как в разных языках могут отсутствовать соответствующие единицы разных уровней языка, обозначения понятий, категорий, ассоциативных реакций, а также паравербальных способов речи.

Мы считаем, что ассоциативный эксперимент поможет объективному изучению грамматической лакунарности. В то же время привлечение ассоциативного эксперимента в качестве приема сбора и анализа языкового материала, на наш взгляд, имеет определенную методологическую ценность.

Ассоциативный эксперимент является психолингвистическим методом исследования, который опирается на психологическое учение А.А. Потебни и развивает многие положения его теории.

При определении метода исследования языковых явлений А.А. Потебня опирается на историзм познания. С историческим аспектом изучения языка в его работах тесно связан психологизм познания. Ученый распространяет данный принцип на анализ каждого слова и каждой грамматической формы. Поэтому языковедческая концепция А.А. Потебни подчеркнута психологическая. Идеи психологизма в учении отечественного языковеда, в свою очередь, берут свои истоки в трудах немецкого педагога, философа-идеалиста, основоположника ассоциативной психологии И.Ф. Гербарта. Опора на психологическое учение А.А. Потебни, на наш взгляд, подтверждает, что такой эмпирический психолингвистический способ как ассоциативный

эксперимент является научно обоснованным методом исследования.

Эксперимент включал анкетирование и обработку собранной информации. В качестве респондентов были привлечены студенты-пятикурсники факультета иностранной филологии ХНПУ имени Г.С. Сковороды, изучающие английский и другие иностранные языки. Общее количество информантов – 50. Все сведения, полученные во время эксперимента, отражены в таблице (см. табл. 9). Первый столбец таблицы содержит вопросы анкеты, предложенной студентам, второй – варианты их ответов, третий – количество одинаковых мнений и их процентное соотношение. Некоторые респонденты давали несколько ответов на один вопрос, поэтому количество ответов превышает цифру 50.

Таблица 9

Результаты ассоциативного эксперимента

	<i>Вопросы анкеты</i>	Кол-во ответов и %
№1	С чем у Вас ассоциируется понятие «отсутствие» в грамматике?	
<i>Ответы респондентов</i>	1. Нулевой морфемой: а) нулевой морфемой; б) нулевой флексией; в) нулевым аффиксом.	27/54 11/22 14/28 3/6
	2.Отсутствием грамматических категорий.	9/18
	3. Отсутствием грамматических форм.	3/6
	4.Отсутствием одного из членов оппозиции.	3/6
	5.Неполными и/или эллиптическими предложениями.	5/10
	6.Не применимо к грамматике.	3/6
	7.Другие (единичные) ответы.	14/28
№2	Имеет ли графическое обозначение понятие «отсутствие» в языковой знаковой системе?	
<i>Ответы респондентов</i>	1. ☐ – графическое обозначение нулевой флексии.	8/16
	2. «-» знак тире, который заменяет отсутствующий член предложения.	6/12
	3. Ø – обозначение отсутствия свойств у одного из членов оппозиции.	2/4
	4. Не имеет графического обозначения в грамматике.	5/10
	5. Другие (единичные) ответы.	10/20

	Вопросы анкеты	Кол-во ответов и %
№3	Каким синонимом можно заменить слово <i>отсутствие</i> , употребляемое при анализе лингвистических (грамматических) единиц?	
Ответы респондентов	1. Потеря/ исчезновение/ утрата.	20/40
	2. Несуществование/ «неналичие»/ «неимение».	9/18
	3. Замещение.	6/12
	4. Упрощение.	4/8
	5. Выпадение.	4/8
	6. Пропуск /опущение.	4/8
	7. Пробел.	3/6
	8. Неупотребление.	2/4
	9. Усечение.	2/4
	10. Нехватка.	2/4
	11. Упразднение.	2/4
	12. Другие (единичные) ответы.	2/4
		10/20
№4	Какой антоним к слову <i>отсутствие</i> , используемый при противопоставлении в грамматике, Вы считаете наиболее удачным?	
Ответы респондентов	1. Наличие.	22/44
	2. Присутствие.	20/40
	3. Существование.	9/18
	4. Возмещение/ компенсация/ восполнение/дополнение.	9/18
	5. Заполнение/создание/образование/появление/формирование	9/18
	6. Замещение/замена.	4/8
	7. Употребление/применение.	3/6
	8. Вариация/расширение.	2/4
	9. Презентация.	1/2
	10. Восстановление.	1/2
	11. Идентификация.	1/2
	12. Кодификация.	1/2
№5	О чем свидетельствуют показатели понятия «отсутствие» на уровне грамматики в языковой системе?	

	<i>Вопросы анкеты</i>	Кол-во ответов и %
<i>Ответы респондентов</i>	1. Экономии языковых средств.	13/26
	2. Динамизме языковой системы.	10/20
	3. Развитии/эволюции языковой системы.	10/20
	4. Тенденции упрощения языковой системы.	8/16
	5. Истории/определенном этапе развития языка.	6/12
	6. Различии в восприятии разных языковых систем.	4/8
	7. Функциональности языковой системы.	4/8
	8. Влиянии на языковую систему экстралингвистических факторов/связи с социальным фактором.	3/6
	9. Многогранности/гетерогенности языковой системы.	3/6
	10. Национальных/ментальных особенностей языка.	3/6
	11. Другие (единичные) ответы.	7/14

Обработав полученные данные анкеты, мы отметили, что первый вопрос анкеты психолингвистического эксперимента «С чем у Вас ассоциируется понятие «отсутствие» в грамматике?» не был представлен широким разнообразием ответов. Большинство респондентов понятие «отсутствие» в грамматике связывали с отсутствующей (или нулевой морфемой) – 11, причем 14 человек конкретно связывали данное понятие с нулевой флексией и только двое – с нулевым аффиксом. Наверное, это неслучайно, поскольку именно аффиксация является самым распространенным синтетическим способом выражения грамматических значений. Суммируя приведенные цифры, получается, что 27 из 50-тидесяти опрошенных считают отсутствие / наличие аффикса самым существенным показателем грамматического значения. Отсутствие отдельных грамматических категорий в разных языках указано в 9-ти анкетах, тогда как отсутствие отдельных грамматических форм указали только трое. С отсутствием одного из членов оппозиции грамматическая лакуна ассоциируется также у 3-х респондентов. У 5-ти человек первый вопрос соотносится с неполными и / или эллиптическими синтаксическими конструкциями. Трое студентов считают, что понятие «отсутствие» вообще не может быть применено к грамматике. И такой ответ также может найти оправдание, поскольку «отсутствие» в грамматике всегда является значимым. Еще

древнеиндийский языковед Панини, автор первой грамматики – грамматики санскрита, ввел понятие нулевой морфемы, которое было забыто и вновь появилось в лингвистике только в XIX веке. В дальнейшем многие лингвисты, начиная с Фердинанда де Соссюра, рассматривали язык как бинарную систему, в которой оппозициональное отсутствие признака и / или элемента становится очевидным. Значимым «отсутствие» представляется только в присутствии, его выявляющим.

Не все студенты ответили на второй вопрос, он вызвал затруднение или невозможность привести пример. Анализируя ответы на второй вопрос «Имеет ли графическое обозначение понятие «отсутствие» в языковой знаковой системе?», мы пришли к выводу, что ответы информантов отсылают нас к первому вопросу. 8 респондентов указали на – □ графическое обозначение нулевой флексии; чуть меньше число участников эксперимента (6) указали «–» знак тире, который заменяет отсутствующий член предложения; только двое приводят в качестве примера Ø – обозначение отсутствия свойств у одного из членов оппозиции; пятеро считают, что понятие «отсутствие» не имеет графического обозначения в грамматике. Опираясь на статистику, можно сделать вывод о том, что понятие «отсутствие» ассоциируется, в первую очередь, с нулевой аффиксацией как способом выражения грамматического значения, во-вторых, с особыми синтаксическими конструкциями, и, наконец, в-третьих, с понятием оппозиции в грамматической системе языка.

Результаты ответов на следующий вопрос: «Каким синонимом можно заменить слово *отсутствие*, употребляемое при анализе лингвистических (грамматических) единиц?» – продемонстрировали спектр повторяющихся и неповторяющихся ассоциаций. Несмотря на то, что термин *лакуна* является распространенным, его в качестве синонима указал только 1 из 50-тидесяти информантов. Менее известный и менее употребляемый термин *абсентеизм* (*absentia* – от лат. “отсутствие”) встретился в 3-х анкетах студентов, изучающих французский язык. Представим остальные синонимы, расположив их в порядке убывания и указав в скобках количество ответов: *потеря* / *исчезновение* / *утрата* (20), *несуществование* / «*неналичие*» / «*неимение*» (9), *замещение* (6), *упрощение* (4), *выпадение*

(4), *пропуск* / *опущение* (4), *пробел* (3), *неупотребление* (2), *усечение* (2), *нехватка* (2), *упразднение* (2), *редукция* (1), *нулевая презентация* / *нуль/нулевой* / *нулевое присутствие* (1), *факультативность* (1), *нулевая деривация* (1), *нулевая парадигма* (1), *дефицит* (1), *необозначенность* (1), *нейтральность* (1), *«лишнее»* (1), *пассивность* (1).

Как видим, большинство респондентов ставят в один синонимический ряд с понятием «отсутствие», которое является доминантой в этом ряду, слова *потеря* / *исчезновение* / *утрата*. Действительно, в историческом развитии любого языка наблюдается *потеря* / *исчезновение* / *утрата* каких-либо грамматических категорий или форм. Например, формы звательного падежа имен существительных, ушедшие из живого древнерусского языка в XIV-XV веках, хотя грамматические лакуны могут быть связаны не только с утратой, но и с тем, что в языке не сформировались в определенный период какие-либо формы и грамматические значения. Одни из наиболее частотных и распространенных синонимов (*исчезновение*) мы будем использовать в своем исследовании при выделении семантических типов понятия «отсутствие» в грамматике.

Применение в качестве синонимов слов *несуществование* / *«неналичие»* / *«неимение»* указывает на то, чего изначально не было в грамматической системе языка (например, отсутствие деепричастий и деепричастных оборотов в древнерусском языке или отсутствие степеней сравнения у глаголов).

Третье место в системе ответов занимает синоним *замещение*. На определенном этапе эволюции языка можно проследить, как одни грамматические формы начали употребляться вместо других. Например, после утраты категории двойственного числа некоторые формы стали употребляться как формы множественного числа, т.е. произошла замена одних грамматических форм другими.

Семантическое поле понятия «отсутствие» включает 26 дефиниций, которые отличаются широким смысловым различием. Это подтверждает тот факт, что грамматические единицы являются значимыми в системе языка, а их отсутствие может по-разному проявляться.

Общеизвестно, что семантические отношения синонимов тесно

связаны с антонимами как словами с противоположными значениями. В ответах респондентов на четвертый вопрос: «Какой антоним к слову *отсутствие*, используемый при противопоставлении в грамматике, Вы считаете наиболее удачным?» наблюдаем лидирующую пару слов: *наличие* – 22 и *присутствие* – 20 ответов. Отметим, что оппозиционные пары *отсутствие* / *наличие* и *отсутствие* / *присутствие* зафиксированы в словаре антонимов русского языка [4]. Интересным является то, что третьим по количеству в анкетах указано слово *существование* (9), которое соотносится с синонимом *несуществование* (9), приводимым в качестве ответа на предыдущий вопрос. Это говорит о том, что данные пары антонимов (*отсутствие* / *наличие*, *отсутствие* / *присутствие*, *существование* / *несуществование*) являются достаточно распространенными и применимыми в различных сферах человеческой деятельности, поскольку отражают онтологически важные бинарные оппозиции и являются крайними значениями на кванторной шкале в логике.

Однако наличие иных вариантов ответов свидетельствует о существовании разнообразных языковых, в частности грамматических, репрезентаций понятия «отсутствие». Ассоциации, лежащие в основе антонимов по контрасту грамматических признаков в языковой системе, информанты вкладывают в следующие понятия: «возмещение» / «компенсация» / «восполнение» / «дополнение» – 9, «заполнение» / «создание» / «образование» / «появление» / «формирование» – 9, «замещение» / «замена» – 4, «употребление» / «применение» – 3, «вариация» / «расширение» – 2, «презентация» – 1, «восстановление» – 1, «идентификация» – 1, «кодификация» – 1. Представленные антонимы как члены оппозиции иллюстрируют семантический объем понятия «отсутствие».

Например, соотнесение семантики понятия «отсутствие» со словами *возмещение* / *компенсация* / *восполнение* / *дополнение* связано с тем, что в грамматике может наблюдаться временное отсутствие, которое легко восстанавливается (например, глагол-связка *есть* в русском языке).

Осознанный выбор антонимов выявил иерархию языковых понятий, которые предполагают двустороннюю замену. В начале компенсация отсутствия чем-либо, затем заполнение и создание того, что отсутству-

ет, следующий этап – это практическое употребление, а уже на практике можно выбирать вариант, который будет представлен (например, презентация) и обозначен (например, идентификация).

Такая последовательность лексем отражает связь языковой логики и языкового сознания: с помощью языковой логики происходит отражение понятия «отсутствие» в сознании молодых носителей языка.

Интересны результаты ответа на последний вопрос анкеты: «О чем свидетельствуют показатели понятия «отсутствие» на уровне грамматики в языковой системе?». Порядок расположения ответов в таблице, как и ранее, соответствует их количеству и направлен от большего к меньшему. Представлены следующие ответы: об экономии языковых средств – 13, динамизме языковой системы – 10, развитии / эволюции языковой системы – 10, тенденции упрощения языковой системы – 8, истории / определенном этапе развития языка – 6, различиях в восприятии разных языковых систем – 4, функциональности языковой системы – 4, влиянии на языковую систему экстралингвистических факторов / связи с социальным фактором – 3, многогранности / гетерогенности языковой системы – 3, национальных / ментальных особенностях носителей языка – 3.

Неслучайно ответ, связанный с особенностями ментальности народа-носителя языка, расположен не в начале, так как все указанные до него факторы исходят, в конечном счете, из последнего. Действительно, понятие «отсутствие» свидетельствует чаще всего об экономии, динамизме языковой системы. В тоже время оно служит показателем различий, нашедших свое отражение в языке, в мировосприятии разных народов. При этом язык постоянно находится в развитии, на него влияют экстралингвистические факторы, а тенденция упрощения языковой системы связана напрямую с совершенствованием социума, усложнением жизни в обществе, явлением глобализации. Выполняя коммуникативную и когнитивную функции, язык зависит от мышления. Язык выступает средством выражения отраженной в образах действительности и фиксирует в знаках (вербальных и невербальных) явления, предметы, которые окружают людей конкретного этноса. Понятия, которые существуют у одного народа, могут отсутствовать у другого, поскольку не являются значимыми для

данного человеческого коллектива.

Показателен тот факт, что отсутствие грамматической формы конкретного языкового понятия осознается носителями языка как лакуна, которая при коллективной потребности может быть заполнена средствами словообразовательного уровня языка. Ассоциативный эксперимент помог выявить некоторые грамматические лакуны и позволил расширить понимание термина *отсутствие* применительно к грамматике.

Поскольку термин *отсутствие* употребляется в самых разных философских и научных концепциях, проблема изучения данного феномена выходит за рамки лингвистики. В свою очередь, изучение универсалий вынуждает лингвистов вторгаться в область философии, которая рассматривает и дает философское обоснование понятию «отсутствие». Термин *понятие отсутствие* понимается по-разному. Мы используем данный термин в широком толковании, так как смысл термина, на наш взгляд, имеет антропологическую, психологическую и культурную основы. Мы считаем, что понятие «отсутствие» необходимо включить в широкий лингвопсихологический контекст со своим репертуаром языкового выражения единицами всех уровней языковой системы.

5.2. Семантические типы понятия «отсутствие» в грамматике русского языка

Грамматическая структура языка является результатом длительной абстрагирующей работы человеческого разума. Именно поэтому грамматика составляет весьма стройную естественную систему, внедрение в которую постороннего элемента практически невозможно, а, если что-то подобное происходит, то это приводит к изменениям внутри системы. При этом влияние внешних условий на преобразования в грамматике происходит не непосредственно. Они опосредованы различными лингвальными явлениями: фонетическими, лексическими, словообразовательными и другими. Кроме того, языковая система испытывает влияние других языков, имеющих свою социокультурную специфику, так называемый межкультурный трансфер.

Несмотря на то, что грамматическая система языка является строго упорядоченной и достаточно стабильной, в ней, тем не менее, происходят

изменения: проникают или вкрапляются новые элементы, какие-то языковые единицы устаревают, утрачиваются, оставляя пустые ниши. Грамматическая система обладает значительными возможностями внутреннего совершенствования для передачи сложных абстрактных понятий. Неслучайно в последнее время увеличился интерес к изучению морфологических (Кубрякова 2004; Скоробогатова 2014) и синтаксических (Загнітко 2008; Ковтунова 2010) единиц в разных аспектах.

В языкознании существует понятие «значимое отсутствие», введенное Р. Якобсоном. По его мнению, функционирование системы языка основано на «противопоставлении некоторого факта ничему», то есть, согласно терминологии формальной логики, на контрадикторном противопоставлении [Якобсон 1932: 240]. Р. Якобсон как представитель структурального направления в лингвистике рассматривал языковые единицы строго в синхронном аспекте. Он указывал на то, что синкретизм морфологических форм в некоторых парадигмах или в некоторых грамматических категориях или, наоборот, снятие противопоставления значений под воздействием определенного контекста подчеркивает важность проблемы «нулевого противопоставления» для лингвосемиотики, которая должна исследовать сложные соотношения между двумя понятиями – «знак» и «нуль» [Якобсон 1932: 283]. Такой подход сохраняет свою актуальность и сегодня. Мы считаем, что бинарная оппозиция знак vs нуль соответствует предлагаемой в нашем исследовании оппозиционной паре наличие vs отсутствие.

Сегодня теория и практика коммуникации рассматривает речевую деятельность и дискурс в рамках теории знаковых систем. На наш взгляд, невозможно мыслить какое-либо присутствие, тем самым, не превращая его в знак. Говоря о знаках языковой системы, которая является открытой и динамичной, необходимо подчеркнуть, что каждый элемент может изменяться и изучаться как в синхронии, так и в диахронии. Языковая система находится в непрерывном развитии. В языке как сложно организованной системе, обладающей внутренней структурой, наблюдается единство трех типов развития – диахронии, онтогенеза и филогенеза. Как отмечает Т. Гивон, «эти три процесса параллельны, причем они связаны

между собой не просто аналогией, а реальными совместными механизмами» [Гивон 2015: 87]. Неслучайно профессор Университета Орегона Т. Гивон, в сферу научных интересов которого входит когнитивная наука, дискурсивный анализ и эволюция языка, видит в трех направлениях развития языка аналогии в биологии.

Хотя в языкознании уже существовал биологический взгляд на развитие языка как живого организма в концепции основателя натуралистической лингвистики А. Шлейхера, особенности языкового развития в когнитивном аспекте приобретают новые черты.

С опорой на исторические и синхронические сопоставления предлагаем понятие «отсутствие», применяемое при анализе грамматических единиц, классифицировать в зависимости от лексического значения его составляющих. В этом случае мы выделяем три типа:

I тип – *полное отсутствие*, то есть те формы и явления, которых нет и не было в грамматической системе русского языка;

II тип – *восполняемое отсутствие* грамматической категории, какого-либо элемента или формы слова, которые появились; отсутствие, ранее бывшее полным, но в результате языковых процессов восполненное системой;

III тип – *исчезновение* каких-либо грамматических форм или грамматических категорий в процессе исторического развития языка.

Для наглядности представим выделенные нами семантические типы понятия «отсутствие» и иллюстрирующие их примеры в таблице (см. табл. 10), а затем рассмотрим более подробно каждый тип в соответствии с классификацией. Таблица демонстрирует динамику в развитии грамматической системы русского языка, которая свидетельствует об упрощении и экономии языковых категорий и единиц на уровне грамматики.

**Семантические типы понятия «отсутствие» в
грамматике**

	<i>Полное отсутствие</i>	<i>Восполняемое отсутствие</i>	<i>Исчезновение</i>
1	Отсутствие строгой фиксации порядка слов в предложениях древнерусского и современного русского языка.	Появление деепричастий и деепричастных оборотов в русском языке в период позднего Средневековья.	Исчезновение формы звательного падежа имен существительных.
2	Изначальное отсутствие категории детерминации.	Перераспределение имен по типам склонения, зависящим от характера основ.	Утрата категории двойственного числа в русском языке.
3	Передача полного отсутствия с помощью двойного отрицания	Становление единой формы прошедшего времени.	Потеря связи категории одушевленности существительных с категорией личности в русском языке.
4		Образование вида как категории глагола	Утрата самостоятельности постфикса <i>ся</i> .
5		Развитие противопоставления согласных по твердости/мягкости	Нарушение в формах синтаксического согласования.
6		Замена форм <i>тамо, како, тако</i> на <i>там, как, так</i>	Утрата определяемого существительного при субстантивированном прилагательном.
7		Приобретение признаков непереходности переходными глаголами и восстановление переходности	Утрата именного склонения притяжательными прилагательными.

	<i>Полное отсутствие</i>	<i>Восполняемое отсутствие</i>	<i>Исчезновение</i>
8		Адъективация причастий в следствии исчезновения глаголов, от которых они образованы.	Утрата правильности форм достигательного вида.
9			Разрушение системы склонения кратких прилагательных.

Для соотнесения семантических типов понятия «отсутствие» в грамматике считаем необходимым привлечь исторические комментарии.

I тип – полное отсутствие

1. В древнерусском и современном русском языках никогда не наблюдалось жесткого порядка слов в предложении. В предложении – *Отъць видитъ сынъ* – активно действующим лицом мог быть и отец, и сын. Если бы в древнерусском языке был фиксированный порядок слов, установление субъекта и объекта действия было бы облегчено (например, субъект всегда на первом месте, а объект – на втором), но по-древнерусски можно было сказать и *Отъць видитъ сынъ*, и *Сынъ видитъ отъць*, вкладывая в эти фразы один и тот же смысл. Аналогичные конструкции присутствуют и в современном русском языке – *Мать видит дочь* и *Дочь видит мать*. Развитие грамматической категории падежа помогло формально обозначить объект и субъект действия: использование формы винительного падежа, совпадающей с родительным при обозначении одушевленного объекта. Отсутствие строгого порядка слов в предложении в русском языке повлияло на дальнейшее развитие синтаксиса. На примере письменного русского языка видно, что за последнее тысячелетие произошло продуктивное развитие синтаксиса сложных конструкций, в частности, распространение многокомпонентных сложных предложений с начала XIX века.

2. Категория детерминации изначально не была представлена в русском языке и не имела морфологических способов выражения. Категория определенности / неопределенности указывает на то, как

представлен предмет: как единственный в описываемой ситуации или как принадлежащий к классу подобных. Если в германских, романских и некоторых славянских языках категория детерминации выражается с помощью артиклей, то в русском языке в случае возникновения контекстуальной необходимости используются указательные местоимения. Важно заметить, что указательные местоимения *этот, эта, это* появились только во второй половине XVII века путем присоединения местоименной частицы *э* к указательным местоимениям *тот, та, то*. Функцию неопределенного артикля в русском языке может выполнять и числительное *один* (например, *пришел один человек*) [Скоробогатова, Минина 2017].

3. Уже для грамматики древнерусского языка не было характерным использование только одного отрицания. Такое отличие от других языков индоевропейской семьи прослеживается с древних времен. П.А. Лавровский указывал на единичные случаи одинарного отрицания в древних летописях. Ученый отмечал, что в поздних письменных памятниках, когда явно стал наблюдаться отход от народного языка, иногда могли встречаться такие случаи: «В след за потерю правильности и стройности языка летописного, стали обнаруживаться в нем слова и обороты, несвойственные языку отечественному: ... причем, вопреки характера обще-Славянского языка, вместо двух отрицаний удержано одно, по образцу Греческому, принятому в более-позднее время в переводы с Греческого на Славянский» [Лавровский 1852: 160]. Эта тенденция сохраняется и в современном русском языке.

II тип – восполняемое отсутствие

1. В древнерусском языке не было деепричастий и, соответственно, деепричастных оборотов. Деепричастие, как особая грамматическая форма, сложилась в русском языке в относительно позднее время. Первым описал эту глагольную форму М. Смотрицкий, ему же принадлежит и термин. Возникнув из причастий, они получили большое развитие в качестве обособленных членов предложения, указывающих на дополнительное действие (деепричастий) и обособленных оборотов (деепричастных) и стали интенсивно использоваться, отражая логику языковых явлений,

их взаимосвязь и взаимообусловленность. В исследовании древних летописных текстов этот языковой факт, относящийся к началу XIV века, описал П.А. Лавровский: «... причастия неопределенные заметно также стали терять свою способность к изменению по числам и падежам, начали приходить в окаменение, обращаться в деепричастия...» [Лавровский 1852: 151]. В грамматике современного русского языка функция деепричастия как атрибутивной формы глагола сводится к следующему: «В предложении деепричастие передает то или иное отношение обозначаемого им действия ко времени действия, обозначаемого глаголом сказуемым» [Русская грамматика. Т.1. 1980: 672]. В современном русском языке одиночные деепричастия и деепричастные обороты выполняют роль определения при всех предикативных формах глагола, при инфинитиве, а иногда при имени существительном и наречии.

2. Перераспределение имен по типам склонения, зависящим от характера основ, в большинстве случаев было обусловлено фонетическим обликом слова и его морфемным составом. На древнейшем этапе все имена имели одинаковые окончания, которые присоединились независимо от того, на какой элемент заканчивалась основа имени. В дальнейшем произошло переразложение морфемного состава слова, результатом которого был переход в ряде случаев конечной части основы в состав окончания. Причиной такого переразложения была недостаточная семантическая яркость различения слов по основам и некоторые фонетические явления. Результатом стало распределение имен по типам склонения, зависящим от характера основ. Но и такое состояние не удержалось продолжительно: дальнейшие фонетические изменения в славянских языках, монофтонгизация дифтонгов, появление, а затем преобразование носовых гласных, утрата редуцированных гласных вели к тому, что бывшие основы переставали быть основами, а распределение типов склонения в соответствии с типами основ стало анахронизмом. Однако категория рода, которая играла определенную роль в перестройке склонения (например, в превращении бывшего склонения на *i* в почти чисто женское склонение), не была, видимо, сама в достаточной мере семантизированной, чтобы полностью подчинить роду распределение существительных по типам склонения.

Типы склонения остаются в большинстве случаев в славянских языках недостаточно обоснованными с семантической стороны, что продолжает служить источником возможных изменений в распределении имен по типам склонения, так как формальные основания такого распределения тоже нечетки.

3. Становление единой формы прошедшего времени в русском языке. Указанный факт фиксируется историческими грамматиками и соотносится с развитием категории вида. В книжном древнерусском языке фактически употреблялись четыре формы прошедшего времени: две простые (аорист и имперфект) и две сложные (перфект и квамперфект). С развитием видовых отношений система прошедших времен упростилась, что было отражено в письменных церковных памятниках. Постепенная утрата вспомогательного глагола и употребление подлежащего, выраженного существительным или личным местоимением, привела вначале к ограничению в употреблении, а затем и полной замене устаревших форм прошедшего времени. На месте сложной формы прошедшего времени в современном русском языке остались только одни причастия на -л-, которые стали осознаваться как формы прошедшего времени глагола. Современные исследования М.Л. Ремнёвой бытового письма показывают, что в древнерусском бытовом языке использовалась лишь форма перфекта. М.Л. Ремнёва приходит к выводу о том, что «падение» сложной системы прошедших времен в живой русской речи (или исходное отсутствие форм простых претеритов в языке восточных славян), сознание того, что простые формы прошедшего времени являются принадлежностью языка памятников высоких книжных жанров, исключило возможность прямого влияния нормы употребления временных форм в живом языке на церковнославянскую норму использования форм времени. Влияние русского языка сказалось на смешении аористных и имперфектных форм, на употреблении формы -л- в аористных и имперфектных парадигмах, на возможности фиксации грамматикой контаминированной аористно-имперфектно-перфектной парадигмы, что особенно показательно на примере словоизменения глагола «быти» [Ремнёва 2015: 32]. Новые исследования в области исторической грамматики подтверждают то, что

явления языковой экономии и селекции не были последовательными, на что еще в XIX веке указывал П.А. Лавровский.

4. Разветвленная система категории времени древнерусского языка подтверждает архаичность данного языка. В древнерусском языке вида как категории глагола не было, но с изменением морфологической структуры языка, а именно, это связано с упрощением временной парадигмы, к началу XVI века сложилась категория вида русского глагола. Категория времени как более конкретная уступила место категории вида как более абстрактной, что явилось результатом онтогенеза языка. Дифференциация трех временных планов у глаголов несовершенного вида и двух – у глаголов совершенного вида исчерпывает оппозиции, различающие пять временных форм русского глагола. Утвердившиеся в современной русистике термины-синонимы категории вида *способ глагольного действия* и *совершаемость* описываются без опоры на грамматическую категорию времени [Белошапкина 2008]. Данный вопрос остается дискуссионным в теории языкознания, поскольку нет единого мнения лингвистов на проблему происхождения вида русского глагола.

5. Вследствие потери смысловозначительной способности согласных после падения редуцированных (XV век) в русской фонетической системе начали противопоставляться консонанты по твердости / мягкости.

6. Исчезновение некоторых форм слов, как например: *тамо, како, тако* (с заменой их на *там, как, так*). Указанные изменения были описаны И.А. Бодуэном де Куртенэ, который предложил называть потребность в их исчезновении «психическим ударением», понимаемым как «относительная важность данного места произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций [Бодуэн де Куртенэ 1963: 40]. Данный факт подтверждает то, что преобразования на одном языковом ярусе влекут за собой и реорганизацию на других уровнях языковой системы. Мы считаем, что такие трансформации зачастую имеют психологическую основу, связанную с апперцепцией.

7. С появлением акусатива в русском языке происходит не только разделение функций между именительным и винительным падежами, но начинают дифференцироваться значения глаголов по категории переход-

ности и непереходности действия главного предмета. Какой-то период эти формы глаголов являются синкретичными, но позже разграничиваются и противопоставляются по указанному признаку. В процессе эволюции ряд русских глаголов начинает терять признаки переходности и становятся непереходными. Это было связано с новым статусом постфикса *-ся*, который присоединялся к переходным глаголам. Например, к таким глаголам, как: *бороться, каяться, сомневаться, отчаиваться, трудиться, лениться, стремиться*. Такие формы сохраняются в литературном языке еще в начале XIX века (например, *Чтоб не трудить себе ума...* у А.С. Грибоедова). Однако в современном русском языке наметились объективные тенденции расширения функций категории переходности глагола, и как следствие, возврат к переходности [Некрылова 2018; Эпштейн 2007]. Несмотря на то, что в основном использование непереходных глаголов в значениях переходных и образование окказиональных сочетаний носит узуальный характер, частотность этих употреблений свидетельствует о широком распространении явления транзитивации глаголов в интернет-коммуникации, которая в последние годы становится одним из видов дискурса. Хотя такие примеры, как *гулять кого-то, танцевать кого-то, улыбаться кого-то* относятся в большей степени к аномальным явлениям, тем не менее они имеют место в современном языке. Приведенные и аналогичные примеры глаголов используются носителями языка не только в языковой игре, что свидетельствует об определенных тенденциях развития грамматической подсистемы русского языка. Причины этого, по-видимому, связаны с влиянием экстралингвистических факторов на развитие русского языка, среди которых, в первую очередь, влияние английского языка как средства международной коммуникации, компьютеризация и глобализация социума. Мы полагаем, что на языковое явление транзитивации глаголов также оказал влияние межкультурный трансфер.

8. В современном русском языке встречаются достаточно распространенные и многочисленные причастия, лишенные деривационной связи с глаголами, к которым они исторически восходят. Такие изолированные образования сформировались в языковой системе как следствие исчезновения глаголов. Отсутствие инфинитива, от которого образова-

лась такая форма, как причастие, привело к адъективации причастий и к переходу их в разряд имен прилагательных. Например: *предыдущий, немущий, вопиющий, сведущий, неменяемый, одержимый, ископаемый, оканный, прирожденный, врожденный, расхлябанный, изможденный, излюбленный, напыщенный, сокровенный, вылитый* (“очень похожий”), *предвзятый* и т.п.

Отмеченные коррективы в системе языка связаны, на наш взгляд, с явлением языковой экономией. В процессе адъективации причастия утрачивают признак по действию и вместе с ним все глагольные свойства (время, вид, залог, способность управлять именами существительными) и начинают обозначают только признак. В отдельных случаях такие адъективы могут употребляться в качестве субстантивов и развивать значения предметности, но при этом у них происходит потеря значения признака. Такие грамматические сдвиги, когда наблюдается отсутствие прямой деривационной связи, тем не менее сохраняют исконную семантику слов и тем самым выявляют лингвоспецифическое и идионациональное своеобразие языка.

III тип – исчезновение

1. В современном русском языке практически не сохранилось никаких следов формы звательного падежа имен существительных, ушедших из живого древнерусского языка в XIV-XV в.в.: *«Хощем вси, княже, праведно послужити тебе и самодержцем имети тя»* [Хрестоматия по истории русского языка 1990: 279]. Реликты этой формы – *господи, боже* – превратились в междометия, а, в основном, звательная форма была заменена формой именительного падежа. Некоторые писатели используют древние звательные формы в целях стилизации, частотные употребления встречаются в современной поэзии. Действие в языке законов диалектики приводит к тому, что исчезновение одних форм и отсутствие на определенном этапе способов выражения определенных значений сменяется появлением других грамматических форм, способных выражать утраченное значение, или же приводит к восстановлению прежних (например, как со звательным падежом).

2. Формы двойственного числа в живом древнерусском языке вышли

из употребления в XVI в.: «Феврония ... *рукама шиаши въздух*» [Хрестоматия по истории русского языка 1990: 281]. Отражение в письменности исчезновения двойственного числа из-за сохранения в ней традиционной орфографической системы и устаревших форм слов запаздывало по сравнению с реальным процессом в реальном языке. В письменных памятниках XI-XII веков еще довольно правильно употреблялось двойственное число, но в памятниках XIV века немало случаев смешения форм двойственного и множественного числа, а в восточнославянских памятниках XVI- XVII веков двойственное число выступает уже в старославянских цитатах чаще, чем в основном тексте. Утрата категории двойственного числа в русском языке происходила с XIII по XV век. Если в древний период русский язык относился к языкам, согласно лингвистической типологии, в которых различались единственное, двойственное и множественное число, то уже в период Средневековья русский язык становится языком, имеющим бинарную маркированность: формы единственного и множественного числа.

3. В русском языке в отличие от украинского и польского языков наблюдается прерывание связи категории одушевленности существительных с категорией личности. Становление категории одушевленности в русском языке шло постепенно. Первоначально это была категория лица, т.е. ею охватывались лишь слова, обозначающие людей. «В.В. Колесов, квалифицируя одушевленность как категорию, говорит о том, что она представлена в современном русском языке в незавершенном виде, в отличие от северно-русских говоров, где процесс формирования этой категории завершен, и от польского и украинского языков, где категория одушевленности существительных развивалась в сторону ‘категории личности’, в то время как подобное развитие в литературном языке было прервано нормализацией системы» (цит. по: [Скоробогатова 2012: 157]). В русском языке не существует симметрии между понятием «живой» и категорией одушевленности. Например, проанализированные ранее нами слова *мертвец* и *покойник* являются одушевленными, хотя обозначают реально неживых людей.

4. В древнерусском языке в число энклитик входили частицы (*же*,

ли, бо, ти, бы), местоименные словоформы (ми, ти, си, мя, тя, ся, ны, вы и др.) и связки (есть, еси и т. д.) и их расположение во фразе подчинялось строгим закономерностям, знание которых оказывается существенным для правильного понимания древнерусских текстов. На протяжении XI-XVII веков часть энклитик исчезла, а энклитика *ся* превратилась из самостоятельного слова в неотделимую составную часть глагольной словоформы. Постфикс *-ся* в XI – XII веках был отдельным словом и занимал позицию после первого полноударного слова в предложении (подобно современной русской частице *ли*). Например, вопрос *Зачем же ты гневаешься?* был представлен в новгородской берестяной грамоте № 605 в таком виде: А ЧЕМОУ СА ГНѢВАСИИ (союз *а*, как и в современном русском языке, собственного ударения не имеет). Но к началу XVII века данный постфикс вошел в состав глагольных форм и даже стал подвергаться чередованиям: в виде *-ся* он выступает после согласной, в виде *-сь* после гласной (во всех формах, кроме причастных). Синтагматические изменения на уровне синтаксиса повлекли за собой изменения в морфологическом строе языка, что еще раз подтверждает условное разделение грамматики на морфологию и синтаксис.

5. С.Л. Попов, рассматривая причины и условия исторических изменений форм синтаксического согласования в русском языке, выделяет способы древнерусского синтаксического согласования, которые исчезли из современного русского литературного языка. К несохранившимся явлениям синтаксического согласования, по мнению исследователя, относятся, во-первых, повторы предлогов и сочинительных союзов (*поклон от князя от Михаила*); во-вторых, соединение подлежащих-существительных мужского и женского рода со сказуемым прилагательным среднего рода (*грех сладко, а человек падко*); в-третьих, согласование прилагательных в ж.р. с числительными (*каждую пять лет*); несогласование в роде названий детей, животных и существительных с собирательным значением (*больное ребенок, одно ягненок, дружина рыкаютъ*); несогласование в падеже приложения (*А зовутъ его Власкомъ, Ивановъ сынъ*) [Попов 2013: 106-111]. Современному носителю русского языка кажутся недопустимыми и совершенно нелогичными такие случаи синтаксиче-

ского согласования, хотя они подчиняются строгой грамматической логике древнерусского языка. С.Л. Попов причину утраты указанных явлений видит в эволюции восприятия форм синтаксического согласования. «В истории русского синтаксиса в целом можно видеть поступательное движение грамматического строя русского языка к логической ясности» [Попов 2013: 106]. Лингвист связывает это движение, прежде всего, с развитием абстрактного мышления людей, которое привело к замене смыслового согласования формально-грамматическим.

6. Субстантивированные прилагательные могут возникать путем постепенной утраты (эллипсиса) определяемого ими существительного в результате длительного исторического употребления таких словосочетаний, как например: *портной мастер*, *горничная прислуга*. Некоторые исследователи выделяют *субстантивационный эллипсис* как отдельный, исторический тип субстантивации. По мнению В.М. Маркова, «само понятие субстантивации предполагает исторический подход к материалу» (цит. по: [Лопатин 2007: 108]). В современном русском языке существует группа слов, не имеющих отношения к субстантивации с точки зрения живых словообразовательных связей. К таким словам относятся существительные прилагательного склонения, для которых нет в системе языка омонимичных прилагательных или которые словообразовательно не соотносительны с такими прилагательными: сущ. *мостовая* – *мостовой* прилаг.; сущ. *пирожное* – *пирожный* прилаг.; сущ. *легкие* – *легкий* прилаг. Система флексий прилагательного не играет в этих существительных словообразовательной роли. Они могут рассматриваться как субстантиваты только в диахроническом аспекте. С исторической точки зрения эти существительные представляют собой результат различных языковых явлений и процессов (большая часть подверглась опрощению, некоторые были заимствованы или калькированы сразу как существительные). Приведем небольшой перечень таких слов: *запятая*, *целковый*, *вселенная*, *насекомое*, *зодчий*, *подданный*, *хорунжий*, *подлежащее*, *сказуемое*, *сохатый* и другие. Сюда же относятся и некоторые семантически связанные слова, употребляемые во фразеологизмах: *попятный*, *подноготная*, *околесная*.

7. В современном русском языке полностью утрачено именное

склонение притяжательными прилагательными, и сейчас оно является принадлежностью существительного. Остатки именного склонения прилагательных сохранилось только в виде форм отдельных падежей, а не целой парадигмы притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-ин-*. Т. Гивон, описывая сложность развития языковой системы, считает, что «основным фактором, который приводит к отмиранию грамматических структур, является фонологическая эрозия, происходящая благодаря звуковой ассимиляции. Утрата синтаксических конструкций происходит прежде всего в связи с утратой, связанной с ними морфологии» [Гивон 2015: 102].

8. Утрата «правильности» форм достигательного вида относится к концу XIII началу XIV веков. Достигательный вид (супин или инфинитив цели) представлял собой особую форму глагола, существовавшую в праславянском языке и унаследованную всеми славянскими языками, в том числе и древнерусским. Это была неизменяемая форма глагола, образованная от основы инфинитива с помощью суффикса *-ть*. В древнерусском языке супин использовался для указания цели движения, выраженного другим глаголом, который должен быть несовершенного вида. Как отмечают исследователи, регулярное употребление в письменных памятниках наблюдается до начала XIII века, затем начинает употребляться нерегулярно и постепенно заменяется формами инфинитива. П.А. Лавровский, изучавший язык летописей данного периода, указывает на то, что древнерусский язык уже не имел стройности и постоянства, что в древних формах уже произошло «потрясение». Лингвист пишет: «Самые характеристические свойства древнего языка, прежде всех начавшие гибнуть в народе, господствуют неизменно на всем пространстве списка до 1200 года. Так, строгое и правильное употребление глухих гласных *ъ* и *ь*, постоянное удержание характера звуков гортанных быть всегда твердыми, ... уместное господство двойственного числа, ... правильность форм достигательного вида, решительно исчезнувшего вместе с последними годами XIII и первыми годами XIV столетия... – все это прямо и убедительно указывает на то, что ... постоянства не могло быть в то время...» [Лавровский 1852: 150]. В летописи, оканчивавшей повествование 1334

годом, уже явно прослеживаются новые формы, как отмечает исследователь: «Достигательный вид, являющийся прежде с древним окончанием *ть*, здесь оканчивается иногда и на *ть*: *воевать*» [Лавровский 1852: 152].

9. Утрата краткими прилагательными синтаксической функции определения приводит к разрушению системы склонения кратких прилагательных. В начале развития письменности краткие прилагательные, имеющие единое происхождение с существительными, склонялись аналогично. Но уже в праславянский период, как отмечает Г.А. Хабургаев, краткие прилагательные были объединены в словоизменительную парадигму на основе родового признака [Хабургаев 1990: 179]. Краткие именные склоняемые формы еще встречаются в восточно-славянских памятниках до начала XVI века, когда краткие склоняемые формы были почти окончательно вытеснены полными. Естественно, что этот процесс начался значительно раньше и длился приблизительно два столетия. Это было связано с постепенной утратой краткими прилагательными атрибутивной функции. Краткие формы отличались от полных не только значением определенность vs неопределенность носителя признака в атрибутивной функции, но и наличием синтаксической функции предиката. Поэтому произошло размежевание синтаксических функций между краткими и полными формами. Краткие прилагательные сохранили за собой роль именной части сказуемого, а роль определения закрепилась за полными прилагательными. Такой вывод подсказывается не только преимущественным употреблением полных форм в определительной функции в древнерусских памятниках (например, Г.А. Хабургаев приводит статистику, согласно которой до 75 % всех согласованных определений представлено полными прилагательными [Хабургаев 1990: 182]), но и тем обстоятельством, что деловые и бытовые памятники, не подверженные письменной традиции, почти исключительно содержали только полные формы. В результате утраты функции атрибута качественные прилагательные в краткой форме потеряли способность склоняться.

Проведенный нами анализ языковых фактов позволил проследить динамику изменений языка на грамматическом уровне, которые отражают постоянное развитие языка как системы. Мы разделяем точку зрения

языковеда А.Е. Супруна о том, что «противоречия различного типа являются основным двигателем языковой эволюции. Это – противоречия между общественной потребностью в выражении некоторого явления и отсутствием такового в языке, между лексическим и грамматическим способами выражения некоторого значения, между различными сторонами языка, а также противоречия внутри отдельной части языковой структуры. Разрешение одних противоречий может породить новые, а это ведет к новым изменениям в языковой системе» [Супрун 1971: 117]. Установленные факты, представляющие понятие «отсутствие» на уровне грамматики, мы соотносим с тремя семантическими типами: *полное отсутствие*, *восполняемое отсутствие*, *исчезновение*. Действительно, на временной оси можно отчетливо увидеть результаты языковых изменений, которые отражают выделенные нами семантические типы понятия «отсутствие» на грамматическом срезе русского языка. Необходимо уточнить, что указанные нами типы обозначены условно, поскольку не всегда четко можно разграничить те изменения, которые происходят в языковой системе, и однозначно отнести к определенному типу. Например, к типу *восполняемое отсутствие* мы отнесли примеры, связанные с замещением, переструктуризацией внутри грамматических категорий, в которых понятие «отсутствие» представлено разными способами.

Мы считаем, что пустое звено в грамматической системе языка является стимулом для дальнейшей эволюции, а заполненность ниши свидетельствует о высокой степени актуальности данной граммы, синтаксической конструкции для языкового коллектива. Ученый-когнитолог Е.С. Кубрякова указывала, что «язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Кубрякова 2004: 95]. При изучении грамматических единиц исследователь отвлекается от факторов эмоциональных и опирается на факторы исторического и культурологического порядка, поскольку без учета этих факторов невозможно полное понимание и описание грамматических категорий и грамматических значений.

Выделенные семантические типы понятия «отсутствие» на уровне грамматики русского языка (*полное отсутствие*, *восполняемое отсут-*

ствие, исчезновение) свидетельствуют о том, что динамика грамматической системы русского языка связана с диалектической меной отсутствие vs наличие определенных форм при необходимости передачи конкретных грамматических значений. Это еще раз подтверждает то, что грамматическая система русского языка является динамической, а ее развитие обусловлено социокультурными факторами. Мы считаем, что многие изменения в языковой системе происходят под влиянием такого психологического и когнитивного процесса, как апперцепция, иные трансформации являются отражением взаимовлияния языков, третьи – результат воздействия внутрикультурного и межкультурного трансфера.

5.3. Супплетивизм как результат развития языка и отражение ментальности его носителей

5.3.1. Супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака

Общеизвестно, что язык – это знаковая система, в которой знаком может быть любая языковая единица (морфема, слово и т.п.). А.А. Потебня в своей исследовательской практике и теоретических воззрениях исходил из понимания языка как системы знаков, а узловой единицей языка считал слово как знак. Лингвист подчеркивал, что слово как знак имеет сложное строение: это касается как его семантики, так и материальной стороны. В образовании слова участвуют различные языковые элементы, которые, в свою очередь, образуют внешнюю и внутреннюю формы слова.

Идеи А.А. Потебни созвучны с мыслями Ф. де Соссюра. Знак, по Соссюру, обладает двумя свойствами первостепенной важности: произвольностью и линейностью. Супплетивные формы слов, на наш взгляд, наглядно демонстрируют проявление указанных свойств языкового знака. Произвольность как раз и является отражением языковой ментальности носителей языка, а линейность устанавливает рамки, ограничения для проявления первого признака в пределах конкретной языковой системы.

В концепциях А.А. Потебни и Ф. де Соссюра языковой знак – это двусторонняя психическая сущность, поскольку языковой знак связывает понятие и акустический образ, под которым понимается психический

отпечаток звучания в мозге человека. Все значимые единицы языка – морфема, слово, словосочетание, предложение – имеют сходное строение, а именно: материальный (звуковой) показатель, соответствующее той или другой единице языка значение и определенное отношение к действительности.

Слово как основная языковая единица представляет собой фокус взаимодействия различных языковых факторов – фонетических, семантических, грамматических, словообразовательных. Слово аккумулирует знание коллектива об обозначаемом явлении в виде значения и закрепляет его в системе языка, передавая это знание от человека к человеку, от поколения к поколению. Поскольку язык развивается стихийно, подвержен влиянию многих экстралингвистических факторов, постольку в нем встречаются аномалии и отклонения, отражающиеся в материальной оболочке слов. Супплетивизм как раз и является таким нестандартным явлением, когда наблюдается отсутствие материальной повторяемости знака при изменении формы слова.

Такое отсутствие формальной связи между двумя или более языковыми единицами, связанными по смыслу, устанавливается в соответствии с принципом генетической объективности И.А. Бодуэна де Куртенэ. Формальная и семантическая корреляция носит опосредованный характер. Установление коррелятивных отношений фонематически не тождественных элементов языка на фоне регулярных рядов способствует созданию особой микросистемы.

В языках флективного типа грамматические значения могут системно выражаться формами лексемы с помощью специальных формантов, в качестве которых используются морфемы, присоединенные к корню. Однако в ряде случаев для выражения грамматических значений приходится употреблять формы слов, образованные от разных корней. Подобное выражение грамматических значений называется супплетивизмом, а сами формы супплетивными или супплетивами. Данный термин в латыни (*suppletio*) обозначает “восполнение”, “замещение”, а во французском *suppletif* – используется в значении “добавочный”.

Несмотря на то, что супплетивный способ выражения грамматиче-

ских значений характерен для всех индоевропейских языков, в русском языке он является непродуктивным и описывается в научных грамматиках чаще как отклонение от регулярных деривационных тенденций. Тем не менее, данное грамматическое явление имеет место в системе языка и охватывает практически все разряды слов как именные, так и глагольные. Это проявляется в формальной реализации отдельных грамматических категорий – категорий рода, числа, падежа, степени качества, времени, аспектуальности и других.

Для выявления лингвокультурных и когнитивных истоков появления супплетивных форм разных частей речи считаем необходимым рассмотреть супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака, имеющего связь с языковой ментальностью носителей русского языка и осознание ими понятия «отсутствие». При этом мы будем опираться на когнитивное взаимовлияние генетически близких языков, учитывать психологический аспект вторичного восприятия, передачу информации путем внутрикультурного и межкультурного трансферов.

Необходимо отметить, что супплетивизм в ранние периоды развития языка, по наблюдениям историков языка, обусловлен процессом становления лексико-грамматических категорий языка. Поздний супплетивизм возникает как следствие фонетических изменений корня и семантических процессов аттракции разных корней.

Недостаточная изученность данного вопроса наблюдается в том, что в научных грамматиках и лексикографических справочниках по языкознанию при определении дефиниции *супплетивизм* приводятся одиночные и повторяющиеся примеры супплетивных форм (*ребенок – дети; человек – люди*). В последнее время появились работы, рассматривающие супплетивизм как диахроническое формоизменение имени существительного или глагола [Чумакина 2004]. Однако, как отмечает специалист по сравнительно-историческому языкознанию К.В. Бабаев, термин *супплетивизм* еще нуждается в уточнении, типология супплетивизмов русского языка вообще не создана, не подвергалось исследованию расхождение основ в лексико-словообразовательных парадигмах. Лингвист считает, что явление супплетивизма требует разработки и развития в теоретическом

плане и предлагает несколько критериев для классификации супплетивных форм: гетерогенность и гомогенность форм; автономность морфем, а также предлагает выделить в отдельный тип деривационный супплетивизм. По мнению К.В. Бабаева, «разделение супплетивизма на словоизменительный и словообразовательный также может служить одним из основных классификационных признаков типологии, так как оба явления имеют единую природу» [Бабаев 2013: 13]. Именно такое разделение супплетивизма на два типа, но в более развернутом виде, соотносится с нашим пониманием данного грамматического явления, которое является непосредственным отражением понятия «отсутствие» в системе русского языка. Мы считаем, что деривационный супплетивизм является проявлением нарушения симметрии в языковой системе и особым способом образования новых слов, отражающим когнитивные способности человека. Деривационные супплетивные формы являются, на наш взгляд, особым видом демонстрации понятия «отсутствие» на грамматическом срезе языка. Бинарная оппозиция представляет результат языковой селекции. Созданная новая пара различается фонемным и морфемным составом, что является отражением понятия «отсутствие».

А.Е. Кибрик, обосновывая когнитивный подход к языку, писал, что «в основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2015: 32]. Мы разделяем такое представление о связи языковой формы с когнитивной мотивированностью и предполагаем, что языковая форма может быть мотивирована как чисто лингвистическими факторами (например, фонетическими особенностями языка), так и внешними по отношению к языковой системе (например, частотностью использования, узуальным и окказиональным употреблением).

Отсутствие предсказуемости и регулярности в закреплении семантики за формой дают обсервационные данные в русском, украинском и белорусском языках:

Проявление супплетивизма в восточнославянских языках

Восточнославянские языки	I русский	II украинский	III белорусский
Словоизменительный супплетивизм	<i>цель – цели</i>	<i><u>мета</u> – цілі</i>	<i>мэта – мэты</i>
Словообразовательный супплетивизм	<i><u>год</u> – столетие</i>	<i>рік – сторіччя <u>рік</u> – століття</i>	<i>год – стогодда</i>

Языковой материал, представленный в таблице (см. табл. 11), наглядно показывает, что словоизменительный супплетивизм может проявляться только в одном из родственных языков, хотя гетерогенные корни (*-цел-* и *-мет-*) имеют место в каждом языке. Например, в русском языке существует шаблонная фраза *идти к намеченной цели, хорошо прицелиться* на белорусском языке звучит, как *добра прыцэліцца*. Последние примеры относятся к деривационному типу супплетивизма. Лексемы трех языков, указанные в таблице, также демонстрируют неоднородность корней, участвующих в процессе деривации в близкородственных языках. С целью выявления особенностей проявления супплетивизма в русском языке мы используем языковой материал и других славянских языков, поскольку такие примеры помогают установить лингоспецифические черты русского языка.

При описании одинаковых объектов и явлений действительности в разных языках исследователи выявили, что в них преобладают различные языковые формы. В свою очередь, эти расхождения объясняются более глубинными различиями в структурах языков. А.А. Потебня в статье «Язык и народность», устанавливая взаимосвязь между языком народа и народностью, указывал на то, что «сходное в двух языках одного происхождения происходит не от того, что пути их развития действительно сходятся, а от того, что, расходясь от одной точки, они некоторое время идут почти параллельно друг подле друга» [Потебня 1993: 168]. Собственно, в этом мы видим различные векторы проявления как внутрикультурного, так и межкультурного трансфера, что открывает новые возможности для рассмотрения понятия «отсутствие» в грамматике русского языка.

5.3.2. Словоизменительный супплетивизм

Словоизменительный супплетивизм проявляется во всех именных классах слов при формообразовании: имени существительном (категория числа и рода), имени прилагательном (категория качества), имени числительном (семантические группы) и местоимении (категория числа и падежа). Остановимся более подробно на каждом из них, рассматривая их, прежде всего, как бинарные оппозиции.

Формы единственного и множественного числа субстантивов чаще всего отличаются только флексией, но могут быть представлены и супплетивами. Перераспределение связей между компонентами различающихся этимологически словообразовательных гнезд приводит к появлению супплетивных форм, входящих в одну парадигму словоизменения существительных в современном русском языке. Например, в паре *ребёнок* – *дети* формы единственного и множественного числа взяты из разных словообразовательных гнезд. Исторически закономерными были соотношения *ребёнок* – *ребята*, *дитя* – *дети*. Отметим также, что древнерусское *чадо* “дети, люди, народ, товарищи, дружина” происходит от слова *чадо* “ребенок, потомок, последователь”.

Синонимический ряд *ребёнок* – *дитя* – *чадо* появился у славян в древние времена и восходит к санскриту. Это подтверждают наблюдения П.А. Лавровского, воссоздавшем древние формы и семантику указанных синонимов. Ученый пришел к заключению о том, что 1) «Если в названии *дети* язык славянский сохранил одну из идей, приданных названию родителей, именно питание, то менее употребительный в народе славянском термин *чадо* удержал другую идею, рождение, особенно распространенную в германском языке» [Лавровский 1867: 22] и 2) «Идея малости, приданная выражению *arbha* в диалекте Вед, столь естественная для понятия ребенок, весьма легко и вполне согласно со взглядом патриархально-народным, способна объяснить и переход значения к рабу, так как с понятием малости у народов древних не отделилось и понятие слабости, бедности, ничтожности» [Лавровский 1867: 23-24]. Данное высказывание П.А. Лавровского считаем важным для объяснения когнитивного процес-

са селекции именно пары *ребенок* – *дети*, так как лексема *чадо* была принадлежностью германских, а не славянских языков.

С развитием лексико-семантической подсистемы языка происходят сдвиги в семантике слов *ребята* и *дитя*. Если номинативной единицей *ребёнок* может быть назван человек в возрасте от рождения до четырнадцати-пятнадцати лет, то форма множественного числа *ребята* не используется для наименований младенцев, а обращение *ребята* сегодня допустимо для лиц не только юного, но и зрелого возраста. Слово *дитя*, как правило, употребляется для наименований лиц до семилетнего возраста, а словом *дети* могут быть названы даже люди преклонного возраста. Например, в современном языке существует устойчивое выражение, определяющее социальную группу людей, которые родились в предвоенное время и пережили вторую мировую войну, – *дети войны*. Актуализация значения метафоры *дети войны* проявляется в контексте последних событий на Украине. Выражение *дети войны* находит ассоциативное соотношение с понятиями «беженцы», «потерпевшие», «потерявшие родителей», «сироты». Частотность употребления слова *дети* в устойчивых конструкциях подтверждает то, что оно является универсальным, более приспособленным к расширению значения, чем слово *ребята*. Необходимо отметить, что понятие «дети» имеет множество номинаций в диалектах, сохраняется и форма *ребяты*, но ни одна из них не вытеснила доминантный субстантив *дети*. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в языковой, как и в биологической, системе срабатывает принцип естественного отбора: из двух пар остаются наиболее употребляемые формы *ребёнок* – *дети*.

Замечание А.Д. Шмелева по вопросу соотношения элементов анализируемой оппозиционной пары – «Дело в том, что слово *дитя* относится к среднему роду, тогда как *дети* – существительное мужского рода, как и слово *ребенок*. Поэтому мы должны признать *дитя* словом класса *singularia tantum* – одним из редких случаев существительного, семантика которого не исключает множественности, но которое, тем не менее, не имеет множественного числа. Соответственно, формы *дети*, *детей*, *детям* и т.д. можно считать супплетивным множественным числом слова

ребенок» [Шмелев 2013: 583] – подтверждает и наши предположения, высказанные ранее.

Аналогичная супплетивная форма появилась при выражении грамматического значения множественного числа существительного *человек*: лексема *люди*. В парах: *человек – человеки*, *люд – люди* форма *чело́веки* утратилась, а слово *люд* стало собирательным. Тем самым форма *pluralia tantum* *люди* освободилась и соединилась с формой *человек* в новую, супплетивную пару: *человек – люди*. Из двух однокорневых пар, в которых утрачены противоположные члены в ходе исторического развития языка, создается новая пара из оставшихся членов. Утраченная форма сохранилась в религиозном дискурсе, а также в русской поговорке *Все мы люди, все мы человеки*, имеющей иронический оттенок. Однако в современном русском языке в родительном падеже множественного числа может употребляться регулярная форма *человек*: *без пятидесяти человек*. Этот факт хорошо известен. По замечанию А.Д. Шмелева, «однако, как мы видели, формы множественного числа от основы *человек* используются не только в нескольких “застывших” выражениях: они довольно часто воспроизводятся в речи и нередко лишены стилистической маркированности» [Шмелев 2013: 579]. Высказанное мнение соотносится с нашим пониманием того, что узואльное использование оппози́тов *человек – люди* было закреплено практикой русскоговорящих, что и определило грамматические условия их реализации.

Существительное единственного числа *год* в русском языке имеет регулярный корреля́т множественного числа – *годы*. Нормативным в родительном падеже множественного числа является употребление супплетивной формы *лет*: *дама пятидесяти лет*. Оппозиционные пары *годов – лет* и *человек – людей* встречаются в определенных синтаксических конструкциях, за которыми закрепились лексемы *лет* и *человек*: так, формы *лет* и *людей* употребляются во всех случаях, кроме сочетаний с порядковым числительным: *пятидесятих годов*. Как видно из примера, сохранение фонологически отличных основ в парадигме обусловлено не только частотой употребления граммем и семантическими причинами, но и синтаксическими факторами.

Если у имен существительных словоизменительный супплетивизм проявляется в корреляции форм *singularia tantum* и *pluralia tantum*, а также имеет гетерогенные формы обозначения рода, то у имен прилагательных супплетивизм наблюдается при образовании форм сравнительной степени: *хороший – лучше, плохой – хуже, маленький – меньше*. Корневые морфы таких словоформ лишены формальной (фонематической) близости и потому представляют разные морфемы. Краткие формы имени прилагательного могут быть также представлены супплетивами: *большой – велик*. Причем, форма *велик*, в другом своём значении, является несупплетивной краткой формой прилагательного *великий*.

Слова *солонина, солоноватый, величина, равновеликий* и т.п., структурно мотивированные основой краткой формы прилагательных (*солон, велик*), не совпадающей с основой полных форм, – семантически мотивированы лексемой в целом. Изучение различных грамматических классов и подклассов с точки зрения их словообразующих возможностей является одной из актуальных и малоизученных проблем словообразования.

Учитывая то, что адвербиальные слова чаще образуются от адъективов, отметим, что здесь тоже прослеживается явление супплетивизма. Например, аналогичным способом образуется сравнительная степень наречий: *хорошо – лучше, плохо – хуже, мало – меньше*. Причем, формы сравнительной степени наречия и имени прилагательного совпадают.

Гетерогенная пара *можно – нельзя*, относящаяся к категории состояния, в определенный исторический период развития языка не относилась к супплетивным, поскольку у слова *нельзя* был антоним *льзя*, а слово *можно* выступало антонимичным слову *неможно*, которое до сих пор сохраняется в близкородственном украинском языке. Уточним, что слово *нельзя* праславянского происхождения и в XVI-XVII веках в русском и украинском языках отличалось только ударением. Лингвисты И.А. Мельчук и А.Д. Шмелев в своих работах высказали мысль о том, что существовал период, в течение которого *льзя* и *не можно* смещались по “шкале правильности” от безупречной правильности к аномалии. Для *льзя* этот период наступил раньше, чем для сочетания *не можно*, и за это время и произошел переход от синонимии к супплетивизму. Из этого вытекает,

что в рассматриваемый период “мера супплетивизма” данных выражений постепенно повышалась. А.Д. Шмелев считает, что «сказанное можно отнести и к некоторым другим случаям, когда супплетивизм возникает в результате лексической конвергенции» [Шмелев 2013: 575]. Динамика появления супплетивных форм, как мы видим, также связана с колебаниями в системе: от наличия однокорневых форм к исчезновению одного из коррелятов и далее к замене однокоренной пары супплетивной.

У имени числительного в основном встречаются гомогенные формы, но есть и исключения, представленные супплетивизмом. Количественные и порядковые числительные первого десятка и названия разрядов до миллиона имеют разные основы. Наиболее четко это отражено в примерах: *один* – *первый*, *два* – *второй*. Данные гетерогенные граммы имеют разную этимологию.

Из праславянского **(j)edinъ* на восточнославянской почве вследствие изменения начального *je-* в *o-* возникло слово *один*. В древнерусском языке от него образовано сохранившееся в украинском языке слово *одиниця*. От *одинъ* образовано прилагательное *одинокый*, имеющее значение “без других”, “без семьи”. Заметим, что праславянский **(j)edinъ* было сложным словом, образованным из **ed-*, выступавшим в роли усилительно-ограничительной частицы *только* и **inъ* “один”. С этим же корнем слово *инок* с семантикой “живущий один, без семьи”. Слово *первый* в русском языке появилось позже, чем *один* – только в XI веке. В древнерусском языке обозначало “передний”, “перед”. Древнерусское *первь* восходит к общеславянскому *prъvъ*.

Количественное числительное *два* происходит от праславянского **dъva*, берущего свои истоки в индоевропейском языке, в котором обозначало “разветвленная палка”. Порядковое числительное *второй* по корню восходит к праславянскому **vъtorъ* “второй”. Дальнейшее происхождение этого слова объясняется по-разному. Одни ученые связывают его с древнеиндийским *vitaraś* “ведущий далее”, а другие возводят это слово к древнеиндийскому *antaras* “иной”, “другой”. В соответствии с изложенными версиями *второй* – это “иной”, “другой”, и в тоже время “следующий за первым”, что нашло отражение во внутренней форме слова *вторник*.

Имена числительные как часть речи сложились в относительно поздний период истории русского языка и до сих пор сохраняют многие черты, присущие им в древности. Это связано с тем, что названия чисел относились к именам существительным или прилагательным, а некоторые наименования чисел представляли собой сочетания слов. Прилагательными были не только порядковые числительные, но и названия чисел *одинъ* (*одьна, одьно*), *дѣва* (*дѣвѣ*), *три* (*трѣе*), *четыре* (*четыри*). Стремление языка к экономии привело к вытеснению сочетания *четыре десять* лексемой *сорок*. Такое непроизводное обозначение десятков в отношениях имплицитной выводимости как раз и является ярко выраженным супплетивизмом.

Как и в случае с субстантивами, супплетивизм местоимений наблюдается в корреляции единственного и множественного числа. Например, при словоизменении личных форм: *я – мы*. С помощью супплетивных корней выражаются грамматические значения косвенных падежей личных местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица, которая проявляется в несоответствии падежных форм личных местоимений – форм им. п., с одной стороны, и косвенных падежей – с другой (например, *я – меня, мы – нас*).

Приведем полную падежную парадигму супплетивных форм местоимений:

Таблица 12

Проявление супплетивизма в местоименной парадигме

Падеж	Формы единственного числа					Формы мн. числа		
И.п.	<i>я</i>	<i>ты</i>	<i>он</i>	<i>она</i>	<i>оно</i>	<i>мы</i>	<i>вы</i>	<i>они</i>
Р.п.	<i>меня</i>	<i>тебя</i>	<i>его</i>	<i>ее</i>	<i>его</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>	<i>их</i>
Д.п.	<i>мне</i>	<i>тебе</i>	<i>ему</i>	<i>ей</i>	<i>ему</i>	<i>нам</i>	<i>вам</i>	<i>им</i>
В.п.	<i>меня</i>	<i>тебя</i>	<i>его</i>	<i>ее</i>	<i>его</i>	<i>нас</i>	<i>вас</i>	<i>их</i>
Т.п.	<i>мною</i>	<i>тобою</i>	<i>им</i>	<i>ней</i>	<i>им</i>	<i>нами</i>	<i>вами</i>	<i>ими</i>
П.п.	<i>обо мне</i>	<i>о тебе</i>	<i>о нем</i>	<i>о ней</i>	<i>о нем</i>	<i>о нас</i>	<i>о вас</i>	<i>о них</i>

Необходимо отметить, что местоимения 3-го лица имеют разные формы при наличии и отсутствии предлога: *её – у неё, ими – с ними* (после предлога к основе добавляется *н*). Некоторые местоимения в творительном падеже имеют дополнительные варианты, так называемые «удлиненные» формы: *мною – мной, тобою – тобой, ей – ею, ней – нею*.

Отсутствие материальной повторяемости наблюдается в таком лексико-грамматическом классе слов, как глагол. Например, значения процесса и результата глаголов могут выражаться с помощью разных корней (*брать – взять, говорить – сказать, искать – найти, класть – положить, ловить – поймать*). Причем, супплетивные образования охватывают и противопоставляют моторно-кратные и моторно-некратные глаголы движения, которые представлены парами глаголов НСВ и СВ.

Парадигма глаголов *идти – ходить* включает глагольные временные формы, в которых достаточно ярко выражен супплетивизм: *шел – иду – буду идти*. Аналогично могут соотноситься пары несовершенного и совершенного видов: *буду ходить – пойду*.

Граммема *шел* является супплетивной формой прошедшего времени глагола *идти*, так как образовано от другого корня. Историческое чередование *ид-* / *и-* в русском языке уникально и выступает только при образовании этой формы. Этимологически *шел* восходит к корню *хъд-*, наличному в слове *ходить*. Разные основы уже были в языке-основе: *иду, пойду* (праславянские **jьdъ, *pojьdъ*) *поишъл* (праславянское **posьdlъ*).

Супплетивные глагольные формы в основном рассматриваются как аномалии в пределах одной словоизменительной парадигмы, но могут рассматриваться как аномалии в пределах одного словообразовательного гнезда.

Проведенный анализ показал, что супплетивизм, как формальное отсутствие повторяемости морфем при словоизменении, ярче всего проявляется в классе имен существительных. Как нам представляется, это не является случайным, поскольку человек, познавая окружающий себя мир, всегда хотел представить его в виде конкретных реалий. Воспринимая конкретные объекты, человек привлекал различные номинации, которые в процессе эволюции человека и языка закреплялись и передавались из поколения в поколение, подвергаясь определенным изменениям.

Именно изменения отражают стихийность развития языковой системы, влияния языков при контактном и бесконтактном взаимодействии этносов. Необходимо отметить, что эти языковые реорганизации происходили в исконных бинарных оппозициях, которые сохранились, но в

преобразованном виде. В этих языковых процессах прослеживается когнитивная эволюция и влияние процесса апперцепции как вторичного восприятия в закреплении номинации.

5.3.3. Квазисупплетивизм как особый вид деривации

Общеизвестно, что супплетивизм в русском языке чаще рассматривается как словоизменительный способ, реже понимается шире, как способ и словоизменения, и словообразования. Обратим внимание на то, что Е.С. Кубрякова характеризует супплетивное словообразование как неподлинное. Соглашаемся с замечанием Е.С. Кубряковой по поводу того, что «в структуре производного наименования всегда повторяются знак или знаки, или части знаков, содержащиеся в исходной мотивирующей единице, и поэтому слова, связанные отношениями словообразовательной производности, содержат общие черты. Это отличает подлинное словообразование от супплетивного, где подобная материальная повторяемость знаков (как в случаях *стирать* – *прачка*) отсутствует» [Кубрякова 2008: 22], – и считаем его необходимым для нашей работы.

Лингвист В.А. Косова относит подобные примеры не к супплетивизму, а к проявлению гетеронимии. В работе «Супплетивизм в номинативно-деривационной системе современного русского языка» приводит следующие примеры, которые исследователь не считает супплетивами: *слыть* – *репутация*, *печатать* – *типография*, *есть* – *столовая*, *полагать* – *мнение*, *лечить* – *врач*, *красить* – *маляр*, *шить* – *портной*, *рубить* – *топор*, *Германия* – *немец*, *брат* – *сестра* [Косова 1995]. Уточним, что этот вопрос остается открытым и дискуссионным в лингвистике.

Деривационный супплетивизм или, как его называют лингвисты, квазисупплетивизм, еще не был объектом отдельного рассмотрения в когнитивном аспекте, хотя именно ментальные процессы во многом обуславливают наличие данного грамматического явления в языковой системе.

Действительно, в парадигме имен существительных представлен не только словоизменительный, но и словообразовательный супплетивизм, так называемый квазисупплетивизм. Изначально существовали разные слова, имеющие свои словоизменительные парадигмы, в которых не на-

блюдалось никаких пересечений и наложений. Например, противопоставление по гендерному признаку отражает наше понимание одушевленного мира и является универсальным, поскольку характерно для большинства языков мира. По утверждению Е.А. Скоробогатовой, «граммемы мужского и женского рода образуют бинарные знаковые комплексы, устойчивые и воспроизводимые как модель и в конкретных парах» [Скоробогатова 2012: 121]. Мы поддерживаем данную точку зрения и считаем, что наличие в языке бинарных оппозиций на основе гендерных различий является онтологически обоснованным.

У одушевленных имен существительных одним из способов выражения семантического рода являются супплетивные формы, противопоставленные на основе гендерного признака: *мужчина – женщина, муж – жена, отец – мать, сын – дочь, мальчик – девочка, брат – сестра, юноша – девушка, жених – невеста, дед – баба*. В этих случаях отнесенность слова к лицу женского пола не выражена особым суффиксом (например, *-ниц-; -к-* и других), а обозначается лексически. Действительно, «соположение родовых граммем и актуализация значения пола у одушевленных существительных, называющих лица, используется во всех видах речи: официально-деловой, разговорной, научной, в художественной прозе и поэзии» [Скоробогатова 2012: 120].

Указанные выше номинации родства появились в языке в доисторическую эпоху и отразили особенности семейного быта, в котором каждому члену семьи отводилась определенная роль. П.А. Лавровский в работе «Коренное значение в названиях родства у славян» описал происхождение субстантивов, обозначающих родство, которое разделял на два вида: кровное и образуемое посредством брака. Ученый проследил появление и развитие семантики слов, образованных от разных корней (*брат – сестра*), и однокоренных пар (например, *супруг – супруга, внук – внучка, свекор – свекровь, тесть – теща* и других), провел аналогии с санскритскими номинациями, сопоставил со многими славянскими и индоевропейскими языками.

Языковед указывал на то, что важное значение браку придало христианство, и это повлияло на изменение значения слов, называющих чле-

нов семьи. Исследователь отмечал, что «таким образом, слово жена, от общего понятия, заключенного в его корне, существа рождающего, перешло к более тесному – замужней женщине, и стеснилось еще боле в период христианства, начавши обозначать жену в единоженстве, одну законную жену» [Лавровский 1867: 9].

Уже в языческие времена славяне создавали семьи с целью продолжения рода. Ученый писал, что «понятия рождения и питания, заключенные в названиях отца и матери, сами собою предполагают новые существа, рожденные и вскормленные. Только при существовании последних могли явиться в жизни данные понятия, а, следовательно, выразиться и в языке: муж и жена могли стать отцом и матерью лишь тогда, когда родились у них дети» [Лавровский 1867: 19].

Интересным представляется замечание П.А. Лавровского о том, что «идея рождения, отнесенная по преимуществу к названию *мать*, сделалась общемою идею и для обоих родителей, в терминологии всех языков арийских. Как славянское слово родитель, очевидно происходит от род, родить, и одинаково может быть отнесено и к отцу и матери (родительница), так скр. *ganitar* (отец) ... латин. *genitrix* происходят от общего корня *gan*, рождать» [Лавровский 1867: 19].

В искусственном языке эсперанто наблюдаем выровненную, несупплетивную парадигму пары *patro* “отец” – *patrino* “мать”. Эти формы восходят к индоевропейскому праязыку, в котором существовало притяжательное прилагательное со значением “отцовский”, но отсутствовало аналогичное со значением “материнский”, потому что в древнем патриархальном обществе только мужчина имел право собственности, то есть мог чем-либо владеть. Гендерные оппозиции *отец* vs *мать* образуют гиперсемию *родители*. Новую семантику слово *родители* получило под влиянием арабского языка в период Халифата (VIII – XIII века). Слово *baba* в арабском и тюркских языках означает “отец”, а форма множественного числа *baba-lar* – имеет значение “родители”, подчеркивая при этом значимость мужчины, его превосходство над женщиной в мусульманском мире. Можно провести аналогию и с украинским языком: *батьки* – это отец (*батько*) и мать (*мати*).

В период, когда у славян была нарушена патриархально родовая замкнутость, ослабели узы родства и круг, связанных родством людей, ограничился, оказались лишними и были утрачены многие номинации родства, поскольку потеряли свою практическую силу (например, *стрый* “дядя по отцу”). Словарь названий родства сохранился в диалектной речи и просторечии. Как отмечает П.А. Лавровский, «обильная масса слов с поразительно заботливым определением отдельных членов самых отдаленных степеней родства служит лучшим доказательством бытовой важности родственных связей у Славян» [Лавровский 1867: 2]. Расширение семьи до рода, по словам ученого, послужило образцом первоначального общественного устройства всего славянского народа и «взгляд на родственные названия способен вести к заключениям и о доисторической жизни и не только одних Славян, но всего племени арийского» [Лавровский 1867: 98].

В современном русском языке особый интерес представляет пара *дамы – господа*, которая стала вновь активно использоваться в современном разговорном дискурсе. Причем, к лексемам *дамы* и *дама* прибегают в качестве обращения даже в быту, а в последнее время намечена тенденция вытеснения обращения к лицам женского пола *женищина* словом *дама*. Употребление слова *господа* в современном дискурсе встречается чаще, обращение к лицам мужского пола в форме единственного числа *господин* заменило обращения советского периода *товарищ*, которое воспринимается уже как устаревшее или связанное с особыми сферами коммуникации, но в тоже время еще не вытеснило фамильярно-просторечного обращения *мужчина*.

Заслуживает внимания тот факт, что в русском языке основы *год* и *лет* являются непроизводными, утратившими связь с мотивирующей формой, и во вторичном номинативном значении имеют общую семантику – “срок, счетная форма” [Комплексный словарь 2009: 178], которая сохраняется с древних времен. Как первичные звенья деривационной цепочки, они образуют непересекающиеся парадигмы, что закреплено синтагматически в языковой системе. Например, *летопись*, *летописание*, *летоисчисление*, хотя наряду с последним возможно и *годоисчисление*.

Свое значение лексема *лет* сохраняет в таких словах и устойчивых словосочетаниях: *однолетник, однолетнее растение, многолетник, многолетние травы, двулетники, столетие, сколько лет не виделись, кануть в Лету, долгие лета, многие лета*. Только два последних словосочетания имеют симметричные оппозиции: *долгие годы, многие годы*, в других вариантах они отсутствуют.

В идиоматическом выражении – *сколько лет, сколько зим* – вторая часть присоединилась ассоциативно, поскольку слово *лето* в древности обозначало не только три летних месяца, а весь календарный год. В этом значении оно упоминалось в таком историческом документе, как «Договор великого князя Олега с греками», датированный 907 годом. Данная семантика сохранялась до XV века, что нашло подтверждение в летописях того периода [Забелин 2008: 277].

Древние славяне, первоначально занимавшиеся скотоводством, а позже земледелием, зависели от природных явлений и свою жизнь изначально соотносили с солнечным календарем. Новый год начинался в день весеннего равноденствия – особого астрономического явления, которое в древности имело большое сакральное значение для славян. С ним связывали обновление и очищение живой природы. Некоторые исследователи связывают этимологию слова *лето* с ирландским *lith* “праздник” и усматривают в нем первоначальное значение “праздник природы” [Цыганенко 1989: 212].

Не случайно словенское слово *god* также означает “праздник, пора зрелости, итог”, поскольку слово *год* когда-то служило для подведения итогов. В языке южных и западных славян оно до сих пор сохраняется в этом значении. В древнерусском языке слово *угодить* имело семантику “сделать что-то вовремя и этим доставить удовольствие, радость”, данное значение передают и слова других частей речи с корнем *-год-*: *годный, угодно*, т.е. “позволено, желательно”.

Несмотря на то, что деривационный потенциал непроизводной основы *год* был реализован в несимметричных супплетивах как русского, так и украинского языков, ядерная сема во всех новых словах сохраняла позитивную семантику. Негативную коннотацию приобретали только де-

риваты, образованные с помощью отрицательного префикса *не-* (например, в русском языке – *непогода, негодный, негодяй, негодовать, негодование*; в украинском языке – *негода, незгода*). В диалектах встречается слово *негодница* в значении “беда”. Отсутствие строгой симметрии в новообразованиях во многом объясняется неосознанной селекцией номинативных единиц носителями языка, но в то же время закреплением их повседневной практикой использования в речи.

Семантика анализируемых слов имеет общую историко-культурную основу, а новые значения отражают индивидуально-авторское видение мира. Например, в «Словаре неологизмов Игоря Северянина», составителем которого является В.В. Никульцева зафиксировано слово *однолетник*, наполненное новым образным содержанием. Окказионализм И. Северянина передает значение “ровесник, одного возраста”: *Со мною Гришка – однолетник, шалун, повеса из повес....* Лексикограф В.В. Никульцева квалифицирует новообразование как имя существительное, мужского рода, с пометой – разговорное [Никульцева 2008: 263]. Слово *однолетник* в толковых словарях русского языка презентовано с семантикой “однолетнее растение”. Авторский неологизм И. Северянина имеет узуальный коррелят-синоним *однолеток / однолетка*, употребляемый в значении “человек одних лет с кем-нибудь, ровесник”, приводимое в лексикографических источниках также с пометой – разговорное. В разговорном дискурсе используется синоним *одногодок*, фиксируемый в словарях русского языка со значением “тот, кто одних лет с кем-либо”: *друзья-одногодки* [Комплексный словарь 2009: 573]. Нормативный адъектив *однолетний* является многозначным, поскольку имеет два значения: «1. Продолжающийся один год, годоводичный. 2. Развивающийся и отмирающий в течение одного года (спец.) *Однолетние растения*» [Ожегов 1987: 359].

Еще один синоним находим в словарной статье, посвященной слову *год* в словаре В.И. Даля: *годовик* “однолеток, годовалое, переживавшее животное”. Нельзя не обратить внимание на то количество дериватов от слова *год*, которое представлено в указанном лексикографическом источнике: *година, годовщина, годовой, годичный, годовалый, годовщик* “годовой работник”, *годовать* “жить, пребывать, оставаться где-либо целый

год”, многие из которых вышли из употребления и превратились в историзмы [Даль 2010: 178].

Реконструкция древнейшей семантики украинского глагола *годувати*, показывает, что его этимология так же связана со словом *год*. Хотя в украинском языке слово *год* было вытеснено словом *рік*, оно сохраняется в устойчивых оборотах речи: *згодом, добра година, лиха година*. Интересно то, что в русских диалектах сохраняется слово *година* в значении “хорошая погода”. Украинский глагол *погодитися* в переносном значении удерживает присущую корню сему ‘сделать что-то приятное, нужное’. В украинском языке полностью наследовалась форма и семантика глагола *годитися* из древнерусской формы *годитися* “быть нужным, необходимым”, из которого в дальнейшем развилось *годувати* “помогать”, а позже *годувати* “кормить”.

В работе А.А. Потебни «Мысль и язык», которая явилась манифестом психологизма в отечественном языкознании, ученый объясняет различные расхождения, несоответствия в близкородственных языках ментальными особенностями народов. Лингвист полагает, что «психология народов должна показать возможность различия национальных особенностей и строения языков, как следствие общих законов народной жизни» [Потебня 1993: 39]. Эта мысль ученого соотносится с нашим представлением о проявлении внутрикультурного и межкультурного трансферов.

Социально-психологическая рефлексия носителей языка проявляется в дифференцировании первоначальных сходных форм, семантическая аналогия и частотность использования которых приводят к нарушению симметрии не только на лексико-семантическом уровне, но и в грамматике, что является внутренним лингвальным фактором развития языка.

О несимметричности языковой системы в семиотическом аспекте говорят и современные исследователи когнитивисты, поскольку изучение языкового знака «теснейшим образом связано со знанием, познанием, когнитивной, и в этом смысле оно всегда являлось когнитивным» [Лещева 2014: 8]. Л.М. Лещева указывает на то, что «в центре внимания всех когнитологов, изучающих архитектуру и функционирование сознания, оказался естественный язык человека, поскольку все когнитивные процессы

(восприятие информации, категоризация и концептуализация, запоминание, догадка и др.) наиболее ярко проявляют себя именно в наблюдаемой речи, в языковой системе» [Лещева 2014: 8].

Лингвист-когнитолог Л.М. Лещева, описывая регулярную полисемию в классе имен существительных, делает замечание по поводу того, что в английском языке слова *dog*, *goose*, *duck*, как и их корреляты в других языках, являются полисемичными, но при этом они не имеют совпадений в грамматическом роде. Автор объясняет это тем, что в английском языке «перенесение имени с рода на особь в значительной степени связано с различиями в значимости определенной особи животных в практике людей в момент номинации, в частности, большей значимости женских особей гусей и уток и мужских особей собак. Не исключается, однако, и роль случайности, о чем свидетельствуют различия в коррелятивных структурах слов в разных языках. Так, в русском языке словом *гусь*, помимо названия рода птиц, именуют, в отличие от английского языка, мужскую особь этого рода, т.е. используют во вторичной номинации на гиперо-гипонимической основе только название мужской особи, а название женской особи образует в этом случае лауну» [Лещева 2014: 171]. Несмотря на то, что толковые словари фиксируют наименование самки гуся как *гусыня*, данный вариант коррелятивной формы чаще используется в разговорной и диалектной речи наряду с нормированной формой литературного языка. Например, *...впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка* [Гоголь 1959: 101].

Связь между значением существительного и его грамматическим родом может проявляться у наименований домашних птиц на гетерогенной основе (*петух – курица, утка – селезень*), так как реальные различия по полу обозначаются разными словами. Примечательным является то, что названия детенышей в таких парах либо представлены однокоренным словом, связанным деривационными связями с одним из родителей (например, *утёнок*), либо вообще не совпадает ни с одним из родовых оппозитивов: *цыплёнок*.

Наименования некоторых животных также не отличаются последовательностью, которая в наименованиях птиц, хотя и имеет исключения,

но является более системной. У многих зоонимов, имеющих хозяйственное значение (*бык – корова, жеребец – кобыла, овца – баран*), различны три номинации: мужская, женская особь и название детеныша (*жеребёнок, телёнок, ягнёнок*). В приведенных примерах представлен словообразовательный супплетивизм: суффикс *-онок-* присоединяется к разным корням, придавая им значение “детёныш”. В этом же значении в дублирующей паре *конь – лошадь* имеется образование на уровне диалектной лексики *лоша*, что соответствует нормативному деривату в украинском языке.

При формировании супплетивной парадигмы в каждом конкретном случае может наблюдаться двух-, трех- и четырехчленная семантическая оппозиция, в которую будут входить: родовое название животного, название самца, название самки и название детеныша. Необходимо отметить, что отдельные лексемы могут обозначать вид без предметного представления (например, *на лугу пасутся коровы и овцы*).

Интересной представляется родовая цепочка *собака – пес (кобель) – сука – щенок*, в которой проявляются родо-видовые отношения лексических единиц-зоонимов. Первое слово в указанном ряду, представляющее собой гипероним, *собака* относится по своим морфологическим признакам (флексия *-а*) к существительным женского рода, хотя в реальности может обозначать животных обоих полов. Слово *щенок* относится к существительным мужского рода, но может также обозначать детенышей обоих полов. В приведенном ряду указаны два варианта наименований мужской особи – *пес* и *кобель*. Лексема *пес* употребляется чаще в разговорной речи, в определенных контекстах имеет негативную коннотацию (например, *пес смердячий*). Зооним *кобель* может использоваться в качестве специальной лексики кинологами, ветеринарами, как и слово *сука*. Иногда слово *кобель* вводится в контекст с целью создания комизма, чаще приобретая негативную экспрессивную коннотацию в характеристике лиц мужского пола.

Зооним *сука* в русском языке так же имеет пейоративный оттенок и относится к стилистически сниженной лексике, что подтверждает и фразеологизм *сукин сын*. Соединение в одну устойчивую языковую единицу

слов женского (*сука*) и мужского (*сын*) рода повлияло на то, что идиома может употребляться и по отношению к мужчинам, и по отношению к женщинам, хотя и реже. Как пишет А.Д. Шмелев, «выражение *сукины сыны* оказывается подобно выражению *сукины дети* в том отношении, что в нем также частично утрачивается компонент ‘мужской пол’, так что оно может относиться к неопределенной группе людей, потенциально включающей как мужчин, так и женщин. Однако, если речь идет о небольшой группе, включающей как мужчин, так и женщин, предпочтительно выражение *сукины дети*: использование выражения *сукины сыны* является аномальным или может вызвать комический эффект» [Шмелев 2013: 579].

Приведенные корреляционные оппозиции демонстрируют отсутствие повторяемости языковых знаков уже на ранних этапах развития языка, что прослеживается в этимологии супплетивных номинативных единиц. Древнейшее происхождение супплетивов и более позднее объединение их в категории на основе общности значения связаны с животным или растительным миром (например, *помидоры*, но сок *томатный*). Это не случайно, поскольку жизнь человека была неотделима от жизни прирученных домашних животных, выращивания корма для себя и своих питомцев, поэтому и номинативные единицы на ранних этапах языка образовывались на конкретной предметно-понятийной основе. Познавание окружающей действительности и самого себя требовало появления новых слов, уже не с конкретным, а абстрактным значением от разных корней, а уже при абстрагировании наименований наблюдался переход гетеронимии в супплетивизм.

Люди издавна облекали свои мысли в структуры, которые образовывали единство грамматики и лексики. По выражению Ю.Н. Караулова, такие структуры представляют собой «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [Караулов 2010: 87]. Несмотря на то, что созданная человеком наивная языковая картина мира была симметричной, существовала в бинарных оппозициях, изначально формировалось отсутствие повторяемости элементарных знаков в деривационных парадигмах, что в итоге привело к

нарушению симметрии в языковой системе.

Для возникновения и сохранения супплетивов в языке должны иметься определенные условия. Причиной ментальных и культурных особенностей является первичное восприятие, чаще всего поверхностное. Первый признак, бросившийся в глаза, закрепляется в языке. В супплетивизме, как аномальном явлении, напротив происходит закрепление вторичного восприятия. Грамматические формы слов, апробированные на практике носителями языка, вытесняют первичные и занимают их место в парадигме. Супплетивные грамматические формы являются, на наш взгляд, отражением креативного мышления носителей языка, результатом развития их когнитивных способностей.

Выводы

Несмотря на то, что в центре нашего внимания были грамматические оппозиции современного русского языка, мы пришли к выводу о том, что грамматические формы в исторической ретроспективе требуют новых научных интерпретаций в языкознании. При этом необходимо опираться на данные не только лингвистики, но лингвокультурологии и психолингвистики. Эмпирические показатели смежных наук являются, на наш взгляд, важными для пояснения явлений языковой селекции в грамматике русского языка.

С целью сбора материала для анализа нами был проведен ассоциативный психолингвистический эксперимент, респондентами которого стали студенты-магистры, уже имеющие достаточный базовый уровень лингвистической подготовки. Наше внимание было сфокусировано на выявлении грамматических лакун. Ответы респондентов касались грамматических форм и грамматических явлений языка, с которыми ассоциативно связано понятие «отсутствие». С помощью данного психолингвистического эксперимента мы собрали языковой материал для анализа, попытались объяснить некоторые лингвокультурные и лингвopsихологические особенности грамматики русского языка.

Проведенный исторический анализ репрезентантов понятия «отсутствие» позволил проследить динамику изменений языка на грамматиче-

ском уровне, которая отражает постоянное развитие языка как системы. Мы пришли к выводу, что пустое звено в грамматической системе языка является стимулом для дальнейшей эволюции, а заполненность «ниши», по нашим наблюдениям, свидетельствует о высокой степени актуальности данной граммы, синтаксической конструкции для языкового коллектива. В результате рассмотрения языковых изменений в грамматике русского языка, а также обращения к историческим комментариям, нами выделены три семантических типа понятия «отсутствие» на уровне грамматики русского языка: *полное отсутствие*, *восполняемое отсутствие*, *исчезновение*. Указанные типы подтверждают тот факт, что грамматическая система русского языка является отражением своеобразия ментальности русского народа. Приведенные примеры, иллюстрирующие разные семантические типы, отражают лингвоспецифическое и идионациональное своеобразие русского языка.

В ходе проведенного исследования супплетивных форм, которые, на наш взгляд, являются непосредственной языковой фиксацией понятия «отсутствие», мы выяснили, что, хотя в русском языке данный способ выражения грамматических значений является непродуктивным, он достаточно широко представлен в языковой системе. Как грамматическое явление супплетивизм связан с языковой ментальностью носителей русского языка. Система супплетивных форм представляет супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака и помогает определить место понятия «отсутствие» в языковой знаковой системе.

Словообразовательный супплетивизм охватывает гетерогенные формы разных частей речи и выявляет лингвокультурные истоки появления таких форм. Супплетивные формы слов в русском языке являются уникальными, так как используются только при образовании одной конкретной грамматической формы. Это обусловлено тем, что супплетивы появляются в результате изменений в лексико-семантической подсистеме языка, влекущие за собой изменения в грамматической подсистеме.

Деривационный супплетивизм нами представлен в когнитивном аспекте, поскольку именно ментальные процессы во многом обуславливают наличие данного грамматического явления в языковой системе. Мы

считаем, что деривационный супплетивизм характеризуется как проявление нарушения симметрии в языковой системе и представляет собой особый способ образования новых слов, отражающих когнитивные способности человека. Языковые данные позволяют сделать вывод о том, что деривационный супплетивизм развивался как под воздействием собственно лингвальных, так и экстралингвистических факторов, влияющих на создание языковой картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной монографии изложены соображения относительно понятия «отсутствие» как лингвокогнитивного феномена и средств его репрезентации в русском языке. Ранее проблема отсутствия определенного языкового элемента в системе русского языка рассматривалась в лингвистике только в функциональном аспекте и в отношении языковой нормы. Понятие «отсутствие» на разных уровнях языковой системы не исследовалось в когнитивном аспекте и нуждалось в объяснении причин «пустых» ячеек в структуре русского языка.

Теоретические проблемы изучения понятия «отсутствие» заключаются в том, что, с одной стороны, понятие «отсутствие» является общегуманитарным понятием, имеющим большой экспланаторный потенциал, а, с другой стороны, оно является ментальным, несущим специфические национальные особенности, характерные для конкретного языка, в данном случае, русского.

Нами акцентируется внимание на том, что понятие «отсутствие» заложено в онтологических принципах и отражено на кванторной шкале существования. Окружающий человека мир существует в бинарных оппозициях, в основе которых находятся понятия «наличие» vs «отсутствие». С древнейших времен человек осознавал себя в пространстве и времени, исходя из определенного наличия vs отсутствия кого-либо или чего-либо. Отсутствие всегда оказывалось значимым для индивида конкретного этноса: отсутствие кого-то или чего-то должно было быть важным именно в определенной ментальной, культурной и языковой среде. Мы считаем, что понятия «наличие» vs «отсутствие» связаны со способами лексической, грамматической и дискурсивной маркированности значимости.

В монографии нами были критически проанализированы наработки исследователей, касающиеся непосредственно термина *понятие*, начиная с античности и заканчивая современными теориями ученых-когнитологов разных областей знания. Нами были обобщены результаты достижений в теоретическом плане и высказана мысль о том, что понятие «отсутствие» становится одним из основополагающих понятий в современной когнитивистике.

Теоретической платформой и предпосылками исследования послужили следующие факторы: аргументация в пользу выбора термина *понятие* в рассмотрении лингвокогнитивных средств, представление понятия «отсутствие» как объекта языкознания и степень его изученности в гуманитарных науках, а также исследование понятия «отсутствие» в междисциплинарном аспекте, что подтверждает ценность данного понятия для когнитивных исследований.

Вытекающая из теории методология включила наиболее существенные для исследования понятия «отсутствие» принципы анализа языкового материала. В монографии предложены методологические основы для исследования абстрактных понятий в когнитивном аспекте. Поскольку в когнитивной науке нет единого научно-методического подхода в изучении языковых явлений, методологические постулаты выводятся нами из преемственности лингвистических взглядов ученых XIX – XX веков и современных лингвистов. При этом мы ссылаемся на большое количество работ украинских языковедов, опираемся на их исследования, связанные с психологическим и историческим векторами познания, взаимовлиянием языков в онтогенезе и филогенезе. Мы пришли к выводу о том, что каждая последующая концепция опиралась и строилась на основе предыдущей с учетом новых достижений языковедческой науки.

Важно понимать, что концепции исследователей XXI века созвучны с идеями украинского языковеда П.А. Лавровского, который рассмотрел языковые факты в хронологии и локализации, проследил изменения, которые в них происходят, указал на постепенный характер этих изменений, обнаружил и объяснил особенности родственных языков. Выводы, которые сделал ученый, сохраняют свою значимость и имеют теоретическую и практическую ценность для когнитивно-дискурсивного анализа такого гетерогенного явления, как язык. Свои наблюдения над языковым материалом, репрезентирующим понятие «отсутствие», мы подтверждали не только мыслями современных лингвистов-когнитологов, но по многим научным позициям обращались к историческим комментариям П.А. Лавровского.

Весомым вкладом в методологию языкознания стало введение

А.А. Потебней психологического понятия апперцепции в языкознание. Дальнейшая актуализация идей ученого об апперцепции позволила нам предложить и использовать в нашей работе методику словообразовательного анализа в когнитивном аспекте. На основе теоретических положений, разработанных А.А. Потебней, нами было рассмотрено влияние апперцепции на раскрытие словообразовательного потенциала префиксов в русском и украинском языках в парадигме когнитивной лингвистики.

Основополагающее методологическое значение в нашем исследовании приобрели также идеи языкового взаимодействия украинского языковеда И.К. Белододе в изучении когнитивных процессов. Научные разработки академика являются солидным вкладом в исследовании всех славянских языков, в том числе, и русского, поскольку методология когнитивной лингвистики охватывает языковедческие и ментальные интерпретации языковых явлений, которые демонстрируют, с одной стороны, взаимообусловленность и взаимозависимость родственных славянских языков, а, с другой, – самобытность каждого языка. Для рассмотрения понятия «отсутствие» мы неоднократно обращались к языковому материалу родственных языков, что способствовало выявлению особенностей и специфических ментальных экспликаций данного понятия в русском языке. Сопоставления проводились как на синхронном срезе, так и в диахронии.

Собственно, в монографии нами впервые предложен новый аспект в описании многообразия экспликации понятия «отсутствие», в качестве которого рассмотрено совмещение психологического и исторического векторов исследования с социокультурным. Также нами сделана попытка применения методологии культурного трансфера для выявления лингвоспецифического и идионационального своеобразия репрезентации понятия «отсутствие».

В результате осуществления описания процесса формирования понятия «отсутствие» в русском языке было установлено: во-первых, актуальность генетической связи оппозитивов *отсутствие* – *присутствие*, во-вторых, первичность жестовой репрезентации понятия «отсутствие» в коммуникации, в-третьих, наличие прототипических особенностей

понятия «отсутствие» в поговорках, и, в-четвертых, как диахроническое завершение этапов развития понятие «отсутствие» в довербальной и невербальной коммуникации, конвергенция вербальных и невербальных средств выражения понятия «отсутствие».

Поскольку в лингвистической плоскости коммуникации наблюдается соединение невербальной и вербальной репрезентации понятия «отсутствие», сопровождение звуковой речи жестикуляцией, на наш взгляд, усиливает понятие «отсутствие» эмоционально и придает ему особую экспрессию, а также выявляет национальные специфические черты.

Рассмотрение состояния изученности понятия «отсутствие» в структурной организации языковой системы позволило выявить «ниши» не исследованных фрагментов языковой репрезентации анализируемого понятия. Нами были определены особенности лексико-семантической и деривационной экспликации понятия «отсутствие», которые заключаются в корреляции понятия «отсутствие» с понятиями «пустота» и «отрицание», префиксальной экспликации понятия «отсутствие» и механизмах ее нарушения, в утрате семы 'отсутствие' при двойной префиксации.

Применение методики концептуального анализа языковых фактов позволило рассмотреть корреляцию понятия «отсутствие» с понятиями «отрицание» и «пустота». В результате было установлено, что понятие «отсутствие» и понятия «отрицание» и «пустота» могут находиться на семантической оси переходности, а их корреляция будет зависеть от материальных репрезентантов. Была подтверждена гипотеза о том, что лексические средства выражения понятия «отсутствие» появились в силу семантической неполноты языковых прототипов *нет* и *без*, так как они не выражали субъективных нюансов, которые приобрели конкретные слова.

Были подвергнуты анализу механизмы когнитивного моделирования понятия «отсутствие», имеющие вербальное воплощение, а также выявлено нарушение механизма репрезентации сем 'наличие' и 'отсутствие' в формировании значения слов.

В работе анализируется нарушение механизма репрезентации сем 'наличие' и 'отсутствие' на материале русских и украинских эквивалентных слов *безопасный* – *безпечний*, которые представляют собой семанти-

ческую и морфологическую аномалию одновременно. Антонимические компоненты значения “наличие” и “отсутствие” передают образования с одинаковыми префиксами, но префиксы с семой ‘отсутствие’ не придают словам противоположного значения. Приводятся аргументы в подтверждение того, что корреляты родственных языков русск. *безопасный* – укр. *безпечний* объединяет первичное значение, которое сохраняется в корнях – “тот, который не требует заботы”.

Необходимо указать, что на формировании понятия «отсутствие» и его языковой и речевой репрезентации в русском языке сказалось влияние других языков, наложил отпечаток так называемый лингвокультурный трансфер. С помощью лингвокультурного трансфера осуществлялось накопление, сохранение и передача информации от поколения к поколению как в одном этническом коллективе (внутрикультурный трансфер), так и в разных этносах (межкультурный трансфер).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют об универсальном экспланаторном потенциале понятия «отсутствие». Несмотря на то, что в мышлении человека мир представлен в бинарной оппозиции наличие vs отсутствие, объяснение большого количества явлений, понятий осуществляется с помощью понятия «отсутствие», а не понятия «наличие».

Как отмечалось в монографии, репрезентация понятия «отсутствие» наблюдается на всех уровнях языковой системы, и для когнитивного изучения анализируемого понятия было важным его представленность в грамматике русского языка. В результате изучения понятия «отсутствие» как сущность vs явление в грамматической системе – выяснено следующее: проявление понятия «отсутствие» отражает грамматическую лакунарность, которая может соотносится с различными семантическими типами понятия «отсутствие» в грамматике русского языка. На основе исторических фактов русского языка нами были условно выделены три типа: *полное отсутствие, восполняемое отсутствие, исчезновение*. Языковой материал, распределенный для анализа каждого типа, использовался не только в качестве иллюстрации, но и с целью теоретической систематизации идей осознания роли понятия «отсутствие» в становлении системы

русского языка.

Рассмотрение положений теории супплетивизма позволило прийти к заключению о том, что супплетивизм является одним из способов экспликации понятия «отсутствие» в русском языке. Супплетивизм как результат развития языка и отражение ментальности его носителей может выявляться как отсутствие материальной повторяемости знака, как словоизменительный супплетивизм и квазисупплетивизм. Особого внимания заслуживает формирование бинарных оппозиций грамматических категорий разных частей речи, которое осуществлялось стихийно в ментально-языковой среде носителей русского языка. Языковая селекция закрепила по-парно лексемы с разной фонемной и морфемной структурой. Теоретически важным считаем осуществленную в данном исследовании систематизацию представленности супплетивизма разными частями речи и развитие идей разграничения видов супплетивизма как грамматического явления в русском языке.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо заметить, что данная проблема не исчерпала себя и может получить дальнейшее развитие. В перспективе может быть рассмотрена реализация понятия «отсутствие» в различных типах дискурса, поскольку «дискурс-анализ выявляет социальный контекст, в котором создается и существует определенный текст, со всеми психическими, социальными, психологическими, культурными обратными связями, что этот текст вызывает. Дискурс-анализ смотрит на язык как на интеракцию. Язык впитал в себя как все обычные модели отношений людей, так и отражает социальный статус-кво в речи конкретных людей. Дискурс-анализ оперирует собственной единицей, отличной от единиц языковых уровней – высказыванием, речевым актом» [Монахова 2015: 73]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет имплицитность как особый способ передачи информации в тексте, паузация и другие типы репрезентации понятия «отсутствие» в дискурсе.

Подводя черту, отметим, что несмотря на то, что материал исследования нами был ограничен в силу языкового критерия регулярности, тем не менее зафиксированные и проанализированные примеры понятия «отсутствие» явились иллюстрацией вербальной и невербальной репре-

зентации данного абстрактного понятия в русском языке. Исследование показало, что в современном интеграционном процессе когнитивных наук, понятие «отсутствие» способно выполнять функции дедуктивного и креативного характера в познании языка как феномена психики человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Дж. Когнитивная психология [пер. с англ. С. Комаров]. СПб.: Питер. 2002. 496 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. Арутюнова Н. Д. Специфика языкового знака в связи с закономерностями развития языка // Общее языкознание: формы существования языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука. 1970. С. 169-196.
4. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований: сб. научн. тр. М.: Наука. 1980. С. 156-249.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [Гл. ред. В. Н. Ярцева]. М.: Сов. Энциклопедия. 1990. С. 137.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов М.: Сов. Энциклопедия. 1966. 606 с.
7. Бабаев К.В. Об определении и типологии супплетивизма // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург. 26 – 31 марта 2012 г.: Избранные труды / Отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2013. С. 10-16.
8. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. М.: Сов. Энциклопедия. 1990. С. 446.
9. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. Университета. 1996. 104 с.
10. Багана Ж., Таранова Е.Н. Терминообразование в языке науки: монография М. 2012. 144 с.
11. Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. 2011. С. 22-27.

12. Баксанский О. Е. Когнитивный образ мира: Научная монография. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация». 2010. 224 с.
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [пер. с фр. К. А. Долинина]. М.: Изд-во иностр. лит. 1955. 416 с.
14. Бальмонт К.Д. Стихотворения. М.: Худож. лит. 1990. 397 с.
15. Бацевич Ф.С. Словник термінів міжкультурної комунікації URL: <http://terminy-mizhkult-komunikacii.wikidot.com/sloovnyk>.
16. Бацевич Ф.С. Філософсько-методологічні засади сучасної лінгвістики: спроба обґрунтування // Мовознавство. 2006. № 6. С. 33-40.
17. Белодед И.К. Плодотворные пути языкового взаимодействия (на материале русского и украинского языков) // Вибрані праці в трьох томах. Т.1. Київ: Наукова думка/ 1986. С.119-127.
18. Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке: дисс. докт. филол. наук. М. Государственная академия славянской культуры. 2008. 395 с.
19. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика. 1994. 528 с.
20. Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке: сб. научн. тр. М.: ИНИОН РАН. 1994. С. 87-110.
21. Бенвенист Э. Общая лингвистика [пер. с франц. Ю.Н. Караулова; под ред., с вступ. ст. и комм. Ю.С. Степанова]. М.: Прогресс. 1974. 448 с.
22. Берк Л.Е. Развитие ребенка [пер. с англ. А. Богачев, Е. Виноградова, А. Ершова и др.]. СПб.: Питер. 2006. 056 с.
23. Биби́к С. П., Сюта Г. М. Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання / За ред. С. Я. Єрмоленко. Х. 2006. С. 50.
24. Биbihин В.В. Внутренняя форма слова. СПб: Наука. 2008. 420 с.
25. Білоді́д І.К. Контакти української мови з іншими слов'янськими і уніфікація її усної літературної форми // Доповідь на VI міжнародному з'їзді славістів. Київ: Наукова думка. 1968. 34 с.

26. Білоусенко П.І. Історія суфіксальної системи українського іменника. Київ. 1993. 214 с.
27. Блауберг И. В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М.: Наука. 1969. 48 с.
28. Блумфильд Л. Язык [пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат]. М.: Прогресс. 1968. 608 с.
29. Бобрышева И.А. Фразеологизмы как репрезентанты концепта «пустота» в идиолекте (материалы к словарю языка М.И. Цветаевой) //Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова 2011. №3(33). С. 740-744.
30. Богуцкая Н.Г., Насека А.М. Каталог бесчелюстных и рыб пресных и солоноватых вод России с номенклатурными и таксономическим комментариями. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2004. 389 с.
31. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Наука. 1963. Т. 1-2. 224 с.
32. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Просвещение. 1964. С. 263–283.
33. Бодуэн де Куртенэ И.А. Человечество языка // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 258–264.
34. Болдырев Н.Н. Отрицание как модусно-оценочный концепт // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы регион. науч. конф. Белгород. 2003. Вып. VII. Ч. I. С. 4-5.
35. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке: сб. науч. Трудов. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. Тамбов. 2010. Вып. VII. С. 45-59.
36. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33(248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.

37. Большанин А.Ю. Пустота и экзистенциальный вакуум: перспективы экзистенциальной терапии. // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. №14, 2009. URL: http://flogiston.ru/articles/therapy/existential_vacuum.
38. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [гл. ред. В. Н. Ярцева]. М.: Большая российская энциклопедия. 2000. 686 с.
39. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка //История языков народов Европы. М.: Либро. 2010. 510 с.
40. Бородицки Л. Как языки конструируют время // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 199-213.
41. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. М.: Высшая школа. 1984. 304 с.
42. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации [пер. с англ. К. И. Бабицкого]. М.: Прогресс. 1977. 413 с.
43. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Добросвет-2000. 2004. 304 с.
44. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз. 1953. Ч.2. 180 с.
45. Бурлак С.А. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы М.: Изд-во «Астрель». 2011. 480 с.
46. Буянова Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография М.: ФЛИНТА : Наука. 2013. 184 с.
47. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии Благовещенск: БГПУ. 2003. 364 с.
48. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание [пер. с англ. М. А. Кронгауз]. М.: Русские словари. 1997. 411 с.
49. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов М.: Языки славянской культуры. 2001. 604 с.

50. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов М.: Смысл. 1998. 685 с.
51. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. Т. 1. М.: Смысл: Издательский центр «Академия». 2006. 448 с.
52. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 42–72.
53. Вендина Т.И. Славянские диалекты и проблема сохранения этноязыкового фонда славян. // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга I. М. Фонд «Развитие фундаментальных лингвистических исследований». 2014. С.13-45.
54. Венжинович Н. Ф. Концептуальна й мовна картини світу як похідні етнічних менталітетів // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Вип. 14. Донецьк: ДонНУ. 2006. С. 8-12.
55. Виноградов В. В. Фразеология. Семасиология // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука. 1977. С. 118-161.
56. Вундт В. Проблемы психологии народов // Вундт В. Психология народов. М.: Изд-во Эксмо. СПб: Terra Fantastica. 2002. С. 9– 116.
57. Вундт В. Введение в психологию (Einführung in die Psychologie) М.: КомКнига. 2007. 168 с.
58. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт. 2005. 352 с.
59. Гаврилкина М.Ю. Концепция пустоты в романе О. Славниковой: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск. 2013. 176 с.
60. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Международные отношения. 1977. 264 с.
61. Гейгер Л. История немецкого гуманизма / Пер. Е. П. Вилларского/ Предисл. Г.В. Форстена. Спб. 1899. 354 с.
62. Герасимова И.А. Логические рассуждения на основании личностных знаний // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания / [отв. за выпуск Н.Д. Арутюнова]. М.: Наука. 1987. С. 41–43.
63. Гивон Т.Сложность и развитие // Язык и мысль: Современная когни-

- тивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 89-122.
64. Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2014. 368 с.
65. Глущенко В.А. Порівняльно-історичний метод в українському мовознавстві 20-х -60-х р.р. ХІХст. Наукові праці: науково-методичний журнал. Вип. 260. Т. 272. Філологія. Мовознавство. Миколаїв: Видво ЧДУ ім. Петра Могили. 2016. С. 21-25.
66. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1959. Полн. Собр. Соч. в 6 т. Т. 5. 575 с.
67. Голев Н. Д. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии // Вестник Барнаульского госпедуниверситета: Гуманитарные науки. Вып. 2. Барнаул. 2002. С. 13-18.
68. Грещук В.В. Український відприкметниковий словотвір. Івано-Франківськ: Видавництво «Плай» Прикарпатського університету ім. В. Стефаника. 1995. 208 с.
69. Гулыга Е.В. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука. 1976. С. 291–314.
70. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию [пер. с нем. Г. В. Рамишвили]. М.: Прогресс. 1984. 398 с.
71. Гурин Г.Б. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке: на материале словарей: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск. 2000. 178 с.
72. Гусейнов Г. Десять аристотелевских категорий. 2012. URL: <https://postnauka.ru/video/7751>
73. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо. 2010. 736 с.
74. Деглин В.Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. Амстердам-Киев: Женевская инициатива в психиатрии. Ассоциация психиатров Украины. 1996. 151 с.

75. Дерина Н.В., Севастьянова В.С. Преодоление «ПУСТОТЫ» в русской литературе 1910-х годов (Н. Гумилева, О. Мандельштам). Вестник Челябинского государственного университета, Филология. Искусствоведение. Выпуск 91. 2014. №16 (345). С. 33-35.
76. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Изд-во: Академический проспект. 2000. 432 с.
77. Дерягина М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты. Учебное пособие. 2-е изд. М.: Изд-во УРАО. 2003. 208 с.
78. Дешеулина Л.Н. Дефектные парадигмы склонения имен существительных в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. СПб. 2009. 225 с.
79. Дивьяк Д. Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 448-477.
80. Дресвянников В.А. Жесты: попытка обобщения и классификации. 2008. URL: http://www.elitarium.ru/2008/08/06/zhesty_klassifikacija.html.
81. Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. Т. II. М.: Просвещение. 1965. С. 111-120.
82. Есперсен О. Философия грамматики [пер. с англ.; общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша]. М.: Едиториал УРСС. 2002. 408 с.
83. Етимологічний словник української мови. У 7-х т. // АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Редкол. О.С. Мельничук (головний ред.) та ін. / Укладач Р.В. Болдирєв. К.: Наук. Думка. 1982. Т.1. 632 с.
84. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Вісник Черкаського ун-ту: Серія «Філологічні науки». 1999. № 11. С. 12-25.
85. Жаботинская С.А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети // Złoto z perspektywy językoznawcy i tłumacza, tom II. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2005. P. 53-62.

86. Жаботинська С.А. Лексичні поля й нелінійна динаміка когнітивних структур // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Випуск 52. Львів. 2011. С. 3- 11.
87. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. К.: Довіра. 2006. 703 с.
88. Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука. 1977. С. 136–146.
89. Журавлев А. П. Аспекты значения слова и их восприятие // Восприятие языкового значения: межвузовский сборник. Калининград: Изд-во Калининградского университета. 1980. С. 3-11.
90. Забелин И.Е. Русская летопись и ее сказания о древних временах // История русской жизни с древнейших времен. М.: Эксмо. 2008. С. 260-322.
91. Загнітко А.П. Теорія сучасного синтаксису: монографія. Донецьк: ДонНУ, 2008. 294 с.
92. Закуренок А.Ю. Структура и истоки романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота», или роман как модель постмодернистского текста. // Литературно-философский журнал «Топос». 2005. URL: <http://www.topos.ru/article/4032>
93. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13-25.
94. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур. 2008. 280 с.
95. Звегинцев В.А. Внутренние законы развития языка. М.: Изд-во МГУ. 1954. 31 с.
96. Земская Е. А. Проблема регулярности в языкознании // Международная научная конференция «Деривация и история языка»: тезисы докладов. Пермь: Изд-во Пермского университета. 1985. С. 4-5.
97. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры. 2004. 656 с.

98. Золотая коллекция пословиц и поговорок/ сост. Т.В. Скиба. Ростов н/Д.: Владис. 2010. 480 с.
99. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение. 1990. 400 с.
100. Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. Радио. 1978. 184 с.
101. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры. 2004. 208 с.
102. Иванов В.В. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка [сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская]. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 173–191.
103. Ильина В. А. К проблеме словообразовательного значения // Исследование словообразования и лексики русского языка: Сб.науч.тр. Фрунзе. 1985. С. 20-27.
104. Ильяхов А.Г. Античные корни русского языка. Этимологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 320 с.
105. Иорданский А.М. История двойственного числа в русском языке. Владимир: ВГПИ. 1960. 156 с.
106. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. научн. трудов. Волгоград-Архангельск: Перемена. 1996. С. 3-16.
107. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.
108. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. Москва. Гнозис. 2013. 320 с.
109. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва. Наука. 1981. 366 с.
110. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ. 2010. 264 с.
111. Карри Х.Б. Основания математической логики [пер. с англ. В.В. Донченко; под ред. Ю.А. Гастева]. М.: Мир. 1969. 567 с.

112. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. М.: Высшая школа. 1991. 384 с.
113. Касевич В.Б. Заметки о «когниции» // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С.173-185.
114. Каспэ И.М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение. 2005. 192 с.
115. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1965. 112 с.
116. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке [пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой]. Самара: СамГПУ. 1997. 312 с.
117. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
118. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка СПб.: Алетейя. 2005. 719 с.
119. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
120. Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку. // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 29-59.
121. Киклевич А.К. О коммуникативно-прагматических аспектах многозначности // Przegląd Wschodnioeuropejski VI / 1 2015 С.167-179. URL: <http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>
122. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц. Львов: Изд-во ЛГУ. 1988. 163 с.
123. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур. 2007. 704 с.
124. Ковтунова И.И. «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII–первой половины XIX в. // Публикация А.Г. Грек. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2010. 285 с.

125. Козинцев А.Г. Происхождение языка: новые факты и теории // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского университета/ Гл. редактор Л.А. Вербицкая. СПб.: Филологический факультет. 2004. С. 35-48.
126. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1986. 312 с.
127. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2006. 624 с.
128. Колобова К.М., Озерецкая Е.Л. Олимпийские игры. М. 1958. С. 61 с.
129. Коловоротна Н.Д. Вербалізація концепту «мовчання» в художньому дискурсивному просторі української мови // Автор. дис. канд. філол. наук. Харків. 2014. 20 с.
130. Коул М. Культура и мышление: Психологический очерк [пер. с англ. П. Тульвисте; ред. и предисл. А.Р. Лурия]. М.: Прогресс. 1977. 264 с.
131. Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов и др.; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. – 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа. 2009. 1228 с.
132. Конверский А.Е. Логика традиционная и современная. Учебное пособие. М.: Идея-Пресс. 2010. 380 с.
133. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука. 1975. 720 с.
134. Косова В.А. Супплетивизм в номинативно-деривационной системе современного русского языка: автореф. ... канд. филол. наук. Казань. 1995 24 с.
135. Кофман Ж.-К. Самотня жінка і Чарівний Принц. К.: Темпора, 2011. 368 с.
136. Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию // Психология ощущений и восприятия / [под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской]. М.: ЧеРо. 2002. С. 126-143.
137. Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2015. 280 с.

138. Кравченко А.В. О предметной области языкознания. Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С.155-172.
139. Крайг Г. Психология развития [пер. с англ. А. Маслов, О. Орешкина, А. Попов]. СПб.: Питер. 2007. 944 с.
140. Кронгауз М.А. Несуществование слова как проблема // Труды международного семинара «Диалог 98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т.1. Казань: ООО «Хэтер». 1998. С. 74-81.
141. Кронгауз М.А. Слово за слово: о языке и не только. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2016. 480 с.
142. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Полиграфслужбы. 2005. 432 с.
143. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный. Синтаксис простого и сложного предложения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС. 2004. 464 с.
144. Кубрякова Е.С. Об основной единице словообразовательной системы языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент. 1978. С. 36 -39.
145. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука. 1986. 158 с.
146. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры. 2004. 560 с.
147. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е.А. Земская; Предисл. В.Ф. Новодрановой. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство ЛКИ. 2008. 208 с.
148. Кудрявцева Н. Г. О термине «концепт» в лингвокультурологии // Культура народов Причерноморья. 2004. № 54. С. 31-35.
149. Кудрявцева Н.С. Методологія когнітивних досліджень: перспективи емпіричного підходу // Мовознавство. №1. 2013. С. 66-76.

150. Куликова Э.Г. Коммуникативный континуум: Вариантно-инвариантный подход. URL: <https://www.google.com.ua/search?q>
151. Купіна І.О. Фразеологічна вербалізація семантичного поля «граничність» в українській мові: автореф. дисс. канд. філол. наук. Харків. 2017. 20 с.
152. Купрієнко С.А. Імперія інків. Кіпу з Чупачу: організація праці, календар і чисельність населення // Дні науки історичного факультету-2012: Матеріали V Міжнародної наукової конференції молодих учених. Вип. V. Київ. 2012. С. 19-21.
153. Лавровский П.А. О языке северных Русских летописей. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук. 1852. 160 с.
154. Лавровский П.А. Записка о втором издании первой части исторической грамматики Ф.И. Буслаева. Санкт-Петербург. 1865. 52 с.
155. Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян. Санкт-Петербург. 1867. 120 с.
156. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс [пер. с англ. И.А. Муравьевой и Е.Г. Устиновой]. М.: Едиториал УРСС. 2004. 320 с.
157. Лакофф Д. Женщины, огонь и другие опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис. 2011. 512 с.
158. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высшая школа. 1962. 296 с.
159. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века: научное издание. М.: Наука. 1981. 359 с.
160. Лещак О.В. Дискурс как функционально-прагматический вариант лингвосемиотического опыта // Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne, pod red. A.Kiklewicza i I. Uchwanowej-Szmygowej. Olsztyn. 2015. S. 57-66.
161. Лещева Л.М. Когнитивная лингвистика и терминологическая двуязычная интерпретирующая лексикография / Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 411- 425.

162. Лещева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: Языки славянской культуры; Знак. 2014. 256 с.
163. Линдберг Г.У. Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны. Л. : Наука. 1980. 558 с.
164. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. Ред. колл. Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер (отв. секретарь), В.З. Демьянков, М.Л. Ковшова, И.В. Силантьев, М.А. Тарасова (редактор-корректор), Т.Е. Янко. М.: Культурная революция. 2016. 500 с.
165. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. Изд-во «Влалемир Даль». 2001. 336 с.
166. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Л. 1952. Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. С. 389-578.
167. Лопатин В. В. О значении словообразовательного аффикса // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: тезисы докладов секционных заседаний. М.: МГУ. 1974. С. 8-10.
168. Лопатин В.В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: «Издательский центр “Азбуковник”». 2007. 743 с.
169. Лотман М.Ю., Лотман Ю.М. Между вещью и пустотой (наблюдения над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Уrania») // Лотман М.Ю. О поэтах и поэзии. С-Пт. Искусство. 1996. 846 с.
170. Лукинова Т.Б. Українська лексика: семантичні зміни в запозичених словах. // Мовознавство. 2013. № 2-3. С. 18- 39.
171. Лук'янець В.С., Кравченко О.М., Озадовська Л.В. та ін. Світоглядні імплікації науки. Київ: Вид. ПАРАПАН. 2004. 408 с.
172. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологическое исследование. М.: Наука. 1974. 172 с.
173. Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-наДону: Феникс. 1998. 416 с.
174. Лучик А. А. Еквіваленти слова в українській і російській мовах: автореф. дис. на здоб наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова»; 10.02.02 «Російська мова» Київ. 2001. 34 с.

175. Лучик А. А. Природа і статус еквівалентів слова в мовній системі // Мовознавство. 2006. № 5. С. 95-99.
176. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под. ред. Р.А. Новикова. – Изд. 9-е стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2012. 592 с.
177. Львов М.Р. Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Словарь антонимов русского языка // Под. ред. Р.А. Новикова. Изд. 9-е стер. М. АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2012. 592 с.
178. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике М.: Наука. 1980. 212 с.
179. Мельничук О.С. Мова як суспільне явище і як предмет сучасного мовознавства // Мовознавство. 1997. № 2-3. С. 3-19.
180. Мельничук О.С. Розвиток мови як реальної системи // Мовознавство. 1981. № 2. С. 22-34.
181. Мельчук И. А. Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка) // Проблемы кибернетики: сб. научн. трудов. Вып. 6. М. 1961. С. 207-276.
182. Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука. 1972. С. 396-438.
183. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М.: Школа «Языки русской культуры». 1999. 346 с.
184. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. Ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры. 2015. 344 с.
185. Мізіна О.І. Нульсуфіксальні прикметникові деривати: структурно-семантичний і функціонально-стильовий аспекти: автореф. ... дисс. канд. філол. наук. Харків. 2012. 20 с.
186. Монахова Т.В. Народництво, модернізм і постмодернізм у лінгвістиці: монографія. Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили. 2015. 300 с.
187. Мусиенко В.П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке: монография. М. 1997. 249 с.
188. Невідомська Л.М. Імпліцитність: мовносистемний аспект: монографія. Харків: Ранок-НТ. 2012. 416 с.

189. Некрилова О.Л. Перехідність-неперехідність дієслів у російській мові: когнітивно-еволюційний та посибілістичний аспекти: автореф. ... дис. канд. філол. наук. Харків. 2018. 18 с.
190. Немченко В.Н. Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского : серия филология. 2001. № 1 (2). С. 163-173.
191. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря Северянина М. Азбуковник. 2008. 379 с.
192. Новиков Д.Н. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте: Прототипическая база английского лексикона. М.: МГИМО – Университет. 2010. 118 с.
193. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов // Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19 -е изд., испр. М. Рус. яз. 1987. 750 с.
194. Онипенко Н. К. О функциональной парадигме глагола БЫТЬ // Функциональная лингвистика: проблемы и перспективы. Материалы конференции. Ялта, апрель 1995. Симферополь, 1995. С. 74-83.
195. Ошева Е.А. Паремиологическое пространство: дискуссионные вопросы // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Пермь. 2013. Т. 1. № 1. С. 75-88.
196. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль. 1983. 286 с.
197. Падучева Е.В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 84-99.
198. Палатовская Е.В. Современный русский орфографический словарь. Харьков. Веста: Издательство «Ранок». 2006. 928 с.
199. Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс. 1988. С. 5-11.
200. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка [пер. с франц. и англ.; сост., комм., ред. перевода В.А. Лукова, В.А. Лукова]. М.: Педагогика-Пресс. 1994. 528 с.

201. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология [пер. с франц.]. СПб.: Питер. 2004. 160 с.
202. Покровский М. М. Семантические исследования в области древних языков М. 1896. 123 с.
203. Пономарева М. Н. К вопросу о разграничении омонимии и полисемии // Разнородные черты языковых и речевых явлений: межвуз. сб. научн. трудов. Выпуск 12. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 2006. С. 163–167.
204. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография. Харьков: «НТМТ». 2013. 150 с.
205. Попов С.Л. Русская грамматическая вариативность в когнитивно-эволюционном освещении: монография. Харьков: «Міськдрук». 2014. 304 с.
206. Попова З. Д., Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1999. 186 с.
207. Попова З.Д. Системные отношения структурных схем русского простого предложения. Южнославянски филолог LXIV. 2008. С.323-336.
208. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад. 2007. 314 с.
209. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 1. Существительное. Прилагательное Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. М.: Просвещение. 1985. 319с.
210. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто. 1993. 192 с.
211. Потебня А.А. Язык и народность // Мысль и язык. К.: СИНТО, 1993. С. 158-185.
212. Потебня А.А. Эстетика и поэтика.М. «Искусство». 1976. 614 с.
213. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110-122.
214. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. М.: Вдохновение. 1991. 231 с.
215. Просяник О.П. Фердинанд де Соссюр: деміфологізація концепцій: монографія. Харків: Харківське історико-філологічне товариство. 2018. 276 с.

216. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Наука, 2004. 204 с.
217. Психологія: підручник / За ред. Ю.Л. Трофімова. К.: Либідь. 2001. 288 с.
218. Радзівеська Т.В. Нариси концептуального аналізу та лінгвістики тексту. Текст – соціум – культура – мовна особистість: монографія. Київ: Інформ-аналіт. агентство. 2010. 491 с.
219. Радзівеська Т.В. Дискурсивні аспекти динаміки української мови в контексті активних мовних процесів у слов'янському світі // Мовознавство. 2013. № 2-3. С. 149-162.
220. Радчук О.В. Реализация субъективной модальности в портретных и интерьерных описательных контекстах (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») : Дисс. канд. филол. наук. Харьков. 2009. 181 с.
221. Радчук О.В. Ассоциативный эксперимент как способ выявления грамматических лакун // Science and education a new dimension: Philology. 1(3), Issue: 13. Будапешт. 2013. С.132-136 .
222. Радчук О.В. Семантические типы понятия *отсутствие* как отражение изменений в грамматике русского языка // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. Харьков. 2014. № 1-2(51). С. 70-75.
223. Радчук О.В. Опозиты *ОТСУТСТВИЕ –ПРИСУТСТВИЕ* (этимологический экскурс) // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. Харьков. 2014. № 3(52). С. 3-7.
224. Радчук О.В. Паралингвистические способы репрезентации понятия *отсутствие* // Наукове видання «Мовні і концептуальні картини світу», випуск 50 частина 2: ВПЦ «Київський університет». Київ. 2014. С. 276-283.
225. Радчук О.В. Лингвокультурные особенности репрезентации понятия *отсутствие* в паремиях // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Серія *Філологія Педагогіка Психологія*. Випуск 30. Київ. 2015. С. 113-121.
226. Радчук О.В. Супплетивизм как материальное отсутствие повторяемости знака // Вісник Харківського національного університету

- імені В.Н. Каразіна № 1152, Серія «Філологія» Випуск 72. Харків. 2015. С. 22-26.
227. Радчук О.В. Актуалізація ідей О.О. Потебні про апперцепцію у когнітивній лінгвістиці // Мовознавство. Київ. № 6 (285). 2015. С.72-81.
228. Радчук О.В. Формування значення еквівалентних ад'єктивів в українській та російській мовах (на матеріалі слів *безпечний – без-опасный*) //Актуальні проблеми романо-германської філології та прикладної лінгвістики. Випуск 11-12 (частина 2). Чернівці, Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича. 2016. С. 192-195.
229. Радчук О.В. Лексико-грамматическая корреляция абстрактных понятий (*отсутствие – отрицание – пустота*) //Studia methodological, Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University, Jan Kochanowski University in Kielce, Issue 41, 2015, P. 17-23.
230. Радчук О.В. Реализация в языке экспланаторного потенциала понятия *отсутствие* // Мова і культура. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго. 2016. Вип. 19. Т. 1 (181). С. 202-209.
231. Радчук О.В. Деривационный супплетивизм как проявление нарушения симметрии в языковой системе // Граматичні студії: зб. наук. праць Донецький національний університет імені Василя Стуса: наук. ред А.П. Загнітко. Вінниця: ДонНУ імені Василя Стуса. 2017. Вип.3. С. 12-17.
232. Радчук О.В. Супплетивизм как результат развития языка и отражение ментальности его носителей // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. Харьков. 2017. №2 (61). С. 12-18.
233. Радчук О.В. Предпосылки применения методологии культурного трансфера в когнитивных исследованиях // Мова і культура. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго. 2017. Вип. 20. Т. IV (189). С. 25-32.
234. Радчук О.В. *Отсутствие* как понятие лингвокогнитологии // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. Харьков. 2018. № 1(63). С.20-26.

235. Радчук О.В. Когнитивный подход к изучению взаимовлияния языков при утрате контактного проживания // Коммуникативное пространство Беларуси: тезисы Международной научн. конференции, Минск, 25-26 октября 2018 г. / редкол.: Т.В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ. 2018. С. 79-83.
236. Радчук О.В. Віддзеркалення вчення П.О. Лавровського крізь призму когнітивно-дискурсивного аналізу // Мовознавство. Київ. № 4. 2018. С.70-75.
237. Радчук О.В. Когнитивный аспект в исследовании понятия *отсутствие* в лингвистике. International scientific and practical conference «Philology in EU countries and Ukraine at the modern stage» Conference proceedings. December 21-22. Baia Mare. Izdevnieciba «baltija publishing». 2018. P. 53-57.
238. Радчук О.В. Исследование понятия *отсутствие* в гуманитарных науках / Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету. Одеса: Видавничий дім «Гельветика». 2019. С. 180-184.
239. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2010. 448 с.
240. Ремнёва М.Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы. М.: Изд-во МГУ. 1988. 143 с.
241. Ремнёва М.Л. Категория времени в представлении русских книжников XVI –XVII вв. // Stephanos. М.: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. №6 (14). 2015. С. 10-35.
242. Решетников Ю.С., Котляр А.Н., Расс Т.С., Шатуновский М.И. Пятиязычный словарь названий животных. Рыбы. М.: Русск. яз. 1989. 733 с.
243. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение. 1976. 1985. 400 с.
244. Рудяков А.Н. Функциональная лингвистика. Георусистика. Лингводидактика [Текст]: сборник научных работ, посвященный юбилею А.Н. Рудякова / [отв. ред. Ю.В. Дорофеев]. Москва. Азбуковник. 2015. 363 с.

245. Русская грамматика / [Гл. ред. Н.Ю. Шведова]. В 2-х т. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука. 1980. 784 с.
246. Русская грамматика / [Гл. ред. Н.Ю. Шведова]. В 2-х т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука. 1980. 711 с.
247. Русский язык: энциклопедия [гл. ред. Ю. Н. Караулов]. М.: Большая Российская энциклопедия. Дрофа. 1997. 703 с.
248. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля. К. 2006. 716 с.
249. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. Довкілля-К. 2008. 712 с.
250. Сидоренко Е. Н. От понятийных категорий – к языковым смыслам и средствам их выражения // На терені юридичної та філологічної наук: зб. наук. праць, присвячений 50-річчю від дня народження і 25-річчю науково-педагогічної діяльності проф. Ю. Ф. Прадіда. Сімферополь: Еліньо. 2006. С. 272-277.
251. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): монография. Харьков: НТМТ. 2012. 480 с.
252. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилиях: монография. Харьков: Историко-филологическое общество. 2014. 240 с.
253. Скоробогатова Е.А., Минина Н.С. Грамматические значения и поэтические смыслы: стиховая актуализация служебных частей речи: монография. Харьков: ХЛП Бровин А.В. 2017. 160 с.
254. Словарь иностранных слов. 18-е изд. М.: Рус. яз. 1989. 624 с.
255. Словарь синонимов / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука. 1975. 648 с.
256. Словарь современного русского языка: В 17 т. // Ред. Л.С. Ковтун, В.П. Петушков. М.-Л.: Наука. 1956. Т. 4. с. 2126.
257. Словник української мови. В 11-ти т. // За ред. І.К. Білодіда. Київ: Видавництво «Наукова думка». 1972. Т. 3. 744 с., 1973. Т. 4. 840 с.

258. Словник української мови online. 2015-2019. Т.1-9. Український мовно-інформаційний фонд НАН України. С. 134. URL: <http://services.ulif.org.ua/expl/Entry/index?wordid=3307&>
259. Снитко Е. С. Внутренняя форма в процессах номинации (на материале русского языка): автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». Киев. 1990. 35 с.
260. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск. Изд-во ПГЛУ.1999. 159 с.
261. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления [под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной]. М.: Едиториал УРСС. 2002. 480 с.
262. Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта пустота (на материале поэтического языка московских концептуалистов): дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград. 1999. 190 с.
263. Соссюр Ф. де Курс общего языкознания // Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1977. 696 с.
264. Степанченко И.И. Функционализм как альтернативная лингвистическая парадигма (на материале художественных текстов): монография. Киев: Українське видавництво, 2014. 200 с.
265. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакуарности // Связи языковых единиц в системе и реализации: сб. научн. тр. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета. 1998. С. 22-31.
266. Стернин И.А. Лексическая лакуарность и понятийная эквивалентность. Воронеж. ВГУ. 1999. 18 с.
267. Строгонова Т.А., Буторина А.В. Николаева А.Ю., Ю.Ю. Штыров. Процессы автоматической активации и торможения моторных областей коры головного мозга при восприятии речевой информации // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 426-448.

268. Супрун А.Е. Лекции по языкознанию. Минск: Изд-во БГУ. 1971. 144 с.
269. Сэпир Э. Язык; [пер. с англ. А. М. Сухотин]. М.-Л. : Соцэкгиз. 1934. 223 с.
270. Тазетдинова Р. Р. Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии [Электронный ресурс] // Международная научная конференция [«Межкультурный диалог на евразийском пространстве»], (30 сентября – 2 октября 2002 г.). URL: http://www.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_tazetdinova.rtf.
271. Татаркевич В. Історія шести понять: Мистецтво. Прекрасне. Форма. Творчість. Відтворництво. Естет. переживання / Пер. з пол. В. Корнієнка / К.: Юніверс. 2001. 368 с.
272. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах. К.: Наукова думка. 1989. 254 с.
273. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований: сб. научн. тр. М.: Наука. 1977. С. 129-221.
274. Теркулов В.И. Периферийная индульгенция: главный миф лингвистической методологии // Мова і культура. 2011. Вип. 14. Т. III (149). С. 142-149.
275. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык. 1985. 576 с.
276. Томаселло М. Узуальная теория усвоения языка // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М. Языки славянской культуры. 2015. С. 755-785.
277. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси. Т.1. 2010. 448 с.
278. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси. Т.2. 2010. 496 с.
279. Торопцев И. С. Лексическая мотивированность (на материале русского литературного языка) // Ученые записки Орловского педагогического института. Орел. 1964. Т. 22. С. 21-27.

280. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование. Херсон: Изд-во ХГУ. 2003. 336 с.
281. Тропіна Н. П. Семантична деривація в сучасній російській мові: автореф. дис. на здоб наук. ступеня доктора філол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова». Київ. 2004. 36 с.
282. Трубецкой Н. С. Отношение между определяемым, определением и определенностью // Избранные труды по филологии. М.: Наука. 1987. С. 37-43.
283. Українська мова: енциклопедія / [за ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін.]. К.: «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2007. 854 с.
284. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка: [монография]. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник». 2005. 313 с.
285. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований: сб. научн. трудов. М.: Наука. 1980. С. 5-80.
286. Ушкова Н. В. Аналитическая репрезентация концепта в языке: автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». Тамбов. 2006. 44 с.
287. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.: Пер. с нем. Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М. Астрель –АСТ. 2004. Т.1. 588с., Т.2. 671с., Т. 3. 830 с.
288. Философский энциклопедический словарь / Сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА. 1998. 576 с.
289. Формальная логика / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1977. 356 с.
290. Фромм Э. Искусство любить. М. АСТ. 2009. 224 с.
291. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М.: Наука. 1990. 296 с.
292. Хайдегер М. Искусство и пространство. URL: [http:// www.philosophy.ru/library/heideg](http://www.philosophy.ru/library/heideg)

293. Харченко В.К. Белые пятна на карте современной лингвистики: книга рисков. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького. 2008. 168 с.
294. Хомский Н. Введение в формальный анализ естественных языков М.: Едиториал УРСС. 2003. 64 с.
295. Хрестоматия по истории русского языка / авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М.: Просвещение. 1990. 289 с.
296. Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Избранное в 2-х книгах. Кн. 2. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука. 2008. 390 с.
297. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., переаб. и доп. К.: Рад. шк. 1989. 511 с.
298. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка [Текст] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. Москва : Азбуковник. 2009. 1087 с.
299. Ченки А. Понятие динамического диапазона коммуникативных действий в теории когнитивной лингвистики // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 560-574.
300. Чумакина М. Э., Hippiisley A., Corbett G. Исторические изменения в русской лексике: случай чередующегося супплетивизма. 2004. Рукопись. 56 с.
301. Шведова Н.Ю. Еще раз о глаголе быть // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 3-13.
302. Шмелев А.Д. Супплетивизм или синонимия? // Международная филологическая конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов». Москва. 24 – 26 октября 2012 г.: Избранные труды. 2013. С. 573-586.
303. Щеникова Е.В. Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе: дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород. 2006. 210 с.

304. Широкоград Є.Х. Петро Олексійович Лавровський. Українська мова. Енциклопедія. К.: Українська енциклопедія, 2000. С. 267-268.
305. Штейнбук Ф.М. Конвергенція тілесних мікротопосів у сучасній світовій літературі: монографія. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго. 2014. 248 с.
306. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум». 2004. 544 с.
307. Эпштейн М.Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество. Знамя. 2007. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/snamia/2007/3/ep18.html>.
308. Юйин Лю, Соколова Т.И. Пространство и время в романе А.В. Иличевского «Матисс»: лингвокогнитивный и стилистический аспекты. Киев: «Українське видавництво». 2012. 158 с.
309. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс. 1985. 456 с.
310. Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М.: АН СССР. 1963. С. 3-12.
311. Baerman, Matthew, Corbett, Greville, Brown, Dunstan, 2010. Defective paradigms. Missing forms and what they tell us. 230 p.
312. Baerman, Matthew; Corbett, Greville; Brown, Dunstan, 2010. Defective paradigms. Missing forms and what they tell us. 230 p.
313. Bybee J. Morphology : A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Benjamins. 1985. 234 p.
314. Corballis MC From hand to mouth: The gestural origins of language // Language evolution / Ed. by Christiansen M.H., Kirby S. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 201-218.
315. Dokulil M. Tvoreni slov v češtine. I. Teorie odvozování slov. Praha: CAV. 1962. 263 s.
316. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models and meaning construction. Oxford. New York: Oxford University Press, 2009. P. 175-176.
317. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica 6. No 2. 1985. P. 53-222.

318. Geeraerts D. Methodology in cognitive linguistics // Cognitive linguistics: Current applications and future perspectives / Eds. G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. de Mendoza Ibanez. Berlin; New York. 2006. P. 3-31.
319. Geiger L. Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft Published Frankfurt/Main, Minerva GMBH, 1977. P. 151-153.
320. Joseph G. G. The Crest of the Peacock: Non-European Roots of Mathematics (Third Edition). Princeton University Press, 2011. P. 86
321. Lakoff J. The Invariance Hypothesis: is Abstract Reason Based on Imageschemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1). P. 39-74.
322. Matthews P.H. The Concise Oxford Dictionary of linguistics (2-nd edition). Oxford: OUP, 2007. 414 p.
323. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Ed. 2. Paris: Champion. 1926. 355 p.
324. Moser W. Pour une grammaire du concept de «transfert» appliqué au culturel // Transfert. Exploration d'un champ conceptuel. Université d'Ottawa, 2014. P. 49-77.
325. Nida E. A. Componential analysis of meaning. The Hague-Paris, Mouton. 1975. 272 p.
326. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General 104. 1975. P.192-233.
327. Schwarz-Frisel M. Zum Status externer Evidenz in der Kognitiven Linguistik: Daten-Verarbeitung als Problem der Kompatibilität oder der Paradigmenstagnation? Sprachtheorie und germanistische Linguistik. 2009. № 19 (2). S. 103-125.
328. Słownik języka polskiego / Red. naczelny W. Doroszewski. Warszawa. 1963. 464 p.
329. Tomasello M. Constructing a Language: A usage-based approach to language acquisition. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2003. 388 p.
330. Vigkiocco G., Meteyard L., Andrews M., Kousta S. Toward a theory of semantic representation // language and Cognition. 2009. № 1 (2). P.219-247.

- 331. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Ann Arbor Karoma publishers. 1985. 368 p.
- 332. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing. 1988. 617 p.
- 333. Zhabotynska, S.A. Possession frame // Pragmatics and beyond: Abstracts of the second USSE conference. Kharkiv, 2001. P. 100-103.
- 334. Zur Struktur des Russischen Verbuns. In: Charisteria G. Mathesio quinquagenario, 1932, p. 74 sqq.; Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague, VI, p. 240 sqq.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Репрезентация понятия «отсутствие» невербальными способами

Жест №1: разведение рук в стороны, при котором кисти рук находятся ладонями вверх.

Жест №2: поворот головы (туловища) вправо или влево с целью поиска чего-либо/ кого-либо.

Жест №3: ребенок закрывает лицо руками и тем самым показывает взрослым, что его нет;

Жест №4: ребенок держит руки над головой, показывая домик (меня нет, я вдомике).

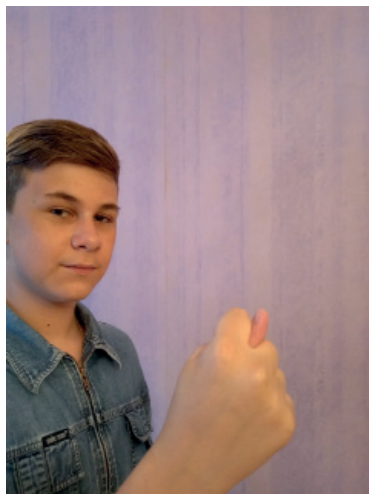
Жест №5: соединение рук крест-накрест в запястьях с раскрытыми ладонями.

Жест №6: человек крутит пальцем у виска.

Жест №7: человек показывает кукиш.

Жест №8: демонстративное выворачивание пустых карманов.

Жест №9: постукивание кулаком по лбу (голове).

Жест №10: отстраненное движение рукой (чаще правой) с открытой ладонью, когда кисть практически перпендикулярна предплечью.

Жест №11: прикладывание указательного пальца перпендикулярно губам, как просьба не шуметь, соблюдать тишину.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1

Особенности репрезентации понятия «отсутствие» в паремиях

<i>№ п/п</i>	<i>Паремия</i>	<i>Объект отсутствия</i>	<i>Языковое выражение</i>	<i>Национальная специфика</i>
1	Без поговорицы речь не молвится	действие и результат	предлог <i>без</i> и частица <i>не</i> безличное предложение	субстантивы <i>пословица</i> и <i>речь</i> , глагол <i>молвится</i>
2	Ничем не риско- вать – значит, ни- чего не иметь.	действие и результат	отрицательное местоимение <i>ничто</i> в Т.п. и Р.п., частица <i>не</i>	двойное отри- цание
3	На безрыбье и рак – рыба.	что-либо, кто-либо	лексема <i>безрыбье</i> (префикс <i>без-</i>)	лексемы <i>безрыбье, рак</i>
4	Как в воду канул.	что-либо, кто-либо	лексема <i>канул</i> обобщен- но-личное предложение	лексема <i>канул</i>
5	Хорошо там, где нас нет.	человек, люди	предикат <i>нет</i>	лексема <i>хорошо</i>
6	На нет и суда нет.	что-либо, кто-либо	субстантив <i>нет</i> , предикат <i>нет</i> безличное предложение	субстантив <i>нет</i>
7	Нет дыма без огня.	источник, причина	предикат <i>нет</i> , предлог <i>без</i> безличное предложение	ментальная связь лексем <i>дым</i> и <i>огонь</i>
8	Свято место пусто не бывает.	незамени- мость человека	частица <i>не</i>	словоформа <i>свято</i>
9	Звону много, тол- ку мало.	результат	лексема <i>мало</i>	лексема <i>звону</i>

№ п/п	Паремия	Объект отсутствия	Языковое выражение	Национальная специфика
10	Без труда нет и заработка.	деньги, заработок	предлог <i>без</i> предикат <i>нет</i>	ментальная связь лексем <i>труд</i> и <i>зарабо- ток</i>
11	Без труда нет плода.	результат	предлог <i>без</i> предикат <i>нет</i>	ментальная связь лексем <i>труд</i> и <i>плод</i>
12	Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.	результат	предлог <i>без</i> и частица <i>не</i>	ментальная связь лексем <i>труд</i> , <i>рыбка</i> и <i>пруд</i>
13	Худые вести не лежат на месте.	Нераспро- странение тайны	предлог <i>не</i>	лексема <i>худые</i>
14	Ученье свет, а неученье – тьма.	результат	префикс <i>не-</i>	лексемы <i>неученье</i> , <i>тьма</i>
15	Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей.	результат	частица <i>не</i>	лексемы <i>рублей</i> , <i>друзей</i>
16	Лучше синица в руке, чем журавль в небе.	что-либо	лексема <i>в небе</i>	лексемы <i>синица</i> , <i>жу- равль</i> , <i>небо</i>
17	Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.	опыт	частица <i>не</i> обобщен- но-личное и безличное предложения	лексемы <i>колодец</i> , <i>не плюй</i>
18	Под лежащий камень вода не течет.	результат	частица <i>не</i>	лексемы <i>лежащий ка- мень</i> , <i>вода</i>
19	От добра добра не ищут.	результат	частица <i>не</i> неопределен- но-личное предложение	повтор слова <i>добро</i>

№ п/п	Паремия	Объект отсутствия	Языковое выражение	Национальная специфика
20	Нет худа без добра.	что-либо	предикат <i>нет</i> предлог <i>без</i> безличное предложение	лексемы <i>худо, добро</i>
21	Не все то золото, что блестит.	качество	частица <i>не</i>	лексемы <i>то, золото</i>
22	В тесноте, да не в обиде.	непонимание	лексема <i>теснота</i> частица <i>не</i>	лексемы <i>теснота, оби- да</i> устаревший союз <i>да</i>
23	Звезд с неба не хватает.	знания, опыт	частица <i>не</i> определен- но-личное предложение	лексемы <i>небо, хватает</i>
24	Нет ни стыда, ни совести.	стыд, совесть	усилительные частицы <i>ни</i> предикат <i>нет</i>	двойное отри- цание лексемы <i>стыд, совесть</i>
25	Потерять всякий стыд.	стыд	лексема <i>потерять</i>	лексемы <i>стыд, всякий</i>
26	Взять грех на душу.	стыд	лексема <i>грех</i> инфинитивное предложение	лексемы <i>грех, душа</i>
27	Не иметь головы на плечах.	мудрость, опыт	частица <i>не</i> инфинитивное предложение	лексемы <i>голова, плечи</i>
28	Ноль без палочки.	знания, опыт	предлог <i>без</i> лексема <i>ноль</i>	лексемы <i>ноль, палочка</i>
29	Ума палата, да ключи утеряны.	знания, опыт	лексема <i>утерять</i>	лексемы <i>утерять, па- лата</i> устаревший союз <i>да</i>

№ п/п	Паремия	Объект отсутствия	Языковое выражение	Национальная специфика
30	Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет.	знания, опыт	лексемы <i>дурак, расшибет</i> обобщено-личное предложение	лексемы <i>молиться, бог, дурак, лоб, расшибет</i>
31	Смотреть в книгу, видеть фигу.	знания, опыт	инфинитивное предложение лексема <i>фига</i>	лексема <i>фига</i>
32	Голый в бане, бло- ха на аркане.	деньги	лексема <i>голый</i>	лексемы <i>голый, баня, блоха, аркан</i>
33	Нет ума, считай калека.	знания, опыт	предикат <i>нет</i> лексема <i>калека</i>	лексема <i>калека</i>
34	Краше только в гроб кладут.	красота	неопределен- но-личное предложение	лексемы <i>гроб, краше</i>
35	Остаться у разби- того корыта.	деньги	лексемы <i>разбитого корыта</i> инфинитивное предложение	лексемы <i>разбитого, корыта</i>
36	Разбить в пух и прах.	результат	лексема <i>прах</i> инфинитивное предложение	лексемы <i>пух, прах</i>
37	Молоко на губах не обсохло.	знания, опыт	частица <i>не</i>	лексемы <i>молоко, об- сохло</i>
38	Сапожник без сапог.	результат	предлог <i>без</i>	однокоренные слова <i>сапо- жник, сапоги</i>
39	Слово не воробей, вылетит – не пой- маешь.	знания, опыт	частица <i>не</i> обобщен- но-личное предложение	лексемы <i>слово, воробей</i>

<i>№ п/п</i>	<i>Паремия</i>	<i>Объект отсутствия</i>	<i>Языковое выражение</i>	<i>Национальная специфика</i>
40	Без беды друга не узнаешь.	опыт	частица <i>не</i> предлог <i>без</i> обобщенно-личное предложение	лексемы <i>беды, друга</i>
41	На труды праведные не наживёшь палаты каменные.	результат	частица <i>не</i> обобщенно-личное предложение	лексемы <i>праведные, палаты</i>
42	Людей много, а человека нет.	качество	предикат <i>нет</i> безличное предложение	супплетивные формы <i>люди, человек</i>
43	Умный бы ты был человек – кабы не дурак.	знания, опыт	частица <i>не</i>	устаревший союз <i>кабы</i> лексемы <i>человек, дурак</i>
44	Была и честь, да не умел её снесть.	знания, опыт	частица <i>не</i> обобщенно-личное предложение	устаревший союз <i>да</i> устаревшая форма <i>снесть</i>
45	Не место красит человека, а человек место.	качество	частица <i>не</i>	повторы лексем <i>человек, место</i>
45	С родной земли – умри, не сходи.	действие	частица <i>не</i> обобщенно-личное предложение	лексемы <i>родной, земли</i>
47	Сила – уму могила.	знания, опыт	лексема <i>могила</i> метафора	лексема <i>могила</i>
48	Языком не спеши, а делом не ленись.	действие и результат	повтор частицы <i>не</i> обобщенно-личное предложение	лексемы <i>языком, ленись</i>

<i>№ п/п</i>	<i>Паремия</i>	<i>Объект отсутствия</i>	<i>Языковое выражение</i>	<i>Национальная специфика</i>
49	Языком масла не собьёшь.	действие и результат	частица <i>не</i> обобщен- но-личное предложение	лексемы <i>языком, масла</i>
50	Без труда ничего не дается.	действие и результат	частица <i>не</i> предлог <i>без</i> отрицательное местоимение <i>ничто</i> в Р.п., безличное предложение	лексемы <i>труда, дается</i>

АНОТАЦІЯ

Дослідження присвячене вивченню одного з важливих понять у лінгвокогнітології – «відсутність» – та засобів його репрезентації в російській мові.

У монографії висвітлено одне з актуальних питань сучасної лінгвістики – систематизації та уніфікації термінологічного апарату когнітивних досліджень та зроблено спробу розкрити новий аспект у визначенні терміна *поняття*. У трактуванні терміна *поняття* пропонується новий підхід, що позначається як міждисциплінарна конвергенція.

Міждисциплінарна конвергенція гуманітарних наук дає можливість зрозуміти, що термін *поняття* є інтегральним, а «відсутність» набуває статусу базового поняття в когнітології. Такі висновки є результатом аналізу кореляції терміна *поняття* з термінами *концепт*, *категорія*, *понятійна категорія*, *дефініція*. Унаслідок чого було визначено, що «відсутність» – одне з фундаментальних понять пізнання, пов'язане з іншими поняттями та є елементом термінологічних систем різних галузей наукового знання, стилістично не марковане й вільно вступає в синтагматичні зв'язки з іншими термінами.

Аргументація на користь вибору терміна *поняття* дозволила розглянути поняття «відсутність» у гуманітарних науках, зокрема в літературознавстві, філософії, психології, естетиці та інших. Установлено, що абстрактне поняття «відсутність» виявляє асоціативні зв'язки й метафоричні інтерпретації не лише у лінгвальному аспекті, але й активно використовується в усіх гуманітарних науках, у яких спостерігається спільність і диференціювання відносно поняття «відсутність». У літературознавців, філософів, психологів та інших представників гуманітарних наук чітко простежується кореляція понять «відсутність» і «порожнеча». Кристалізація наукових поглядів зосереджена на людині як соціальному, психічному, біологічному феномені, що пізнає навколишній світ і заповнює всі ніші відсутності, що виникають у неї на шляху до самореалізації. Це пов'язано з розвитком антропоцентризму пізнання як основного напрямку в сучасних гуманітарних дослідженнях.

Дослідження поняття «відсутність» у мовній системі й ступінь його вивченості в лінгвістиці показало, що проблема представлена в науковій літературі тільки у функціональному аспекті. Це не дозволяло дати відповіді на питання: чому вказане поняття має місце в системі мови, чому існують аномалії в мові й мовна система асиметрична?

Унаслідок того, що будь-яка мовна система заснована на взаємозалежності її елементів і описується за допомогою протиставлення деякого атрибута наявності або відсутності, була висунута гіпотеза про те, що поняття «відсутність» має реалізацію на всіх рівнях мовної системи. Починаючи з фонологічних опозицій, розроблених празькими структуралістами, лінгвісти розглянули парадигми мовних одиниць, що належать до основних і проміжних рівнів мовної системи. Однак національна специфіка кожної мови розкривається в неповних або так званих «дефектних» парадигмах, у яких відсутній певний елемент мовної структури.

Оскільки в когнітивній лінгвістиці немає єдиного методу дослідження, було розглянуто поєднання методик минулого й сучасного мовознавства з метою формування методологічної бази дослідження. Вивчення наукової спадщини П.О. Лавровського крізь призму когнітивно-дискурсивного аналізу дозволило стверджувати, що сучасні методики моделювання історії мови розвинулися з порівняльно-історичних досліджень XIX століття, джерелом яких багато в чому стали лінгвістичні ідеї українського мовознавця.

Вагомим внеском у методологію мовознавства стало введення О.О. Потебнею психологічного поняття апперцепції в мовознавство. Подальша актуалізація ідей ученого про апперцепцію дозволила розробити методику словотвірного аналізу в когнітивному аспекті.

Грунтовного методологічного значення в нашому дослідженні набули також ідеї мовної взаємодії українського мовознавця І.К. Білодіда у вивченні когнітивних процесів, оскільки методологія когнітивної лінгвістики охоплює мовознавчі та ментальні інтерпретації мовних явищ, що демонструють, з одного боку, взаємообумовленість та взаємозалежність споріднених слов'янських мов, а з іншого, – самобутність кожної мови.

У методологічній частині роботи аналізуються сучасні підходи у

вивченні мовних явищ: поєднання традиційних та інноваційних методів дослідження мовних понять. Особливу увагу приділено методології культурного трансферу, застосування якої дозволило виявити лінгвоспецифічні та ідіонаціональні своєрідності мовної репрезентації поняття «відсутність» у російській мові.

На основі етимологічного екскурсу в монографічному дослідженні проаналізовано опозити *відсутність* – *присутність*, представлено розвиток та зміну семантики й граматичних форм указаних слів. Дослідження абстрактних понять «відсутність» – «присутність» було проведено в парадигмі когнітивної лінгвістики, оскільки пов'язано зі сприйняттям, усвідомленням та досвідом людини, що пізнає навколишній світ та саму себе.

Оскільки первинною презентацією абстрактних понять були паралінгвістичні засоби, у дослідженні розглянуто паравербальні репрезентації поняття «відсутність». Було виявлено когнітивні та лінгвокультурні особливості жестів, що передають поняття «відсутність» у російській мові. У роботі показано роль жестів у становленні людської свідомості та звукового мовлення, проаналізовано існуючі класифікації жестів та подано їхній опис, зроблено висновок про те, що мова жестів передає в концентрованому вигляді національно-культурні елементи реалій конкретного етносу.

Лінгвокультурні особливості поняття «відсутність» виявлені в пареміях, національна специфіка якого в цих сталих зворотах російської мови може бути зреалізована лексико-семантичними та граматичними засобами. Аналіз мовного матеріалу показав, що частіше поняття «відсутність» виражено синкретичними засобами, що поєднують лексико-семантичні й синтаксичні чи морфологічні й синтаксичні засоби. Регулярна репрезентація прислів'їв безособовою синтаксичною конструкцією є свідченням того, що така модель підсилює та підкреслює поняття «відсутність» у пареміях.

У лінгвістичній площині комунікації спостерігається поєднання невербальної та вербальної репрезентації поняття «відсутність». Супровід звукового мовлення жестикуляцією, на наш погляд, підсилює вираження поняття «відсутність» емоційно та надає йому особливої експресії, а та-

кож виявляє національні специфічні риси.

За допомогою методики концептуального аналізу було підтверджено гіпотезу про те, що лексичні засоби вираження поняття «відсутність» з'явилися тому, що мовні прототипи *ні* та *без* семантично неповні, вони не виражають суб'єктивні нюанси, яких набули конкретні слова.

На підґрунті теоретичних засад, розроблених О.О. Потебнею, розглянуто вплив апперцепції на розкриття словотвірного потенціалу префіксів у російській мові в парадигмі когнітивної лінгвістики, а також проаналізовано порушення механізму репрезентації сем 'наявність' та 'відсутність' під час формування значень еквівалентних ад'єктивів у російській та українській мовах.

В аналізі вербальних репрезентацій опозитів *відсутність* та *присутність* було застосовано метод інтерпретації. У бінарній парі *відсутність* та *присутність*, за допомогою якої представлено дискурсивні змісти об'єктивної дійсності з урахуванням індивідуального сприйняття, провідним є поняття «відсутність», що має значний експланаторний потенціал.

У результаті проведення асоціативного експерименту було виявлено граматичні лакуни, у яких сфокусовано поняття «відсутність». Оброблені відповіді респондентів стосувалися граматичних форм і граматичних категорій, що асоціюються з поняттям «відсутність» у мовній системі. Логічним підсумком спостережень стало те, що за допомогою психолінгвістичного експерименту можна пояснити лінгвокультурні та лінгвопсихологічні витоки граматичних універсалій, які містять поняття «відсутність».

Спираючись на історичні коментарі, виокремлено три семантичні типи поняття «відсутність» на рівні граматики російської мови: *повна відсутність*, *відновлювана відсутність*, *зникнення*. Указані типи свідчать про те, що граматична система російської мови є відображенням змін у системі російської мови та своєрідної ментальності російського народу.

У монографії розглянуто граматичне явище суплетивізму як *відсутності* матеріальної повторюваності знака, що пов'язано також з мовною ментальністю носіїв російської мови. У роботі здійснено спробу розмежування словозмінного й словотвірного суплетивізму, системного представлення гетерогенних форм різних частин мови й виявлення лінгво-

культурних витоків виникнення таких форм.

У дослідженні граматичне явище суплетивізму представлено як особливий засіб репрезентації мовних знаків. На прикладах розглянуто прояв словозмінного та словотвірного суплетивізму, зроблено висновок про зв'язок розбіжності давніх форм мови із сучасними, що відбивається в ментальності етносу. Суплетивні форми слів наочно демонструють такі властивості мовного знаку, як довільність і лінійність. У довільності знака відображається мовна ментальність носіїв мови, а лінійність встановлює рамки, обмеження для прояву першої ознаки в конкретній мовній системі.

Оскільки мова розвивається стихійно, схильна до впливу багатьох екстралінгвістичних факторів, тому в ній трапляються аномалії та відхилення, що відбиваються в матеріальній оболонці слів. Поняття «відсутність» якраз і є яскравим проявом мовної аномалії – непередбачуваної й до кінця не вивченої.

ABSTRACT

The research deals with the notion of 'absence' as one of the basic notions in cognitive linguistics and the means of its representation in the Russian language.

The monographic research touches upon one of the urgent issues of modern linguistics – systematization and unification of cognitive researches terminological apparatus and an attempt is made to reveal a new aspect in representing the notion of 'absence'. A new approach to defining the term *notion* is suggested and is named as interdisciplinary convergence.

Interdisciplinary convergence of humanities leads to understanding that the term *notion* is integral, and the notion of 'absence' acquires the status of a basic notion in cognitive sciences. This conclusion is based on analyzing the term *notion* correlation with the terms *concept*, *category*, *notional category*, *definition*. It is ascertained by the conclusion that the term *notion* is one of the fundamental notions of cognition that is connected to other notions and is an element of terminological systems of different branches of science; it is stylistically unmarked and can freely display syntagmatic relations to other terms.

Arguments for the choice of the term *notion* allowed the researcher to consider different studies of the notion of 'absence' in humanities including literary criticism, philosophy, psychology, esthetics etc. It is stated that the abstract notion of 'absence' reveals associative relations and metaphoric interpretations not only in lingual aspect but is also actively used in all humanities where both similarities and differences in interpreting the notion of 'absence' are traced. It is noticed that literary critics, philosophers, psychologists and other representatives of humanities obviously correlate the notions of 'absence' and of 'emptiness'. Scientific views are focused on a person as a social, psychological and biological phenomenon that comprehends their surroundings and filling in all the gaps that one comes across on the way to self-realization. It is connected with the development of anthropocentricity as the main trend in modern humanities.

By examining the notion of absence in the language system and the extent of its linguistic studies it is proved that the issue is presented just in the functional aspect in the scientific literature. Thus, it was not possible to answer

several questions: why there is such a notion in language system, why there are anomalies in a language, and why language system is asymmetric.

Since any language system is based on the interdependence of its elements and is described by some attribute opposition of availability or absence, there has been put forward a hypothesis that the notion of 'absence' is realized at all levels of the language system. Starting from phonological oppositions worked out by Prague structuralists, linguists have considered paradigms of language units belonging to the main and intermediate levels of language system. However, each language national specifics are revealed in incomplete or the so-called 'defective' paradigms where a certain element of the language structure is absent.

Since cognitive linguistics lacks a uniform research method, a combination of previous and modern methods in linguistics have been examined to form the methodological foundation of this research. Studying P.A. Larovskyi's scientific heritage through the prism of cognitive and discourse analysis led us to the conclusion that contemporary methods of modelling language history have originated from comparative-historical studies of the XIX century, and the Ukrainian linguist's ideas gave rise to a lot of them.

An essential contribution to linguistic methods was made by A.A. Potebnya's introduction of the psychological notion of 'apperception' into linguistics. Further development of the scholar's ideas on apperception made it possible to work out methods of word-building analysis in a cognitive aspect.

Very important for the methodology of this research of studying cognitive processes were ideas of a Ukrainian linguist I.K. Bilodid about language interaction, since cognitive linguistics methods embrace linguistic and mental interpretations of language phenomena that, on the one hand, show interdependence of cognate Slavic languages, and on the other hand, specifics of each language.

The methodological part of the research deals with modern approaches to studying language phenomena: a combination of traditional and innovative methods of examining language notions. Particular attention is paid to the methods of cultural transfer, and by applying them, linguistic specifics and national peculiarities of representing the notion of 'absence' in the Russian

language are revealed.

By etymological analysis, the monographic research investigates oppositions *absence – presence* and development and changes in semantics and grammar forms of the words are shown. The research of abstract notions of ‘absence’ – ‘presence’ is conducted in the paradigm of cognitive linguistics as connected with perception, comprehension and experience of a person understanding the world around and themselves.

Since paralinguistic means made up the primary representation of abstract notions, the research considers paralinguistic representations of the notion of ‘absence’. Some cognitive and linguocultural specific features of gestures representing the notion of ‘absence’ in Russian are revealed. The role of gestures in developing human cognition and sound speech is presented, existing classifications of gestures are described and analysed. It is concluded that the language of gestures supplies some condensed presentation of national and cultural elements of this ethnos realia.

Paremia manifest linguocultural peculiarities of representing the notion of ‘absence’ as well. The national and cultural specifics of the notion of ‘absence’ in those set expressions of the Russian language can be realized by lexico-semantic and grammatical means. Analysis of the language material proved that most frequently the notion of ‘absence’ is expressed by syncretic means that embrace either lexico-semantic and syntactic means, or morphological and syntactic means. Regular occurrence of proverbs with impersonal constructions testifies to the fact that this pattern emphasizes and underlines the notion of ‘absence’ presented in paremia.

On the linguistic plane of communication, combination of non-verbal and verbal representation of the notion of ‘absence’ is traced. By accompanying sound speech with gestures, the speaker, in our opinion, emphasizes the notion of ‘absence’ emotionally and makes it especially expressive, at the same time revealing national specific features.

By methods of conceptual analysis it is proved that lexical means of expressing the notion of ‘absence’ appeared due to semantic incompleteness of language prototypes *нет* and *без* as they did not express subjective nuances that definite words have acquired.

Based on the theoretical grounds worked out by A.A. Potebnya, the influence of apperception on revealing the word-building potential of Russian prefixes within the paradigm of cognitive linguistics is considered, and cases of violating the mechanism of representing the semes of 'presence' and 'absence' in the process of forming meanings of equivalent adjectives in Russian and Ukrainian are traced.

The interpretation method is used to analyse verbal representations of the opposeemes *absence* and *presence*. In the binary pair *absence* and *presence*, which presents discourse meanings of the objective reality through individual perception, the notion of 'absence', having great explanatory potential, plays the leading role.

During the associative experiment there were revealed grammatical lacunas where the notion of 'absence' is focused. The respondents' answers under analysis refer to grammar forms and grammar categories associated with the notion of 'absence' in the language system. It is concluded that with the help of a psycholinguistic experiment it is possible to explain linguocultural and linguopsychological origins of grammar universals representing the notion of 'absence'.

Based on historical comments, three semantic types of the notion of 'absence' at the level of grammar of the Russian language are defined: *complete absence*, *re-filled absence*, and *disappearance*. Those types prove that Russian grammar system reflects changes in the system of the Russian language and features of Russian people's mentality.

The monograph considers the grammatical phenomenon of suppletivity as the absence of material repetition of a sign, which is also connected with language mentality of Russian speakers. The research attempts to distinguish word-changing and word-building suppletivity as well as systemic presentation of heterogenous forms of various parts of speech and finding out linguocultural origins of those forms appearance.

The research views the grammar phenomenon of suppletivity as a special way of representing language signs. Examples of manifestations of word-changing and word-building suppletivity are examined, and conclusion about connections of divergence of ancient language forms with modern and

their reflection in ethnic mentality is made. Suppletive forms visually demonstrate such features of a language sign as its arbitrary and linear character. Sign arbitrariness is a reflection of native speakers' mentality, and linearity sets the limits to manifesting the first attribute within a definite language system.

Since a language develops spontaneously and is influenced by a number of extralinguistic factors, there are anomalies and deviations in it, reflected in the material form of words. The notion of 'absence' is a vivid example of language anomaly that is unpredictable and has not been fully understood.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Наукове видання

Радчук Ольга Вячеславівна

**ЛІНГВОКОГНІТИВНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ ПОНЯТТЯ
«ВІДСУТНІСТЬ» У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ**

Монографія

(російською мовою)

За авторською редакцією

Відповідальний за випуск Н. М. Ярошенко

Видано в авторській редакції.

Комп'ютерна верстка та дизайн І. В. Москалюк

Підписано до друку 30.08.2019 р.

Формат 60х84 1/16. Папір офсетний. Гарнітура Times.

Ум.-друк. арк. 17,9. Наклад 300 прим. Зам. № 1712/1

Надруковано з оригінал-макета,

виготовленого Видавництвом «Юрайт»

(Свідоцтво про внесення до державного реєстру суб'єктів
видавничої діяльності: серія ДК № 4236 від 22.12.2011 р.),

СПД ФО Степанов В.В.